

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
24 апреля 2019 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 1 (2019)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вопросы квалификации

1. Похищение у гражданина свидетельства о регистрации транспортного средства, водительского или пенсионного удостоверения, страхового медицинского полиса подлежит квалификации по ч. 2 ст. 325 УК РФ, поскольку такие документы выдаются гражданам для реализации их личных прав и относятся к числу важных личных документов.

Установлено, что Т., действуя в составе банды, принял участие в совершенных ею нападениях на водителей частных такси. Нападавшие убивали потерпевших и похищали из автомашин различное имущество, а также водительские удостоверения, свидетельства о регистрации транспортного средства, страховой полис, пенсионное удостоверение и паспорт.

Указанные действия Т. квалифицированы судом помимо прочего по чч. 1 и 2 ст. 325 УК РФ как похищение у граждан официальных документов.

Между тем паспорт, свидетельство о регистрации автомашины, водительское удостоверение, пенсионное удостоверение, удостоверение личности, страховой медицинский полис не относятся к числу официальных документов, ответственность за похищение которых наступает по ч. 1 ст. 325 УК РФ, а являются важными личными документами, которые выдаются для реализации гражданами их личных прав, ответственность за похищение которых предусмотрена ч. 2 ст. 325 УК РФ.

При таких обстоятельствах осуждение Т. по ч. 1 ст. 325 УК РФ является излишним.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор в отношении Т. и исключил его осуждение по ч. 1 ст. 325 УК РФ.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 115-П18*

Назначение наказания

2. По смыслу закона, если статья Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой квалифицировано преступление, предусматривает возможность назначения дополнительного наказания по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания его применения с приведением соответствующих мотивов.

Суд первой инстанции, квалифицировав действия осужденного по ч. 3 ст. 30, пп. «б», «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ, помимо основного наказания в виде лишения свободы, назначил ему дополнительное наказание в соответствии с санкцией этой нормы в виде штрафа в размере 100 тыс. руб.

Однако, как следует из редакции данной статьи уголовного закона, назначение дополнительного наказания в виде штрафа не являлось обязательным.

В силу требований, предусмотренных п. 4 ст. 307 УПК РФ, описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать в том числе мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбывания, применению иных мер воздействия.

Между тем суд, назначив осужденному по ч. 3 ст. 30, пп. «б», «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ дополнительное наказание в виде штрафа, в описательно-мотивировочной части приговора данное решение не мотивировал.

Указанное нарушение уголовного закона в соответствии с ч. 1 ст. 412⁹ УПК РФ является существенным, повлиявшим на исход дела.

С учетом изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и кассационное определение и исключил назначенное по ч. 3 ст. 30, пп. «б», «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ дополнительное наказание в виде штрафа в размере 100 тыс. руб.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 129-П18С*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

3. Иск о признании зарегистрированного права или обременения отсутствующим является исключительным способом защиты, который подлежит применению лишь тогда, когда нарушенное право истца не может быть защищено посредством предъявления специальных исков, предусмотренных действующим гражданским законодательством.

Министерство земельных и имущественных отношений субъекта Российской Федерации обратилось с иском к государственному образовательному учреждению (далее – образовательное учреждение) и А. о признании отсутствующим права собственности последнего на объект недвижимого имущества, указав в обоснование иска, что в соответствии с выпиской из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее – ЕГРП) от 1 декабря 2016 г. А. незаконно является собственником нежилого здания.

Основанием для государственной регистрации права собственности за ответчиком явилось разрешение на ввод объекта в эксплуатацию и договор аренды земельного участка. Названный объект недвижимого имущества представляет собой пристрой к объекту недвижимого имущества – плавательному бассейну, являющемуся государственной собственностью субъекта Российской Федерации. Как утверждает истец, право собственности на указанный объект недвижимости у ответчика А. не возникло, поскольку представленное последним разрешение на ввод объекта в эксплуатацию получено ответчиком с нарушением порядка, предусмотренного действующим законодательством. Это подтверждается сведениями о том, что администрацией городского округа разрешение на ввод объекта в эксплуатацию А. не выдавалось и, вероятно, было последним фальсифицировано. Нахождение возведенного А. объекта, являющегося пристроем к плавательному бассейну и государственной собственностью субъекта Российской Федерации, может впоследствии привести к переходу права собственности А. на весь имущественный комплекс целиком.

Как установлено судами и следует из материалов дела, 20 октября 2000 г. между образовательным учреждением и А. был заключен договор купли-продажи недвижимого имущества, находящегося в стадии начального строительства, примерной площадью застройки 279 кв.м.

Право собственности на данный объект недвижимости зарегистрировано за А. 23 декабря 2013 г.

1 декабря 2015 г. за А. зарегистрировано право собственности на нежилое шестиэтажное здание площадью 685,2 кв.м, расположенное по тому же адресу. Основаниями для регистрации права собственности ответчика на названный объект недвижимости послужили: разрешение на ввод объекта в эксплуатацию от 19 августа 2015 г., выданное администрацией городского округа, и представленная в Управление Росреестра копия договора аренды земельного участка от 3 июня 2015 г., заключенного между образовательным учреждением и А.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, ссылаясь на ст. 218 ГК РФ и положения Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», проанализировал представленные ответчиком документы, послужившие основанием для регистрации за А. права собственности на объект недвижимости, и констатировал, что подлинность представленного суду оригинала разрешения на ввод объекта в эксплуатацию от 19 августа 2015 г. не оспорена, доказательств его поддельности суду не представлено.

Суд апелляционной инстанции с указанными выводами суда первой инстанции не согласился. Отменяя постановленное решение и разрешая спор по существу, суд апелляционной инстанции счел обоснованными исковые требования, удовлетворив их. При этом суд привел положения п. 2 ст. 168, п. 3 ст. 269, ст. 298 ГК РФ, Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пп. 53 и 59 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», ст. 55 Градостроительного кодекса Российской Федерации и пришел к выводу о том, что какие-либо разрешительные документы на ввод в эксплуатацию спорного нежилого здания в установленном законом порядке уполномоченным органом – администрацией городского округа А. не выдавались, а договор аренды земельного участка от 3 июня 2015 г. заключен в нарушение норм и требований действующего законодательства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции ошибочными по следующим основаниям.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 52 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г.

№ 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в случаях, когда запись в ЕГРП¹ нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования имущества из чужого незаконного владения (право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами, право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество, ипотека или иное обременение прекратились), оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими.

Таким образом, иск о признании зарегистрированного права или обременения отсутствующим является исключительным способом защиты, который подлежит применению лишь тогда, когда нарушенное право истца не может быть защищено посредством предъявления специальных исков, предусмотренных действующим гражданским законодательством.

Выбор способа защиты вещного права, квалификация спорного отношения судом и разрешение вещно-правового конфликта зависит от того, в чьем фактическом владении находится спорное имущество.

Суд апелляционной инстанции приведенные разъяснения постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации не учел, не определил, является ли требование о признании права собственности на спорное здание отсутствующим надлежащим способом защиты прав истца, не высказал своего суждения относительно правомерности заявленного требования и не указал, какими доказательствами подтверждено право собственности истца на названное недвижимое имущество, предоставляющее ему возможность обращения с требованием о признании права собственности ответчика на здание отсутствующим.

Кроме того, судом апелляционной инстанции не установлены имеющие существенное значение для квалификации правоотношений сторон обстоятельства, связанные с возникновением права собственности у А. на спорный объект недвижимости. Изначально данное право возникло на основании заключенного 20 октября 2000 г. между образовательным учреждением и А. договора купли-продажи недвижимого имущества, находящегося в стадии строительства, примерной площадью застройки 279 кв.м. После завершения строительства 1 декабря 2015 г. за А. зарегистрировано право собственности на нежилое шестиэтажное здание площадью 685,2 кв.м, расположенное по тому же адресу. В качестве

¹ С 1 января 2017 г. на основании Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» – Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН).

оснований для регистрации права собственности ответчика на названный объект недвижимости представлены: разрешение на ввод объекта в эксплуатацию от 19 августа 2015 г., выданное администрацией городского округа, и договор аренды земельного участка от 3 июня 2015 г.

Также судом не установлено, кто и за чей счет возвел спорное строение, сооружалось ли оно в соответствии с проектом и необходимой разрешительной документацией, отвечает критериям законно возведенного сооружения или является самовольной постройкой. Судом не определено, кому и на каком праве принадлежит земельный участок под спорным строением.

Установление данных обстоятельств является существенным для правильного разрешения спора.

Определение № 49-КГ18-13

***Разрешение споров, возникающих из
обязательственных отношений***

4. В отличие от новации при отступном первоначальное обязательство прекращается с момента предоставления отступного, а не с момента заключения соглашения о нем.

В случае неисполнения соглашения об отступном кредитор вправе требовать исполнения первоначального обязательства, а не соглашения об отступном.

В. обратился в суд с иском к З. с требованиями о государственной регистрации права собственности на 27/100 доли в праве собственности на жилой дом.

В обоснование требований истец указал, что 6 июля 2015 г. между ним и ответчиком заключен договор займа, по которому истец передал З. денежные средства сроком до 6 августа 2015 г. под 3% в месяц. В установленный срок ответчик денежные средства не вернул. 21 декабря 2015 г. сторонами заключено соглашение об отступном, согласно которому в связи с невозможностью исполнить обязательства по возврату денежных средств З. предоставляет В. принадлежащие ему 27/100 доли в праве собственности на указанный выше жилой дом. Ответчиком соглашение об отступном не исполнено, от государственной регистрации права собственности на указанное имущество он уклоняется.

З. обратился со встречным иском о признании соглашения об отступном незаключенным и об истребовании документов на жилой дом, ссылаясь на то, что сторонами не были согласованы все существенные условия такого соглашения, намерения передать В. свое имущество у него не было, стоимость имущества на момент заключения соглашения явно неравноценна сумме долга. Сумма займа В. им возвращена.

Решением суда в удовлетворении исковых требований В. и встречных исковых требований З. отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено в части отказа в удовлетворении исковых требований В., в отмененной части вынесено новое решение об удовлетворении исковых требований.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что имеются предусмотренные ст. 387 ГПК РФ основания для отмены апелляционного определения, указав, в частности, следующее.

Согласно ст. 409 ГК РФ по соглашению сторон обязательство может быть прекращено предоставлением отступного – уплатой денежных средств или передачей иного имущества.

В отличие от новации, предусмотренной ст. 414 названного кодекса, при отступном не происходит замены первоначального обязательства новым, в случае отступного первоначальное обязательство прекращается уплатой денежных средств или передачей имущества, при этом первоначальное обязательство прекращается в момент предоставления отступного, а не в момент заключения соглашения о нем. Соответственно, кредитор вправе требовать исполнения лишь первоначального обязательства.

Судом установлено, а сторонами не оспаривается, что заключенное представителями сторон соглашение является соглашением об отступном, его содержание соответствует положениям ст. 409 ГК РФ, поскольку из него следует, что обязательство по договору займа прекращается с передачей принадлежащего З. жилого помещения.

Обстоятельств передачи спорного имущества должником кредитору судом не установлено, государственная регистрация перехода права собственности не произведена.

Удовлетворяя требования В., суд, по существу, произвел принудительное исполнение соглашения об отступном, в то время как имело место непрекращенное денежное обязательство по договору займа, подлежащее исполнению по соответствующим нормам Гражданского кодекса Российской Федерации.

Определение № 117-КГ17-8

5. Денежные обязательства заемщика по договору микрозайма имеют срочный характер и ограничены установленными специальным законом предельными суммами основного долга, процентов за пользование микрозаймом и ответственности заемщика.

Микрофинансовая организация (далее – МФО) обратилась в суд с иском к Р. о взыскании задолженности по договору займа, указав, что

28 мая 2014 г. между организацией и Р. заключен договор займа, по которому ответчику переданы денежные средства в размере 15 350 руб. на срок до 12 июня 2014 г. с начислением процентов в размере 2 % за каждый день пользования денежными средствами. 31 октября 2015 г. между указанной организацией и МФО заключен договор уступки права требования. Ответчиком принятые на себя обязательства надлежащим образом не исполнены, что явилось основанием для обращения в суд. Истец просил суд взыскать с ответчика в свою пользу задолженность по договору займа в размере 279 137 руб. 88 коп., в том числе основной долг 15 350 руб., проценты за пользование суммой займа за период с 28 мая 2014 г. по 3 ноября 2016 г. в размере 273 537 руб., а также судебные расходы по уплате государственной пошлины в размере 5991 руб. 38 коп.

Р. в письменном отзыве исковые требования не признала, сославшись на то, что процентная ставка за пользование займом в 91,5 раза больше ставки рефинансирования, установленной Банком России, а размер процентов превышает сумму займа более чем в 15 раз. Полагала, что в действиях истца имеется злоупотребление правом, поскольку заем предоставлен на условиях, существенно нарушающих ее положение как заемщика. Полагала необходимым при определении процентов, подлежащих взысканию по договору, применить положения ст. 333 ГК РФ.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования удовлетворены. С Р. в пользу МФО взыскана задолженность по договору займа в размере 279 137 руб. 88 коп., в том числе основной долг в размере 15 350 руб., проценты за пользование займом за период с 28 мая 2014 г. по 3 ноября 2016 г. в размере 263 787 руб. 88 коп.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с состоявшимися судебными постановлениями не согласилась по следующим основаниям.

В силу ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (пп. 1, 4).

В соответствии с п. 1 ст. 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества. Договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей.

На основании п. 1 ст. 809 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором займа, займодавец имеет право на получение с заемщика процентов на сумму займа в размерах и в порядке, определенных

договором. При отсутствии в договоре условия о размере процентов их размер определяется существующей в месте жительства займодавца, а если займодавцем является юридическое лицо, в месте его нахождения ставкой банковского процента (ставкой рефинансирования) на день уплаты заемщиком суммы долга или его соответствующей части.

Возможность установления процентов на сумму займа по соглашению сторон не может рассматриваться как нарушающая принцип свободы договора, в том числе во взаимосвязи со ст. 10 ГК РФ о пределах осуществления гражданских прав. При этом проценты, предусмотренные ст. 809 указанного кодекса, являются платой за пользование денежными средствами и не могут быть снижены судом.

Вместе с тем особенности предоставления займа под проценты заемщику-гражданину в целях, не связанных с предпринимательской деятельностью, устанавливаются законами (п. 3 ст. 807 ГК РФ).

Порядок, размер и условия предоставления микрозаймов предусмотрены Федеральным законом от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (далее – Закон о микрофинансовой деятельности).

В п. 4 ч. 1 ст. 2 названного закона предусмотрено, что договор микрозайма – договор займа, сумма которого не превышает предельный размер обязательств заемщика перед займодавцем по основному долгу, установленный данным законом.

Исходя из императивных требований к порядку и условиям заключения договора микрозайма, предусмотренных Законом о микрофинансовой деятельности, денежные обязательства заемщика по договору микрозайма имеют срочный характер и ограничены установленными этим законом предельными суммами основного долга, процентов за пользование микрозаймом и ответственности заемщика.

Принцип свободы договора в сочетании с принципом добросовестного поведения участников гражданских правоотношений не исключает обязанности суда оценивать условия конкретного договора с точки зрения их разумности и справедливости, с учетом того, что условия договора займа, с одной стороны, не должны быть явно обременительными для заемщика, а с другой стороны, они должны учитывать интересы кредитора как стороны, права которой нарушены в связи с неисполнением обязательства.

Это положение имеет особое значение, когда возникший спор связан с деятельностью микрофинансовых организаций, которые предоставляют займы на небольшие суммы и на короткий срок, чем и обуславливается возможность установления повышенных процентов за пользование займом. Иное, то есть установление сверхвысоких процентов за длительный срок пользования микрозаймом, выданным на короткий срок,

приводило бы к искажению цели деятельности микрофинансовых организаций.

Принимая во внимание расчет истца о взыскании с ответчика процентов за пользование микрозаймом в размере 732 % за период, составляющий 891 день, суд исходил из того, что эти проценты продолжают начисляться по истечении срока действия договора займа, составляющего 15 календарных дней.

Однако такой вывод суда противоречит существу законодательного регулирования договоров микрозайма, поскольку фактически свидетельствует о бессрочном характере обязательств заемщика, вытекающих из такого договора, а также об отсутствии каких-либо ограничений размера процентов за пользование микрозаймом.

Согласно договору займа от 28 марта 2014 г. срок его предоставления был определен до 12 июня 2014 г. (15 календарных дней), то есть между сторонами был заключен договор краткосрочного займа сроком до 1 месяца.

Согласно условиям договора займа заемщик принял на себя обязанность полностью вернуть полученную сумму займа и выплатить проценты за пользование займом в размере, установленном договором, до 12 июня 2014 г. В случае нарушения установленного договором срока возврата суммы займа более чем на 14 дней заемщик уплачивает займодавцу единовременный штраф в размере 1000 руб.

С учетом изложенного начисление и по истечении срока действия договора займа процентов, установленных договором лишь на срок 15 календарных дней, Судебная коллегия признала неправомерным.

Определение № 41-КГ18-46

6. Кредитный договор, заключенный в результате мошеннических действий, является недействительной (ничтожной) сделкой.

Х. обратился в суд с иском к банку-2 о признании кредитного договора недействительным, взыскании судебных расходов и компенсации морального вреда.

В обоснование исковых требований Х. ссылался на то, что 1 сентября 2013 г. от его имени неизвестным лицом заключен кредитный договор с банком-1, правопреемником которого является банк-2. О выдаче кредита на его имя истцу стало известно 2 апреля 2014 г. после обращения ответчика к нему о полном досрочном исполнении обязательств по данному договору.

Для проверки доводов истца о том, что кредитный договор он не заключал и не подписывал, а лишь заполнил в банке-1 анкету на

предоставление кредита, определением суда от 25 мая 2017 г. назначена судебная почерковедческая экспертиза.

Согласно заключению эксперта от 15 августа 2017 г. рукописная запись фамилии, имени, отчества Х. и подписи от его имени в анкете на предоставление банком-1 потребительского кредита от 1 сентября 2013 г. выполнены Х.; рукописные записи фамилии, имени, отчества Х. и подписи от его имени в заявлении на предоставление потребительского кредита и открытие текущего счета от 1 сентября 2013 г. выполнены не Х., а другим лицом; рукописная запись фамилии, имени, отчества Х. и подпись от его имени в графике платежей к заявлению на предоставление потребительского кредита и открытие текущего счета по кредитному договору от 1 сентября 2013 г. выполнены не Х., а другим лицом; рукописная запись фамилии, имени, отчества Х. и подпись от его имени в уведомлении об информировании клиента о полной стоимости кредита от 1 сентября 2013 г. выполнены не Х., а другим лицом.

Разрешая спор и удовлетворяя иск Х. частично, суд первой инстанции принял во внимание приведенные выше обстоятельства и указал на то, что в нарушение требований ст. 820 ГК РФ письменная форма кредитного договора не была соблюдена, поскольку истец кредитный договор не подписывал, заемщиком не является, каких-либо обязательств на себя по данному договору не принимал, а следовательно, кредитный договор от 1 сентября 2013 г., подписанный от имени Х. неизвестным лицом, является недействительным (ничтожным).

Суд первой инстанции также указал, что срок исковой давности Х. не пропущен, поскольку о заключении кредитного договора истцу стало известно 2 апреля 2014 г. из требования ответчика о полном досрочном исполнении обязательств по договору, в суд с иском Х. обратился 10 марта 2017 г., то есть в пределах трехлетнего срока исковой давности, предусмотренного п. 1 ст. 181 ГК РФ.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в иске, суд апелляционной инстанции сослался на то, что кредитный договор в силу п. 1 ст. 168 ГК РФ является оспоримой сделкой, а поэтому срок исковой давности по требованиям о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности составляет один год (п. 2 ст. 181 ГК РФ); ходатайства о восстановлении срока исковой давности истцом заявлено не было, сведений об уважительности причин пропуска срока исковой давности представлено не было.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

В силу п. 1 ст. 160 ГК РФ (здесь и далее нормы ГК РФ приведены в редакции, действовавшей на момент заключения кредитного договора) сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, или должным образом уполномоченными ими лицами.

Двусторонние (многосторонние) сделки могут совершаться способами, установленными пп. 2 и 3 ст. 434 данного кодекса.

В соответствии с п. 1 ст. 819 ГК РФ по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее.

Статьей 820 ГК РФ установлено, что кредитный договор должен быть заключен в письменной форме. Несоблюдение письменной формы влечет недействительность кредитного договора. Такой договор считается ничтожным.

В п. 73 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что в силу прямого указания закона к ничтожным сделкам, в частности, относятся кредитный договор или договор банковского вклада, заключенный с нарушением требования о его письменной форме (ст. 820, п. 2 ст. 836 ГК РФ).

Последствия нарушения требований закона или иного правового акта при совершении сделок определены ст. 168 ГК РФ.

В соответствии с пунктом 1 названной статьи за исключением случаев, предусмотренных п. 2 данной статьи или иным законом, сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки (п. 2 этой же статьи).

Срок исковой давности по недействительным сделкам установлен ст. 181 ГК РФ, в соответствии с которой срок исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании такой сделки недействительной (п. 3 ст. 166) составляет три года. Течение срока исковой давности по указанным требованиям начинается со дня, когда началось исполнение ничтожной

сделки, а в случае предъявления иска лицом, не являющимся стороной сделки, со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения. При этом срок исковой давности для лица, не являющегося стороной сделки, во всяком случае не может превышать десять лет со дня начала исполнения сделки (п. 1).

Срок исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности составляет один год. Течение срока исковой давности по указанному требованию начинается со дня прекращения насилия или угрозы, под влиянием которых была совершена сделка (п. 1 ст. 179), либо со дня, когда истец узнал или должен был узнать об иных обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной (п. 2).

Как следует из материалов дела, заявленные истцом требования о недействительности кредитного договора основаны как на несоблюдении требования о его письменной форме, поскольку договор истцом подписан не был, так и на том, что волеизъявление на заключение договора отсутствовало.

Согласно ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности могут порождаться как правомерными, так и неправомерными действиями.

Заключение договора в результате мошеннических действий является неправомерным действием, посягающим на интересы лица, не подписывавшего соответствующий договор и являющегося применительно к п. 2 ст. 168 ГК РФ третьим лицом, права которого нарушены заключением такого договора.

Однако, оценивая заключенный договор как оспоримую сделку, суд апелляционной инстанции не учел обстоятельства заключения конкретного договора и применил норму права (п. 1 ст. 168 ГК РФ), не подлежащую применению.

Определение № 5-КГ19-25

Разрешение споров, возникающих вследствие причинения вреда

7. Право на получение страхового возмещения и соответствующих компенсационных выплат в случае смерти потерпевшего в результате дорожно-транспортного происшествия имеют его родители, супруг и дети независимо от того, находился ли потерпевший у них на иждивении.

К. обратилась в суд с иском к Российскому союзу автостраховщиков (далее – РСА) о взыскании компенсационной выплаты и штрафа в размере 50% от присужденной денежной суммы, а также о взыскании с Д. компенсации морального вреда.

В обоснование требований К. указала, что в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине Д., наступила смерть Г. Поскольку гражданская ответственность Д. по договору обязательного страхования не застрахована, К. обратилась для получения компенсационной выплаты в РСА, однако данная выплата истцу не была предоставлена.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что К. имеет право на получение компенсационной выплаты от РСА, поскольку смерть ее отца наступила вследствие дорожно-транспортного происшествия, виновным в котором является лицо, не застраховавшее свою гражданскую ответственность по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение о частичном удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции указал, что в случае смерти потерпевшего его дети имеют право на получение страхового возмещения или компенсационной выплаты, только если потерпевший находился у них на иждивении. Суд указал, что отец К. не находился у нее на иждивении, в связи с чем она не имеет права на получение компенсационной выплаты.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Согласно подп. «г» п. 1 ст. 18 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО) компенсационная выплата в счет возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, осуществляется в случаях, если страховое возмещение по обязательному страхованию не может быть осуществлено вследствие отсутствия договора обязательного страхования, по которому застрахована гражданская ответственность причинившего вред лица, из-за неисполнения им установленной названным законом обязанности по страхованию.

В п. 1 ст. 19 указанного закона предусмотрено, что к отношениям между потерпевшим и профессиональным объединением страховщиков по поводу компенсационных выплат по аналогии применяются правила, установленные законодательством Российской Федерации для отношений между выгодоприобретателем и страховщиком по договору обязательного страхования.

Таким образом, к отношениям по поводу компенсационных выплат в связи со смертью потерпевшего по аналогии применяются правила,

установленные для отношений между выгодоприобретателем и страховщиком.

Согласно п. 6 ст. 12 Закона об ОСАГО в случае смерти потерпевшего право на возмещение вреда имеют лица, имеющие право в соответствии с гражданским законодательством на возмещение вреда в случае смерти кормильца, при отсутствии таких лиц – супруг, родители, дети потерпевшего, граждане, у которых потерпевший находился на иждивении, если он не имел самостоятельного дохода (выгодоприобретатели).

Перечень лиц, имеющих право в соответствии с гражданским законодательством на возмещение вреда в случае смерти кормильца, приведен в п. 1 ст. 1088 ГК РФ.

Из приведенных правовых норм следует, что в случае смерти потерпевшего при отсутствии лиц, указанных в п. 1 ст. 1088 ГК РФ, родители, супруг и дети потерпевшего имеют право на получение страхового возмещения или компенсационной выплаты в соответствии с Законом об ОСАГО независимо от того, находился ли потерпевший у них на иждивении.

Такое право также имеют граждане, у которых потерпевший находился на иждивении.

Определение № 41-КГ18-15

Разрешение споров, возникающих из жилищных отношений

8. Акты жилищного законодательства не имеют обратной силы и применяются к жилищным отношениям, возникшим после введения их в действие, если иное прямо не предусмотрено этими актами (чч. 1 и 2 ст. 6 ЖК РФ).

П. обратился в суд с иском к городской администрации о возложении обязанности предоставить ему по договору социального найма благоустроенное жилое помещение в границах города общей площадью не менее 28 кв.м.

В обоснование заявленных требований П. указал, что является инвалидом второй группы, страдает тяжелой формой психического расстройства, при котором невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, с ноября 2017 года состоит на учете в качестве нуждающегося в жилом помещении во внеочередном порядке, имеет право на дополнительную площадь.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд пришел к выводу о том, что в связи с отменой постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 2017 г. № 859 постановления

Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 г. № 378 у истца на момент рассмотрения дела отсутствует право на внеочередное предоставление жилого помещения в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ, имеющееся у него заболевание не входит в действующий Перечень тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, утвержденный приказом Министерства здравоохранения от 30 ноября 2012 г. № 987н.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции и его правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу ч. 3 ст. 40 Конституции Российской Федерации малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

В целях реализации названных конституционных положений ч. 2 ст. 49 ЖК РФ предусмотрено, что малоимущим гражданам, признанным по установленным Жилищным кодексом Российской Федерации основаниям нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, в установленном кодекском порядке предоставляются жилые помещения муниципального жилищного фонда.

Согласно ч. 1 ст. 57 ЖК РФ жилые помещения предоставляются гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в порядке очередности исходя из времени принятия таких граждан на учет, за исключением установленных ч. 2 названной статьи случаев.

Между тем для отдельных категорий граждан законодатель предусмотрел возможность предоставления жилого помещения по договорам социального найма во внеочередном порядке.

В силу п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ вне очереди жилые помещения по договорам социального найма предоставляются гражданам, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, указанных в предусмотренном п. 4 ч. 1 ст. 51 названного кодекса перечне.

Такой перечень был утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 г. № 378 «Об утверждении перечня тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире» и действовал до 1 января 2018 г.

Часть 1 ст. 6 ЖК РФ закрепляет общеправовой принцип действия законодательства во времени: акт жилищного законодательства не имеет

обратной силы и применяется к жилищным отношениям, возникшим после введения его в действие.

На момент возникновения спорных правоотношений имеющееся у П. заболевание входило в указанный выше перечень, право на получение жилого помещения по договору социального найма в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ возникло у него с момента постановки на жилищный учет по соответствующему основанию в ноябре 2017 года, то есть до вступления в силу Перечня тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, утвержденного приказом Министерства здравоохранения от 30 ноября 2012 г. № 987н, что не было учтено судами.

Действующее жилищное законодательство (п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ) не ставит право на внеочередное предоставление жилого помещения в зависимость от наличия или отсутствия иных лиц, имеющих право на получение жилого помещения вне очереди, от обеспечения жильем других очередников, от времени постановки на учет в качестве нуждающихся в предоставлении жилого помещения, от включения в список граждан, имеющих право на получение жилого помещения вне очереди (список внеочередников).

Отсутствие в законодательстве указания на срок, в течение которого жилье должно быть предоставлено гражданам, имеющим право на его внеочередное предоставление, свидетельствует о том, что жилое помещение указанной категории граждан должно быть предоставлено незамедлительно после возникновения соответствующего субъективного права – права на получение жилого помещения вне очереди.

Определение № 85-КГ18-17

Разрешение споров, связанных с семейными отношениями

9. Доходы каждого из супругов, полученные ими во время брака от трудовой и предпринимательской деятельности, относятся к совместному имуществу, подлежащему разделу между супругами.

Т.Н. с учетом уточненных требований обратилась в суд с иском к Т.А. о расторжении брака (стороны состояли в браке с 1980 года) и разделе совместно нажитого имущества. Просила признать за ней право на ½ доли в праве собственности на жилой дом и земельный участок, выделить в ее собственность 40 тонн семян подсолнечника, предметы бытовой техники, также просила взыскать с Т.А. в ее пользу компенсацию стоимости передаваемого ему общего имущества супругов.

В обоснование требований Т.Н., в частности, указала, что с 17 декабря 2009 г. Т.А. является индивидуальным предпринимателем и главой крестьянского (фермерского) хозяйства (далее – КФХ), в деятельности которого она принимала непосредственное участие, вела бухгалтерский учет, принимала урожай, в связи с чем фактически является его членом и вправе претендовать на половину стоимости общего имущества супругов в КФХ.

Т.А. иск не признал, предъявил к Т.Н. встречный иск о разделе совместно нажитого имущества, в котором просил исключить из состава общего имущества супругов имущество, принадлежащее КФХ, признать доли в совместно нажитом имуществе сторон равными и осуществить его раздел.

В обоснование требований Т.А. указал, что в период брака сторон приобретено заявленное к разделу имущество, вместе с тем тракторы, комбайн с жаткой, плуг, культиватор, сеялка, опрыскиватель, бочка для воды, цистерна для топлива, тележка тракторная, сварочный аппарат, земельные участки, а также сельскохозяйственная продукция, которой являются семена подсолнечника, в состав имущества, нажитого супругами в период брака, не входят, разделу не подлежат.

Решением суда исковые требования Т.Н. удовлетворены частично. Брак, заключенный между Т.Н. и Т.А., расторгнут. Суд произвел раздел движимого и недвижимого имущества, определив компенсацию разницы стоимости имущества, переданного сторонам.

Разрешая, в частности, требования Т.Н. о взыскании с Т.А. компенсации половины стоимости имущества, приобретавшегося для осуществления деятельности КФХ, суд первой инстанции исходил из его принадлежности КФХ, в связи с чем исключил спорные земельные участки и предназначенное для работы КФХ движимое имущество из состава совместно нажитого сторонами в период брака имущества. Поскольку Т.А. не отрицал того, что ведение фермерского хозяйства осуществлялось супругами совместно до фактического прекращения брачных отношений в ноябре 2016 года, несмотря на отсутствие письменного соглашения об этом, суд первой инстанции, руководствуясь ст. 162, п. 2 ст. 258 ГК РФ, пришел к выводу о том, что оба супруга являлись членами КФХ, поэтому взыскал с Т.А. в пользу Т.Н. компенсацию половины стоимости этого имущества и выделил в собственность Т.Н. 40 тонн семян подсолнечника.

Отменяя решение суда первой инстанции в части удовлетворения данных исковых требований и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении этих требований, суд апелляционной инстанции признал приведенные выводы суда первой инстанции противоречащими п. 2 ст. 33 СК РФ, ст. 1, 4, 6 и 8 Федерального закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», ст. 78 ЗК РФ, ст. 257 ГК РФ, указав, что представленные в суд доказательства свидетельствуют о том,

что Т.А. является главой и единственным членом крестьянского (фермерского) хозяйства, соглашение между Т.А. и Т.Н. о создании фермерского хозяйства не заключалось, Т.А. как единственный член КФХ согласия на членство Т.Н. в КФХ не давал, из трудовой книжки Т.Н. следует, что она в период с 1996 по 2002 год работала бухгалтером в КФХ, в связи с чем между КФХ и Т.Н. имелись трудовые правоотношения.

Кроме того, суд апелляционной инстанции указал, что Т.Н. в рамках рассматриваемого дела с требованиями о признании ее членом КФХ не обращалась, оснований выйти за пределы заявленных требований в порядке ч. 3 ст. 196 ГПК РФ у суда первой инстанции не имелось.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций не соответствующими требованиям закона.

В соответствии с пп. 1, 2 ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами в период брака, является их совместной собственностью. К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся в том числе доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности. Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу (пп. 1, 2 ст. 34 СК РФ), является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст. 128 и 129, пп. 1 и 2 ст. 213 ГК РФ может быть объектом права собственности граждан, независимо от того, на имя кого из супругов оно было приобретено или внесены денежные средства, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества. Раздел общего имущества супругов производится по правилам, установленным ст. 38, 39 СК РФ и ст. 254 ГК РФ. Стоимость имущества, подлежащего разделу, определяется на время рассмотрения дела.

В силу п. 1 ст. 39 СК РФ при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами.

Согласно пп. 1, 2 и 3 ст. 1 Федерального закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную

хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии. Фермерское хозяйство может быть создано одним гражданином. Фермерское хозяйство осуществляет предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

В силу ст. 33 СК РФ права супругов владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, являющимся совместной собственностью членов крестьянского (фермерского) хозяйства, определяются ст. 257 и 258 ГК РФ.

Вместе с тем у супругов, ведущих крестьянское (фермерское) хозяйство, кроме продуктов, плодов и орудий для ведения этого хозяйства, есть еще и совместно нажитое имущество, используемое в процессе их семейной деятельности. Следовательно, в зависимости от вида и назначения имущества, источника его приобретения у членов крестьянского (фермерского) хозяйства могут быть разные права на принадлежащее им имущество.

Как видно из материалов дела и было установлено судами обеих инстанций, 17 декабря 2009 г. деятельность КФХ как юридического лица прекращена, с указанной даты Т.А. осуществляет единолично предпринимательскую деятельность по ведению крестьянского (фермерского) хозяйства, других членов в крестьянском фермерском хозяйстве не имелось.

В ходе судебных заседаний Т.Н. поясняла, что на момент осуществления предпринимательской деятельности фермерского хозяйства Т.А. стороны состояли в браке, спорные земельные участки, а также движимое имущество приобретались супругами за счет совместных денежных средств, кроме того, истец как член семьи совместно с ответчиком принимала участие в деятельности КФХ, что не отрицалось Т.А.

Поскольку к совместному имуществу относятся доходы каждого из супругов от трудовой и предпринимательской деятельности, судам надлежало принять во внимание, что заявленное в иске Т.Н. спорное имущество приобретено в период брака на общие средства супругов, в том числе полученные в результате ведения Т.А. предпринимательской деятельности, в связи с чем она вправе претендовать на денежную компенсацию половины стоимости этого имущества. Между тем данные доводы не получили оценки в обжалуемых судебных постановлениях, чем были нарушены права Т.Н.

Определение № 19-КГ18-33

*Разрешение споров, связанных с
трудовыми отношениями*

10. Денежное довольствие, полученное сотрудником уголовно-исполнительной системы в период обучения в учреждении высшего профессионального образования, не входит в состав затрат на обучение, подлежащих возмещению работодателю при досрочном расторжении сотрудником контракта о прохождении службы в органе уголовно-исполнительной системы после окончания образовательного учреждения.

Управление ФСИН обратилось в суд с иском к Г. о возмещении расходов, затраченных на обучение.

В обоснование иска указано, что Г. в период с 16 августа 2009 г. по 5 июня 2014 г. проходил обучение в образовательном учреждении ФСИН, с ним 16 августа 2009 г. был заключен контракт о службе в уголовно-исполнительной системе в должности курсанта (слушателя) на время обучения и в должностях среднего и старшего начальствующего состава по окончании обучения. По условиям контракта Г. обязался по окончании образовательного учреждения ФСИН прибыть в главное управление ФСИН для дальнейшего прохождения службы и отслужить после окончания обучения в органах уголовно-исполнительной системы 5 лет.

После окончания обучения с Г. 5 августа 2014 г. был заключен контракт о службе в органе уголовно-исполнительной системы в должности инспектора на период отпуска по уходу за ребенком замещающей эту должность П. 16 сентября 2016 г. с Г. был заключен контракт о службе в органе уголовно-исполнительной системы в должности инспектора на период отпуска по уходу за ребенком замещающей эту должность Ч.

Приказом главного управления ФСИН от 17 октября 2016 г. старший лейтенант внутренней службы Г. был уволен со службы в уголовно-исполнительной системе по п. «а» ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1, по собственному желанию.

Поскольку Г. было нарушено принятое на себя обязательство отслужить пять лет в органах уголовно-исполнительной системы субъекта Российской Федерации после окончания обучения, истец, ссылаясь на ст. 249 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), п. 5.3 Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России от 6 июня 2005 г. № 76, просил взыскать с Г. расходы, связанные с его

обучением, включающие в себя котловое довольствие Г., стоимость форменного обмундирования и денежное довольствие, полученное Г. в период обучения, с последующим перечислением указанной суммы в доход федерального бюджета.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, иск удовлетворен.

Отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в части включения полученного Г. в период обучения денежного довольствия в состав затрат, понесенных на обучение, указала следующее.

Нормативными правовыми актами, действовавшими в период спорных отношений, последствия невыполнения сотрудником уголовно-исполнительной системы, получившим профессиональное образование за счет бюджетных средств в образовательном учреждении ФСИН, условия контракта о службе в органах уголовно-исполнительной системы не менее пяти лет после окончания образовательного учреждения не определены, в связи с чем к этим отношениям в силу части седьмой ст. 11 ТК РФ подлежат применению общие нормы трудового законодательства.

В силу ст. 249 ТК РФ в случае увольнения без уважительных причин до истечения срока, обусловленного трудовым договором или соглашением об обучении за счет средств работодателя, работник обязан возместить затраты, понесенные работодателем на его обучение, исчисленные пропорционально фактически не отработанному после окончания обучения времени, если иное не предусмотрено трудовым договором или соглашением об обучении.

Из приведенных нормативных положений в их системной взаимосвязи следует, что гражданин, зачисленный на обучение в образовательное учреждение ФСИН, считается проходящим службу в уголовно-исполнительной системе, отношения в период обучения между соответствующим руководителем уголовно-исполнительной системы и гражданином возникают в результате заключения контракта о прохождении службы в уголовно-исполнительной системе и являются служебными, соответственно, на них распространяются положения законодательства, регулирующего вопросы прохождения службы в уголовно-исполнительной системе, в том числе и по обязательствам, принятым на себя гражданином (сотрудником) по этому контракту. При невыполнении сотрудником обязательства по контракту о прохождении службы в уголовно-исполнительной системе в течение пяти лет после окончания образовательной организации высшего образования ввиду его увольнения без уважительных причин он должен возместить федеральному органу уголовно-исполнительной системы затраченные на его обучение средства федерального бюджета, исчисляемые

пропорционально фактически не отработанному после окончания обучения времени.

Вместе с тем нормативными правовыми актами, регулировавшими порядок прохождения службы в уголовно-исполнительной системе в спорный период, состав расходов, затраченных на обучение сотрудника в образовательном учреждении ФСИН, в случае невыполнения им условий контракта о службе в уголовно-исполнительной системе не определен. Конкретный перечень таких затрат нормами Трудового кодекса Российской Федерации также не установлен.

Отношения, связанные с денежным довольствием сотрудников, имеющих специальные звания и проходящих службу в том числе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, урегулированы Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 283-ФЗ).

Согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 283-ФЗ денежное довольствие сотрудников является основным средством их материального обеспечения и стимулирования выполнения ими служебных обязанностей.

Порядок обеспечения сотрудников денежным довольствием определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации руководителем федерального органа исполнительной власти, в котором проходят службу сотрудники (ч. 18 ст. 2 Федерального закона № 283-ФЗ).

Приказом Минюста России от 20 декабря 2006 г. № 376, действовавшим на момент поступления Г. в 2012 году в образовательное учреждение ФСИН и утратившим силу с 6 июля 2013 г., было утверждено Положение о денежном довольствии сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – Положение).

В подп. 2 п. 1 Положения было определено, что денежное довольствие выплачивается сотрудникам уголовно-исполнительной системы, обучающимся в образовательных учреждениях ФСИН.

Слушателям и курсантам образовательных учреждений ФСИН, принятым на учебу из числа граждан, не являющихся сотрудниками уголовно-исполнительной системы, а также из числа лиц рядового и младшего начальствующего состава, имеющих специальный стаж службы в уголовно-исполнительной системе менее 6 месяцев, со дня начала занятий по очной форме обучения выплачиваются оклад по типовой должности «курсант», оклад по специальному званию «рядовой» или оклад по присвоенному специальному званию младшего начальствующего состава, процентная надбавка за выслугу лет (подп. 2 п. 23 Положения).

В соответствии с п. 9 Положения денежное довольствие, выплаченное в установленный этим положением срок на основании правил и норм, действовавших к моменту выплаты, возврату не подлежит, если

право на него утрачено после выплаты. Выплаченное денежное довольствие может быть взыскано с лица, получившего его, в случаях, установленных законодательством Российской Федерации.

Приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 27 мая 2013 г. № 269 утвержден новый порядок обеспечения денежным довольствием сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – Порядок).

Согласно подп. 2 п. 1 Порядка денежное довольствие выплачивается сотрудникам уголовно-исполнительной системы, обучающимся в образовательных учреждениях ФСИН по очной форме обучения.

Основанием для выплаты денежного довольствия является приказ соответствующего руководителя учреждения или органа уголовно-исполнительной системы о назначении на штатную должность, зачислении в распоряжение учреждений или органов уголовно-исполнительной системы, зачислении на учебу в образовательные учреждения (п. 4 Порядка).

Пунктом 14 Порядка установлено, что выплаченное денежное довольствие удерживается (взыскивается) с лица, получившего его, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Такие случаи определены ст. 137 ТК РФ «Ограничение удержаний из заработной платы», подлежащей применению к спорным отношениям, поскольку денежное довольствие сотрудника уголовно-исполнительной системы, реализующего свое право на труд посредством прохождения службы, по своей правовой природе является его заработной платой.

Исходя из изложенного с момента заключения контракта о службе в уголовно-исполнительной системе, в том числе и при прохождении обучения в образовательном учреждении ФСИН, гражданин является сотрудником уголовно-исполнительной системы², выполняет обязанности, установленные нормативными правовыми актами, регулирующими порядок и условия прохождения службы в уголовно-исполнительной системе, и определенные контрактом о службе в уголовно-исполнительной системе. За осуществление указанной деятельности сотрудник получает денежное довольствие, являющееся для него источником средств существования, то есть заработной платой сотрудника, основания для

² С 1 августа 2018 г. вступил в силу Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». В соответствии с ч. 2 ст. 17 данного закона зачисление в образовательную организацию высшего образования федерального органа уголовно-исполнительной системы для обучения по очной форме в должности курсанта является поступлением на службу в уголовно-исполнительной системе.

возврата которой и удержания из которой нормативно регламентированы. В числе оснований для возврата денежного довольствия и удержаний из него такое основание, как невыполнение сотрудником уголовно-исполнительной системы условия контракта о службе в уголовно-исполнительной системе не менее пяти лет с момента окончания образовательного учреждения, отсутствует.

Судебные инстанции, удовлетворяя иски о взыскании с Г. выплаченного ему в период обучения в образовательном учреждении ФСИН денежного довольствия в связи с невыполнением им условия контракта о службе в уголовно-исполнительной системе в течение пяти лет с момента окончания образовательного учреждения, пришли к ошибочному выводу о том, что денежное довольствие было выплачено Г. в связи с его обучением в образовательном учреждении ФСИН, а не в связи с исполнением им обязанностей сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Судебными инстанциями также не принято во внимание, что в период обучения в образовательном учреждении ФСИН Г., являясь сотрудником уголовно-исполнительной системы, выполнял соответствующие служебные обязанности, в том числе нес службу в суточных нарядах, период обучения включен ему ответчиком в выслугу лет (общую продолжительность службы).

Ввиду изложенного вывод судебных инстанций о том, что выплаченное Г. за период обучения денежное довольствие является одной из составных частей затрат на его обучение, что законом и контрактом от 16 августа 2009 г. прямо предусмотрена обязанность Г. возместить работодателю данные затраты при невыполнении условий контракта, Судебная коллегия признала незаконным.

В нарушение ч. 2 ст. 196, п. 6 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ в решении суда и в апелляционном определении не приведена норма закона, которой установлено, что денежное довольствие сотрудника уголовно-исполнительной системы, проходящего обучение в образовательном учреждении ФСИН, входит в состав затрат на его обучение.

Условия контракта о службе в уголовно-исполнительной системе, заключенного с Г. 16 августа 2009 г., на который сослался суд первой инстанции, такого условия также не содержат.

Указывая на то, что денежное довольствие, полученное сотрудником уголовно-исполнительной системы в период обучения в образовательном учреждении ФСИН, входит в состав расходов на обучение, судебные инстанции не приняли во внимание, что специальными нормативными актами, действовавшими в период спорных отношений и регулировавшими порядок и условия прохождения службы в уголовно-исполнительной системе граждан, проходящих обучение в образовательных учреждениях ФСИН, не урегулирован порядок

возмещения затрат на обучение сотрудника уголовно-исполнительной системы в связи с досрочным расторжением контракта, в том числе по инициативе сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Определение № 46-КГ18-28

Процессуальные вопросы

11. Истцы, обращающиеся в суд с требованиями, вытекающими из трудовых отношений, в том числе с требованием об установлении факта трудовых отношений, освобождаются от обязанности по возмещению судебных расходов работодателя, в пользу которого состоялось решение суда, включая расходы на проведение экспертизы.

Общество обратилось в суд с заявлением о взыскании с Ч. судебных расходов, указав в обоснование, что в рамках судебного разбирательства по ранее рассмотренному делу по иску Ч. к обществу об установлении факта трудовых отношений, о возложении обязанности внести записи в трудовую книжку, произвести отчисления в Пенсионный фонд Российской Федерации, взыскании заработной платы, денежной компенсации за задержку заработной платы, компенсации за неиспользованный отпуск, выходного пособия при увольнении, компенсации морального вреда (далее – иск об установлении факта трудовых отношений) по ходатайству общества была проведена судебная почерковедческая экспертиза (с целью установления лица, подписавшего от имени общества с Ч. трудовой договор, представленный Ч. в качестве доказательства, подтверждающего наличие трудовых отношений между ним и обществом). За проведение экспертизы обществом было уплачено 120 000 руб. Поскольку Ч. в удовлетворении исковых требований было отказано, общество, ссылаясь на ст. 95, 96 и 98 ГПК РФ, просило суд взыскать с Ч. понесенные обществом расходы на проведение экспертизы, связанные с рассмотрением названного гражданского дела.

Определением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, заявление общества о взыскании судебных расходов удовлетворено, с Ч. в пользу общества взысканы расходы на проведение экспертизы в размере 120 000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные акты, разрешила вопрос по существу и отказала обществу в удовлетворении заявления о взыскании с Ч. расходов на оплату экспертизы по следующим основаниям.

В силу ч. 1 ст. 88 ГПК РФ судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела.

Согласно абзацу второму ст. 94 ГПК РФ к издержкам, связанным с рассмотрением дела, относятся суммы, подлежащие выплате свидетелям, экспертам, специалистам и переводчикам.

По общему правилу, установленному ч. 1 ст. 98 ГПК РФ, стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 96 указанного кодекса. В случае если иск удовлетворен частично, указанные в этой статье судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано.

Вместе с тем в целях предоставления дополнительных гарантий гражданам при обращении в суд с иском по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, и обеспечения их права на судебную защиту при рассмотрении судом споров по таким требованиям, в ст. 393 ТК РФ установлено исключение из общего правила о распределении судебных расходов.

В соответствии с названной нормой Трудового кодекса Российской Федерации при обращении в суд с иском по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, в том числе по поводу невыполнения либо ненадлежащего выполнения условий трудового договора, носящих гражданско-правовой характер, работники освобождаются от оплаты пошлин и судебных расходов.

В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» разъяснено, что по смыслу подп. 1 п. 1 ст. 333³⁶ части второй НК РФ и ст. 393 ТК РФ работники при обращении в суд с исками о восстановлении на работе, взыскании заработной платы (денежного содержания) и иными требованиями, вытекающими из трудовых отношений, в том числе по поводу невыполнения либо ненадлежащего выполнения условий трудового договора, носящих гражданско-правовой характер, освобождаются от уплаты судебных расходов.

Исходя из приведенных нормативных положений и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению, законодатель, предопределяя обязанность государства обеспечивать надлежащую защиту прав и законных интересов работника как экономически более слабой стороны в трудовом правоотношении, учитывая не только экономическую (материальную), но и организационную зависимость работника от работодателя, в распоряжении которого находится основной массив доказательств по делу, предоставил дополнительную гарантию гражданам при обращении их в суд с иском о

защите нарушенных или оспариваемых трудовых прав, освободив их от уплаты судебных расходов.

Таким образом, на истца, обратившегося в суд с требованием, вытекающим из трудовых отношений, в том числе с требованием об установлении факта трудовых отношений, не может быть возложена обязанность по оплате судебных расходов работодателя, в пользу которого состоялось решение суда, включая расходы на проведение экспертизы.

Между тем судебные инстанции, удовлетворяя заявление общества о взыскании расходов на проведение экспертизы с Ч. (истца по ранее рассмотренному делу), вследствие неправильного толкования положений ст. 393 ТК РФ пришли к ошибочному выводу о том, что, поскольку решением суда факт трудовых отношений не установлен, данная норма не подлежит применению при разрешении вопроса о распределении судебных расходов. Делая такой вывод, судебные инстанции не учли, что спор по иску Ч. к обществу об установлении факта трудовых отношений относится к категории трудовых споров. При разрешении этого спора, в том числе при наличии трудового договора, оспариваемого работодателем, суд обязан определить, отвечают ли сложившиеся между сторонами спора отношения признакам трудовых отношений, исключив тем самым правовую неопределенность в характере отношений сторон такого договора, в связи с чем к этим отношениям с учетом предъявленных требований в защиту нарушенных трудовых прав подлежат применению нормы Трудового кодекса Российской Федерации, в том числе ст. 393 ТК РФ об освобождении истца от судебных расходов вне зависимости от результатов рассмотрения дела.

При таких обстоятельствах оснований для возложения на истца Ч. обязанности по возмещению обществу понесенных расходов, связанных с проведением экспертизы при рассмотрении его иска об установлении факта трудовых отношений, у суда не имелось.

Определение № 3-КГ18-15

12. Решение суда об определении размера подлежащих возмещению судебных расходов в виде транспортных и иных издержек, связанных с рассмотрением дела, должно быть мотивированным.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, отказано в удовлетворении исковых требований В. к обществу об исполнении обязательств, о взыскании убытков, штрафа и компенсации морального вреда.

Обращаясь в суд с заявлением о взыскании судебных расходов, понесенных в связи с рассмотрением данного гражданского дела, общество ссылалось на то, что в судебных заседаниях районного суда 20 июля, 8 и

14 сентября 2016 г. принимал участие представитель ответчика, направленный в служебную командировку из г. Санкт-Петербурга в г. Нижний Новгород, а в судебном заседании Нижегородского областного суда, состоявшемся 6 декабря 2016 г., по рассмотрению апелляционной жалобы В. участвовали два представителя общества. Продолжительность командировок представителей для явки на каждое судебное заседание в суд первой инстанции с учетом удаленности от места рассмотрения дела составила 3 календарных дня, для явки в судебное заседание 6 декабря 2016 г. – 2 календарных дня для каждого из двух представителей. Расходы на проезд по маршрутам Санкт-Петербург – Нижний Новгород – Санкт-Петербург и Санкт-Петербург – Москва – Нижний Новгород – Москва – Санкт-Петербург составили 58 814 руб., командировочные расходы – 10 400 руб.

Отказывая в удовлетворении заявления общества о взыскании судебных расходов, суд первой инстанции исходил из того, что обществом не представлены доказательства, подтверждающие обоснованность и разумность несения затрат на проезд представителей данного общества в вагонах железнодорожного транспорта повышенной комфортности «СВ» и бизнес-класса. Также суд указал, что затраты общества на оплату представителям командировочных расходов (суточных) в силу положений ст. 94 ГПК РФ не относятся к издержкам, связанным с рассмотрением дела.

Отменяя определение суда первой инстанции и частично удовлетворяя заявленные требования, суд апелляционной инстанции, руководствуясь ст. 88, 94 и 100 ГПК РФ и разъяснениями, содержащимися в абзаце втором п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (далее – постановление Пленума от 21 января 2016 г. № 1), исходил из чрезмерности предъявленных обществом судебных расходов, на основании чего снизил их размер до 5000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемое апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно ст. 88 ГПК РФ судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела.

К издержкам, связанным с рассмотрением дела, относятся в том числе расходы на проезд и проживание сторон и третьих лиц, понесенные ими в связи с явкой в суд, а также другие признанные судом необходимыми расходы (ст. 94 ГПК РФ).

По общему правилу, предусмотренному ч. 1 ст. 98 ГПК РФ, стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы.

В силу ч. 2 той же статьи данные правила относятся также к распределению судебных расходов, понесенных сторонами в связи с ведением дела в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях.

Лицо, заявляющее о взыскании судебных издержек, должно доказать факт их несения, а также связь между понесенными указанным лицом издержками и делом, рассматриваемым в суде с его участием. Недоказанность данных обстоятельств является основанием для отказа в возмещении судебных издержек (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ и п. 10 постановления Пленума от 21 января 2016 г. № 1).

В соответствии с разъяснениями, изложенными в п. 14 постановления Пленума от 21 января 2016 г. № 1, транспортные расходы и расходы на проживание представителя стороны возмещаются другой стороной спора в разумных пределах исходя из цен, которые обычно устанавливаются за транспортные услуги, а также цен на услуги, связанные с обеспечением проживания, в месте (регионе), в котором они фактически оказаны.

Таким образом, при разрешении вопроса о взыскании судебных расходов в виде транспортных и иных издержек юридически значимым является установление связи указанных расходов с рассмотрением дела, их необходимости, оправданности и разумности исходя из цен, которые обычно устанавливаются за данные услуги.

Разрешая вопрос о размере сумм, взыскиваемых в возмещение судебных издержек, суд не вправе уменьшать его произвольно, если другая сторона не заявляет возражения и не представляет доказательства чрезмерности взыскиваемых с нее расходов.

Вместе с тем в целях реализации задачи судопроизводства по справедливому публичному судебному разбирательству, обеспечения необходимого баланса процессуальных прав и обязанностей сторон (ст. 2, 35 ГПК РФ) суд вправе уменьшить размер судебных издержек, в том числе расходов на оплату услуг представителя, если заявленная к взысканию сумма издержек, исходя из имеющихся в деле доказательств, носит явно неразумный (чрезмерный) характер (п. 11 постановления Пленума от 21 января 2016 г. № 1).

Поскольку оценка обоснованности требований о возмещении судебных издержек осуществляется по общим правилам гражданского процессуального законодательства, результаты оценки доказательств суд обязан отразить в судебном акте, в котором приводятся мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, другие доказательства отвергнуты судом, а также

основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими (ч. 4 ст. 67 ГПК РФ).

Отменяя определение суда первой инстанции и разрешая требование общества по существу, суд апелляционной инстанции, установив факт несения заявителем расходов на проезд его представителей к месту слушания дела и обратно в сумме 58 814 руб., оплаты командировочных расходов в сумме 10 400 руб., признал за обществом право на возмещение судебных издержек.

В то же время, определяя размер подлежащих возмещению издержек в сумме 5000 руб., суд апелляционной инстанции в нарушение приведенных выше норм права и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации не привел мотивов, по которым признал заявленный размер судебных издержек чрезмерным, то есть не соответствующим необходимости, оправданности и разумности, не указал цены, которые обычно устанавливаются за данные транспортные услуги и другие расходы, связанные с рассмотрением дела, а также не представил расчет, который позволял бы проверить правильность исчисления взысканной судом суммы судебных издержек.

Определение № 9-КГ18-16

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о юридических лицах

13. Отсутствие формального признака контроля (50% и более участия в уставном капитале дочернего общества) не препятствует установлению наличия у основного общества иной фактической возможности определять решения, принимаемые дочерним обществом.

Агентство обратилась в арбитражный суд с иском к обществу 1 о расторжении предварительного договора купли-продажи недвижимого имущества в связи с неисполнением его условий о заключении основного договора купли-продажи недвижимого имущества и взыскании солидарно с общества 1 (дочернее общество) и фирмы (основное общество) обеспечительного платежа, штрафа и убытков; с иском к обществу 2 о расторжении предварительного договора купли-продажи недвижимого имущества в связи с неисполнением его условий о заключении основного договора купли-продажи недвижимого имущества и взыскании солидарно с общества 2 (дочернее общество) и фирмы (основное общество) обеспечительного платежа, штрафа и убытков.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Арбитражный суд округа постановлением указанные судебные акты отменил в части солидарного взыскания денежных средств с фирмы, в иске к фирме отказал.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Пункт 1 ст. 67³ ГК РФ устанавливает открытый перечень критериев, позволяющих квалифицировать общества в качестве основного и дочернего.

При этом в отличие от утратившей силу с 1 сентября 2014 г. редакции ст. 105 ГК РФ, которую неправомерно применил суд округа, к таким критериям отнесены: 1) преобладающее участие одного общества в уставном капитале другого, 2) наличие соответствующего договора между обществами, 3) иная возможность одного общества определять решения, принимаемые другим обществом.

Фактическая возможность определять такие решения не связана напрямую с размером участия одного общества в уставном капитале другого или наличием договора между ними, а обусловлена, например, корпоративной структурой группы компаний, порядком заключения сделок, установленным внутри такой группы, степенью участия в управлении обществом со стороны иных участников общества и т.д. Поэтому отсутствие формального признака контроля (50% и более участия в уставном капитале дочернего общества) не препятствует установлению наличия иной фактической возможности определять решения, принимаемые дочерним обществом. Удовлетворение таким дополнительным критериям подлежит оценке с учетом доказательств, представленных сторонами.

В силу п. 2 ст. 67³ ГК РФ основное хозяйственное товарищество или общество отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение указаний или с согласия основного хозяйственного товарищества или общества (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Наличие таких указаний или согласия при совершении конкретной сделки входит в предмет доказывания с учетом представленных сторонами доказательств.

Если истец приводит достаточно серьезные доводы и представляет существенные косвенные доказательства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными его аргументы о возникновении отношений фактического контроля и подчиненности, то ответчики должны

доказать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основание своих возражений по заявленному иску (ст. 65 АПК РФ).

В этом случае установление судом наличия указаний или согласия основного общества является основанием для привлечения его к солидарной ответственности по обязательствам дочернего общества (п. 2 ст. 67³, п. 2, 3 ст. 401 ГК РФ).

Отсутствие формального контроля (49,95%) должно оцениваться судом с учетом наличия иных участников, размера их участия и степени вовлеченности в процесс управления группой компаний.

Определение № 305-ЭС18-12143

Практика применения законодательства о банкротстве

14. Если обязательство передать нежилое помещение носит текущий характер, судом в рамках дела о банкротстве застройщика должен быть рассмотрен по существу вопрос о допустимости отобрания у застройщика индивидуально-определенной вещи в пользу участника долевого строительства (покупателя).

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника с применением положений параграфа 7 гл. IX Закона о банкротстве Ф. обратился в суд первой инстанции с заявлением о признании права собственности на нежилые помещения.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что Ф. не является участником строительства по смыслу ст. 201¹ Закона о банкротстве, в связи с чем не наделен правом предъявления требования о передаче нежилого помещения в собственность. В противном случае были бы нарушены принципы очередности и пропорциональности удовлетворения требований иных кредиторов должника. При этом суды установили, что с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника денежного требования в размере стоимости нежилых помещений Ф. не обращался.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Требование Ф., поименованное как заявление о признании права собственности на нежилые помещения, по сути, представляет собой требование о понуждении к исполнению обязательства в натуре (об обязанности передать нежилые помещения) и в соответствии со сложившейся судебной практикой рассматривается по правилам ст. 308³,

398, п. 2 ст. 463, п. 3 ст. 551 ГК РФ с учетом особенностей, установленных законодательством о банкротстве.

В ситуации, когда подобное требование носит реестровый характер, оно по смыслу разъяснений п. 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – постановление № 35) в рамках дела о несостоятельности застройщика подлежит трансформации в денежное и удовлетворению в составе четвертой очереди (ст. 201⁹ Закона о банкротстве).

Если же обязательство передать нежилое помещение носит текущий характер, судом в рамках дела о банкротстве застройщика может быть рассмотрен по существу вопрос о допустимости отобрания у застройщика индивидуально-определенной вещи в пользу участника долевого строительства (покупателя). Текущим такое требование признается в случае, если договор участия в долевом строительстве заключен и оплата за помещения произведена после возбуждения дела о банкротстве застройщика при условии, что целью совершения сделки является дофинансирование в строительство объекта (п. 1 ст. 6 ГК РФ, ст. 5 Закона о банкротстве). Суд может удовлетворить требование такого кредитора, если строительство объекта на момент рассмотрения спора завершено и не нарушается очередность удовлетворения иных текущих требований.

Однако, поскольку упомянутое поведение (передача денег застройщику, в отношении которого возбуждено дело о банкротстве) не является типичным для данной сферы правоотношений (существует вероятность заключения фиктивных договоров), при рассмотрении подобных обособленных споров суду следует детально исследовать вопрос о добросовестности сторон сделки (п. 3 ст. 1, ст. 10 ГК РФ). Кроме этого, необходимо проверять реальность внесения платы за приобретаемые помещения (п. 26 постановления № 35).

Определение № 305-ЭС15-20071 (6)

15. Требование кредитора об осуществлении первоначального исполнения в части основного долга должно удовлетворяться после требований кредиторов третьей очереди и кредиторов, чьи требования заявлены после закрытия реестра требований кредиторов, но приоритетно перед лицами, получающими имущество должника по правилам п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве и п. 8 ст. 63 ГК РФ.

Банком (цедент) и должником (цессионарий) заключен договор уступки прав (требований), по которому цедент обязался уступить цессионарию права требования к заемщику – обществу, а цессионарий

обязался оплатить стоимость уступаемых прав. По условиям договора уступка происходит после полной уплаты указанной суммы и только при условии, что совершена оплата по иным соглашениям об уступке между cedentом и цессионарием.

Денежные средства уплачены банку не были. Договором предусмотрено, что в случае неисполнения обязанности по оплате начисляется неустойка.

В рамках дела о банкротстве должника банк обратился с заявлением о включении своего требования в виде основного долга и неустойки в реестр требований кредиторов должника.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, названное определение отменено, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа в части включения в реестр требований кредиторов требование банка в виде основного долга и признала требование банка обоснованным и подлежащим удовлетворению после требований кредиторов, расчеты с которыми производятся по правилам абзаца первого п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве по следующим основаниям.

Из приведенных выше обстоятельств следует, что спорный договор уступки прав предусматривал поочередное исполнение обязательств его сторонами: сначала должник должен был в полном объеме произвести оплату (как по этому договору, так и по иным связанным договорам цессии), затем происходил переход права требования от банка к должнику.

При проведении процедур несостоятельности подлежит ведению реестр требований кредиторов, в котором учитываются все требования к должнику, возникшие до возбуждения дела о банкротстве. Указанные требования учитываются в реестре, а затем удовлетворяются, в том числе согласно принципу очередности (п. 7 ст. 16, п. 4 ст. 134, п. 2 ст. 142 Закона о банкротстве). По общему правилу, очередность устанавливается исходя из признаваемой правопорядком степени значимости подлежащих защите интересов конкретной группы кредиторов, чьи требования оставлены неудовлетворенными после вступления в отношения с должником. Чем более значимыми (в том числе исходя из целей банкротства) признаются интересы конкретной группы кредиторов, объединенной общностью правовой природы принадлежащих им требований, тем в более приоритетном порядке происходит погашение таких требований в процедуре несостоятельности. В случае отсутствия специальной оговорки о приоритетном порядке удовлетворения конкретной категории

требований они учитываются и погашаются в составе третьей очереди (абзац четвертый п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве).

Предполагается, что кредиторы, прежде чем их требование включается в реестр, осуществили какое-либо предоставление в пользу имущественной массы должника (пополнили ее) либо должником была умалена имущественная масса таких кредиторов (в том числе за счет изъятия, повреждения какой-нибудь ценности), в связи с чем возникла обязанность произвести возмещение. Таким образом, по общему правилу, кредиторами являются лица, которые в результате вступления в отношения с должником претерпели определенные негативные последствия по причине последующего применения к должнику процедур несостоятельности. Этим объясняется, почему такие кредиторы вправе претендовать на распределение средств, вырученных от реализации конкурсной массы.

Однако кредитор, который требует осуществления первоначального предоставления, в формировании конкурсной массы (даже косвенно) не участвовал, поскольку свое встречное предоставление по обязательству не осуществил. В связи с этим было бы неверным (п. 2 ст. 6 ГК РФ) уравнивать в правах (поставить в одну очередь) кредиторов по требованию об осуществлении первоначального предоставления (в части основного долга) и кредиторов, непосредственно пострадавших от взаимодействия с должником. Последние должны иметь право получить удовлетворение своих требований приоритетно перед первыми. Как указано выше, требования основной части рядовых кредиторов подлежат включению в третью очередь реестра. Далее подлежат удовлетворению требования «зарегистрированных» кредиторов (п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве; фактически – четвертая очередь), поскольку ими требования предъявлены с пропуском срока закрытия реестра при отсутствии уважительных причин для восстановления такого срока.

Вместе с тем требования «опоздавших» кредиторов по своей правовой природе аналогичны требованиям кредиторов третьей очереди, они также в имущественном смысле пострадали от вступления в правоотношения с должником, и потому им не может противопоставляться задолженность перед кредиторами, не участвовавшими в наполнении конкурсной массы. В то же время необходимо принимать во внимание, что открытие процедуры несостоятельности само по себе не прекращает обязательство со встречным исполнением, достигнутые сторонами договоренности и основанные на них разумные ожидания должны уважаться правопорядком (пп. 1 и 2 ст. 1, ст. 309 ГК РФ), а потому полный отказ во включении в реестр требований кредиторов по первоначальному исполнению не соответствовал бы целям регулирования гражданско-правовых отношений.

Исходя из принципов добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ) требования кредиторов об осуществлении первоначального предоставления в части основного долга должны удовлетворяться после требований как кредиторов третьей очереди, так и «опоздавших» кредиторов (далее – пятая очередь), но приоритетно перед лицами, получающими имущество должника по правилам п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве, п. 8 ст. 63 ГК РФ. Тем самым достигается баланс между недопустимостью ущемления прав кредиторов, понесших негативные последствия от вступления в отношения с должником, и правами кредитора по непрекращенному обязательству со встречным исполнением. Требования такого кредитора пятой очереди не должны учитываться при определении количества голосов на собрании кредиторов (пп. 1 и 3 ст. 12 Закона о банкротстве), однако он вправе участвовать в их проведении без права голоса.

Кроме того, задолженность перед таким кредитором учитывается при определении наличия права на самостоятельное оспаривание сделок по специальным основаниям (п. 2 ст. 61⁹ Закона о банкротстве), а также при исчислении размера субсидиарной ответственности (п. 11 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве).

С учетом фикции наступления срока исполнения обязательства должника по отношению к его кредиторам после введения первой процедуры несостоятельности (например, п. 3 ст. 63, абзац второй п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве) кредитор по первоначальному исполнению вправе отступить от согласованной в договоре последовательности обмена предоставлениями и осуществить в пользу должника (банкрота) свое последующее исполнение, после чего обратиться с заявлением о включении своего требования к должнику в третью очередь реестра, поскольку в таком случае он участвует в наполнении конкурсной массы. Если такое последующее предоставление будет осуществлено после включения требования кредитора в пятую очередь, он вправе заявить ходатайство об уточнении реестра требований кредиторов (п. 1 ст. 60 Закона о банкротстве) и изменении очереди погашения долга перед ним с пятой на третью.

Кредитор по первоначальному исполнению также претерпевает негативные последствия от неисполнения должником своей обязанности, в результате чего на стороне такого кредитора могут образовываться убытки. Причем наличие таких убытков подразумевает умаление имущественной массы кредитора, а потому требование об их возмещении подлежит включению в третью очередь реестра. В данном случае договором предусмотрено начисление неустойки при неисполнении должником обязанности по оплате. Предполагается, что такая неустойка соразмерно покрывает образовавшиеся на стороне кредитора убытки, в связи с чем такая неустойка, начисленная до введения наблюдения

(абзац девятый п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве), подлежит включению в реестр (п. 3 ст. 137 Закона о банкротстве). При этом если банк полагает, что неустойка не покрывает в полной мере образовавшиеся убытки, он вправе требовать возмещения убытков в непокрытой части (п. 1 ст. 394 ГК РФ).

Определение № 305-ЭС18-11840

16. Конкурсный кредитор, отвечающий критерию п. 9 ст. 16 Закона о банкротстве, обладает правом запрашивать у конкурсного управляющего кредитной организации сведения о состоянии реестра, а именно о личности кредиторов и размере долга перед ними, без той информации, которая не требуется для последующего заявления возражений (например, паспортных данных и т.д.). Для реализации указанного права кредитор обязан подтвердить наличие у него законного интереса в получении информации.

И., являющийся кредитором банка, дважды обращался к конкурсному управляющему банка (далее – агентство) с требованием о представлении заверенной копии реестра требований кредиторов, ссылаясь на положения п. 9 ст. 16 Закона о банкротстве.

Агентство отказало И. в представлении соответствующих документов, что послужило основанием для обращения И. в арбитражный суд с жалобой на бездействие конкурсного управляющего.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, жалоба оставлена без рассмотрения. Суды отметили, что по смыслу ст. 189⁵⁹, 189⁶⁰, пп. 2 и 5 ст. 189⁸² Закона о банкротстве отдельные кредиторы не имеют права обращаться с жалобой на действия арбитражного управляющего банка, такое полномочие кредиторы реализуют через собрание либо комитет кредиторов. Во-вторых, суды указали, что положения п. 7 ст. 189⁸⁷ Закона о банкротстве, предусматривающие только возможность получения кредитором выписки из реестра с информацией о его требовании, являются специальными по отношению к п. 9 ст. 16 данного Закона, что означает невозможность при банкротстве кредитных организаций требовать у арбитражного управляющего копию всего реестра. В-третьих, суды сослались на ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках и банковской деятельности), закрепляющую положения о банковской тайне клиентов кредитной организации. В реестре требований кредиторов банка содержится такая информация, как паспортные данные, адрес регистрации, личные телефоны, реквизиты банковских договоров, суммы остатков на счетах, номера лицевых счетов. Все эти данные не могут передаваться третьим

лицам, а потому отдельный кредитор не может получить копию всего реестра.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Вывод судов об отсутствии у отдельного кредитора банка права на обжалование действий (бездействия) управляющего ошибочен. Согласно п. 3 ст. 189⁷ Закона о банкротстве отношения, связанные с несостоятельностью (банкротством) кредитных организаций и не урегулированные параграфом 4¹, регулируются в том числе гл. I и III этого Закона. Поскольку в параграфе 4¹ (в том числе в п. 2 ст. 189⁸² Закона) отсутствует запрет на обжалование действий (бездействия) конкурсного управляющего банка кредитором в самостоятельном порядке, следует признать, что в такой ситуации применяется общая норма п. 1 ст. 60 Закона о банкротстве (гл. III), предполагающая возможность предъявления соответствующих жалоб.

При этом вывод судов о наличии права на обжалование действий управляющего только у комитета кредиторов, опирающийся на п. 5 ст. 189⁸² Закона, является ошибочным, поскольку названная норма регулирует вопросы обращения с жалобой в Банк России, а не в суд, как в настоящем случае. При таких условиях жалоба И. оставлена без рассмотрения при неправильном применении норм законодательства о несостоятельности.

Кроме того, нельзя поддержать и вывод судов о соотношении п. 9 ст. 16 и п. 7 ст. 189⁸⁷ названного Закона. Установленная последней из названных норм обязанность управляющего представить выписку из реестра в части требования конкретного кредитора не препятствует применению общей нормы п. 9 ст. 16 Закона (гл. I) о праве кредитора, обладающего не менее чем одним процентом кредиторской задолженности, потребовать выдачи копии всего реестра требований кредиторов. При этом на протяжении рассмотрения обособленного спора И. ссылаясь на то, что ему принадлежит четыре процента от всех включенных в реестр требований.

Суды не рассмотрели вопрос о том, все ли включенные в реестр требования защищены банковской тайной.

Само по себе признание кредитной организации банкротом не устраняет режима банковской тайны. В то же время следует принимать во внимание, что нахождение банка в конкурсном производстве с высокой степенью вероятности может свидетельствовать о том, что денежных средств для погашения долга перед всеми кредиторами недостаточно. Поэтому в случае признания каждого нового требования обоснованным доля удовлетворения требований единого гражданско-правового сообщества, объединяющего других кредиторов, снижается, в связи с чем

они объективно заинтересованы, чтобы в реестр включалась только реально существующая задолженность.

Поскольку первичную проверку обоснованности требований кредиторов проводит конкурсный управляющий кредитной организации (п. 4 ст. 189⁸⁵ Закона о банкротстве), реализация названного выше интереса группы остальных кредиторов осуществляется посредством заявления возражений против результатов рассмотрения арбитражным управляющим требований конкретных кредиторов. Иной подход (запрет на заявление возражений) исключал бы судебный контроль над действиями конкурсного управляющего и противоречил бы конституционной гарантии на судебную защиту прав и свобод каждого (п. 23 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 ноября 2018 г.).

Однако для того, чтобы иметь возможность возражать против конкретных требований, сообщество кредиторов банка должно располагать сведениями о результатах формирования конкурсным управляющим реестра. В обратном случае содержание формально предоставленного им права контролировать деятельность управляющего было бы нивелировано невозможностью его реализации. В связи с этим следует признать наличие у кредитора, отвечающего критерию п. 9 ст. 16 Закона о банкротстве, права запрашивать у конкурсного управляющего кредитной организации сведения о состоянии реестра, а именно о личности кредиторов и размере долга перед ними, без той информации, которая не требуется для последующего заявления возражений (например, паспортных данных и т.д.).

Тем не менее, исходя из необходимости соблюдения интересов не только сообщества кредиторов банка, но и его клиентов, защищаемых банковской тайной, следует также признать, что сам по себе запрос информации без указания мотивов необходимости ее раскрытия недостаточен для удовлетворения соответствующего требования кредитора. Для реализации права на получение информации о состоянии реестра кредитор, в частности, может привести основанные на косвенных доказательствах доводы, которые бы ставили под сомнение надлежащее осуществление конкурсным управляющим своих полномочий в рамках дела о банкротстве или свидетельствовали бы об отсутствии доверия сообщества кредиторов к такому управляющему; он может ссылаться и на иные имеющиеся у него (в том числе полученные на собрании кредиторов, в результате анализа отчетности должника и его аффилированных лиц, из общедоступных источников и т.д.) сведения о несоответствии внесенных в реестр требований действительной долговой нагрузке банка.

Первоначально требование с запросом информации направляется в адрес арбитражного управляющего кредитной организации, который

рассматривает его по существу. В случае отказа управляющего в предоставлении сведений кредитор (как в рассматриваемом случае и было сделано) вправе обратиться в суд с жалобой на действия (бездействие) такого управляющего. Разрешая подобный спор, суд по существу оценивает убедительность доводов и доказательств кредитора, претендующего на получение копии реестра.

Если же управляющий принял решение раскрыть информацию (или в случае окончания спора в суде в пользу кредитора), то он обязан, прежде чем передать соответствующие документы, потребовать от кредитора выдачи расписки, в которой тот подтвердит, что предупрежден о конфиденциальном режиме получаемой информации и об обязанности ее сохранять. Такой подход вытекает из смысла разъяснений, данных в абзаце втором п. 15 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ». При несоблюдении обязанности сохранять конфиденциальные сведения лицо, чьи права были нарушены, вправе требовать возмещения убытков нарушителем по общим правилам гражданского законодательства.

Определение № 305-ЭС18-5703 (3)

17. Само по себе возникновение картотеки на одном корреспондентском счете не позволяло судам применить презумпцию, закрепленную подп. 1 п. 5 ст. 189⁴⁰ Закона о банкротстве, к клиенту, выполнившему операцию через иной корреспондентский субсчет. Данное обстоятельство могло быть принято во внимание при наличии иных (дополнительных) свидетельств нетипичности банковской операции для конкретной кредитной организации и (или) ее клиента, которые бы в совокупности указывали на то, что платеж (перевод) совершен за пределами обычной хозяйственной деятельности.

Обществом и банком заключен депозитный договор, в котором закреплено право общества на свободное истребование части депозита (при условии сохранения им неснижаемого остатка на депозитном счете).

Накануне назначения (за один-два дня) Центральным Банком России временной администрации по управлению банком в соответствии с условиями депозитного договора на основании писем общества и двух платежных поручений банк перечислил денежные средства на расчетный счет общества, открытый в иной кредитной организации.

Впоследствии банк признан несостоятельным (банкротом), полномочия конкурсного управляющего возложены на государственную корпорацию «Агентство по страхованию вкладов» (далее – агентство).

Полагая, что указанные банковские операции по перечислению денежных средств являются недействительными, повлекшими за собой оказание предпочтения обществу как одному из кредиторов должника (ст. 189⁴⁰, п. 2 ст. 61³ Закона о банкротстве), агентство обратилось в суд с заявлением об их оспаривании.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление агентства удовлетворено в части; недействительными признаны две банковские операции по перечислению денежных средств; применены последствия их недействительности; в удовлетворении остальной части требований агентства отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части удовлетворения требований агентства и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 3 ст. 61¹, абзацу пятому пп. 1 и 2 ст. 61³, ст. 189⁴⁰ Закона о банкротстве банковская операция, совершенная банком-должником в течение одного месяца до назначения временной администрации по управлению кредитной организацией, может быть признана недействительной, если ее совершение привело к тому, что отдельному кредитору оказано предпочтение по отношению к другим кредиторам.

При этом в соответствии с общим правилом, закрепленным п. 2 ст. 61⁴ Закона о банкротстве, сделки, совершаемые в обычной хозяйственной деятельности, осуществляемой должником, не могут быть оспорены на основании ст. 61³ Закона о банкротстве, если цена передаваемого по ним имущества или размер принятых обязательств не превышает одного процента от стоимости активов должника.

Переводы денежных средств по поручениям клиентов относятся к числу операций, регулярно выполняемых кредитными организациями. Они, как правило, совершаются в процессе обычной хозяйственной деятельности (ст. 1 и 5 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»).

Такие переводы могут быть признаны недействительными в двух случаях:

если конкурсный управляющий доказал совокупность обстоятельств, составляющих любую из презумпций, закрепленных п. 5 ст. 189⁴⁰ Закона о банкротстве, а клиент банка данную презумпцию не опроверг;

если конкурсный управляющий по общим правилам о доказывании подтвердил выход оспариваемой банковской операции за пределы обычной хозяйственной деятельности, в том числе подтвердил наличие признаков недобросовестности в поведении клиента банка (например, доказал, что клиент, выдавший распоряжение о перечислении средств, был осведомлен об объективном банкротстве банка) (ст. 65 АПК РФ).

В рассматриваемом случае в обоснование вывода о нетипичности спорных операций суды сослались на презумпцию, изложенную в подп. 1 п. 5 ст. 189⁴⁰ Закона о банкротстве.

Однако данная презумпция не подлежала расширительному толкованию. Исходя из буквального толкования нормы, она применима, если имелась совокупность двух обстоятельств:

образовалась картотека (в том числе скрытая) к тому корреспондентскому счету (субсчету), который был использован для выполнения оспариваемой операции, и при этом спорный платеж совершен с нарушением правил гражданского законодательства об очередности исполнения поручений клиентов;

либо доказано, что в распоряжении клиента, осуществившего оспариваемый платеж через корреспондентский счет (субсчет) в отсутствие формальных признаков нарушения установленной гражданским законодательством очередности исполнения поручений клиентов, или в распоряжении получателя платежа действительно имелись сведения о наличии других неисполненных распоряжений по иному корреспондентскому счету (субсчету) этой же кредитной организации, к которому уже имелась картотека (в том числе скрытая), что позволяло сделать однозначный вывод о получении предпочтения.

Оспариваемые платежи были совершены, как указывает общество, через корреспондентский субсчет иногороднего филиала банка, тогда как суды проанализировали обстоятельства, касающиеся возникновения картотеки на ином счете – корреспондентском счете головного офиса банка. При этом агентство не оспаривало отсутствие в спорный период картотеки к корреспондентскому субсчету иногороднего филиала, а факт реальной осведомленности общества о наличии картотеки к корреспондентскому счету головного офиса банка не был установлен судами.

Само по себе возникновение картотеки на одном корреспондентском счете не позволяло судам применить презумпцию, закрепленную подп. 1 п. 5 ст. 189⁴⁰ Закона о банкротстве, к клиенту, выполнившему операцию через иной корреспондентский субсчет. Данное обстоятельство могло быть принято во внимание при наличии иных (дополнительных) свидетельств нетипичности банковской операции для конкретной кредитной организации и (или) ее клиента, которые бы в совокупности указывали на то, что платеж (перевод) совершен за пределами обычной хозяйственной деятельности.

Агентство полагало, что такие дополнительные доказательства недобросовестности общества оно представило.

Общество, наоборот, указывало на то, что оно регулярно совершало приходные и расходные операции по депозитному счету, раскрыло мотивы перечисления средств на свой же счет в иной кредитной организации. Так,

общество сослалось на то, что не имело расчетных счетов в банке-должнике и в силу прямого указания закона (абзац второй п. 3 ст. 834 ГК РФ) было лишено возможности напрямую перечислять находящиеся на депозитном счете средства другим организациям (поставщикам, подрядчикам и т.д.), поэтому по мере необходимости давало поручения на перечисление части сумм депозита на свои расчетные счета в иных кредитных организациях, которые использовались для расчетов с контрагентами. Общество представило свидетельства того, куда, по его мнению, были потрачены снятые с депозита суммы, чем были вызваны эти расходы. Кроме того, обращало внимание на то, что денежные средства остались на его депозитном счете, каких-либо действий по изъятию этих средств оно не предпринимало, и в дальнейшем в связи с банкротством банка-должника средства включены в реестр требований кредиторов.

Однако данные доводы агентства и возражения общества судами не проверялись.

Определение № 305-ЭС16-21459

18. Определение об отказе в удовлетворении ходатайства арбитражного управляющего о прекращении производства по делу о банкротстве ввиду недостаточности имущества должника для осуществления процедурных расходов подлежит апелляционному обжалованию.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника его конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд первой инстанции с ходатайством о прекращении производства по делу о банкротстве, ссылаясь на недостаточность имущества должника для осуществления процедурных расходов.

Определением арбитражного суда первой инстанции в удовлетворении ходатайства отказано.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, производство по апелляционной жалобе конкурсного управляющего прекращено применительно к п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ. Суд апелляционной инстанции исходил из того, что обжалование принятого судом первой инстанции судебного акта ни АПК РФ, ни иными федеральными законами не предусмотрено и определение не препятствует дальнейшему движению дела. При этом суды отметили, что возможность вынесения арбитражным судом определения по результатам рассмотрения заявлений и ходатайств участвующего в деле лица, в том числе по вопросу о прекращении производства по делу, предусмотрена ст. 159 АПК РФ, в связи с чем положения п. 3 ст. 61 Закона о банкротстве, регулирующие порядок

обжалования отдельных определений, принятых в рамках дела о банкротстве, в данном случае применению не подлежат.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и направила апелляционную жалобу в суд апелляционной инстанции для рассмотрения по существу по следующим основаниям.

Статус арбитражного управляющего предполагает среди прочего проявление им должной осмотрительности в своей профессиональной деятельности для предотвращения риска невыплаты расходов по делу о банкротстве, что вытекает из закрепленной ст. 20³ Закона о банкротстве обязанности арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно в интересах должника и его кредиторов.

При обнаружении факта недостаточности имеющегося у должника имущества для осуществления расходов по делу о банкротстве арбитражный управляющий не вправе осуществлять такие расходы в расчете на последующее возмещение их заявителем, а обязан обратиться в суд, рассматривающий дело о банкротстве, с заявлением о прекращении производства по делу на основании абзаца восьмого п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве. Неисполнение арбитражным управляющим данной обязанности влечет невозможность возмещения понесенных им расходов, в том числе невыплаченного управляющему вознаграждения (п. 15 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве»).

Такого рода ходатайства рассматриваются судом применительно к положениям п. 1 ст. 60 Закона о банкротстве с вынесением определения, которое может быть обжаловано по правилам ч. 3 ст. 223 АПК РФ (п. 35.1 постановления № 35).

Возможность обжалования судебного решения и его пересмотра в вышестоящей инстанции является одним из неотъемлемых элементов права на судебную защиту и общепризнанным принципом организации судебной системы и осуществления правосудия. Прекращение производства по жалобе конкурсного управляющего препятствует последовательному пересмотру принятого судом первой инстанции судебного акта в апелляционном и кассационном порядке и фактически ограничивает его право на судебную защиту.

Определение № 305-ЭС15-13759(3)

19. Конкурсные кредиторы, уполномоченные органы и арбитражный управляющий при обжаловании мирового соглашения, утвержденного по другому делу, в исковом процессе вправе заявлять

новые доводы (возражения), если они не участвовали в рассмотрении дела в суде первой инстанции.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к должнику о взыскании задолженности по договору займа.

Определением суда первой инстанции производство по делу прекращено в связи с утверждением судом мирового соглашения.

Обращаясь с кассационной жалобой на определение суда первой инстанции об утверждении мирового соглашения и прекращении производства по данному делу, конкурсный управляющий должника указал, что целью обращения общества с настоящим иском к должнику было уклонение от расчетов с другими кредиторами, поскольку общество и должник принадлежат к одной группе компаний. Так, общество является управляющей компанией должника, выполняет функции единоличного исполнительного органа на основании договора передачи полномочий исполнительных органов управляющей организации.

Суд округа, оставляя определение суда первой инстанции без изменения, указал, что при утверждении мирового соглашения суд первой инстанции признал его не противоречащим закону и иным нормативным правовым актам и не нарушающим права и законные интересы других лиц (ч. 5 ст. 49 и ч. 6 ст. 141 АПК РФ).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в тот же суд по следующим основаниям.

Если конкурсные кредиторы или уполномоченные органы полагают, что их права и законные интересы нарушены мировым соглашением, утвержденным судом по другому делу в исковом процессе, в частности если такое соглашение обладает признаками, указанными в ст. 61² или 61³ Закона о банкротстве, то на этом основании они, а также арбитражный управляющий вправе обжаловать определение об утверждении такого мирового соглашения (п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Указанные конкурсным управляющим и кредитором обстоятельства не были известны суду первой инстанции, не оценивались им на предмет соответствия условий мирового соглашения требованиям законодательства и соблюдения прав и законных интересов третьих лиц (кредиторов общества).

Вопреки требованиям процессуального законодательства (п. 12 ч. 2 ст. 289 АПК РФ), арбитражный суд округа не привел мотивы принятия постановления и не дал оценки доводам, изложенным конкурсным управляющим должника в обоснование кассационной жалобы. Иной

процессуальной возможности оспорить мировое соглашение и обжаловать судебный акт, его утвердивший, у кредиторов и конкурсного управляющего не имеется.

Определение № 305-ЭС18-6771

***Споры, возникающие при применении
земельного законодательства***

20. При отсутствии оснований для кадастрового учета объекта надлежащим способом устранения ранее допущенной при постановке на кадастровый учет ошибки является требование о снятии с кадастрового учета спорного объекта.

Обществу на праве собственности принадлежит имущество – бензозаправочная колонка.

Ссылаясь на то, что нахождение в государственном кадастре недвижимости сведений о спорном объекте, являющемся, по сути, движимой вещью и право на который в ЕГРН зарегистрировано как на недвижимую вещь, противоречит нормам законодательства Российской Федерации и нарушает права общества, последнее обратилось в Управление Росреестра с заявлением о снятии спорного объекта с государственного кадастрового учета и погашении записи о праве собственности общества на него.

Отказ регистратора послужил основанием для обращения общества в арбитражный суд с иском к Управлению Росреестра о снятии данного объекта с государственного кадастрового учета и погашении записи о праве собственности общества на него.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что снятие с государственного кадастрового учета и прекращение прав в отношении объекта недвижимости по заявленному обществом основанию не предусмотрено Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон № 218-ФЗ).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, по следующим основаниям.

Осуществление государственной регистрации прав на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости (п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых

положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Аналогичным образом следует относиться и к значению кадастрового учета в целях признания объекта недвижимой вещью.

Таким образом, при разрешении вопроса о признании вещи недвижимостью независимо от осуществления кадастрового учета или государственной регистрации права собственности на нее следует устанавливать наличие у вещи признаков, способных относить ее в силу природных свойств или на основании закона к недвижимым объектам.

Постановке на кадастровый учет, государственной регистрации прав в ЕГРН должна предшествовать проверка наличия у объекта признаков недвижимого имущества.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 29 Закона № 218-ФЗ государственный кадастровый учет и (или) государственная регистрация прав включают в себя проведение правовой экспертизы документов, представленных для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, на предмет наличия или отсутствия установленных Законом № 218-ФЗ оснований для приостановления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав либо для отказа в осуществлении государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав.

В п. 1 Обзора судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 ноября 2016 г., закреплена правовая позиция о правомерности отказа органа кадастрового учета в постановке на кадастровый учет объекта, не обладающего признаками недвижимой вещи, поскольку законодательство Российской Федерации не предусматривает осуществления кадастрового учета объекта, не являющегося объектом недвижимости.

Из изложенного следует, что при осуществлении государственного кадастрового учета проведенной правовой экспертизой документов, представленных заинтересованными лицами, должно быть подтверждено наличие у объекта признаков недвижимости, в противном случае внесение в ЕГРН сведений об объекте, не являющемся недвижимой вещью, признается незаконным.

Подход, мотивированный отсутствием оснований для снятия с кадастрового учета объекта, ранее поставленного на учет, без должной правовой экспертизы и проверки наличия у объекта признаков недвижимости, нарушает принцип достоверности сведений ЕГРН и не может в связи с этим быть признан обоснованным.

Судебная коллегия также полагает, что, поскольку из материалов дела не следует и судами не установлено наличие спора между собственником объекта и собственником земельного участка, на котором

объект расположен, а также нарушение прав иных лиц на такой объект (залогодержатель, обладатель сервитута, арендатор), общество вправе было обратиться к регистратору с заявлением о прекращении незаконных кадастрового учета и государственной регистрации права на спорный объект как на недвижимую вещь.

В случае отказа регистратора совершить указанные действия лицо вправе обжаловать его по правилам гл. 24 АПК РФ.

Поскольку п. 3 ч. 3 ст. 14 Закона № 218-ФЗ предусмотрено, что государственный кадастровый учет и государственная регистрация прав осуществляются одновременно в связи с прекращением существования объекта недвижимости, права на который зарегистрированы в Едином государственном реестре недвижимости, установление отсутствия оснований для осуществления кадастрового учета ввиду признания вещи движимой влечет прекращение на нее прав как на недвижимость.

Определение № 310-ЭС18-13357

21. Критериями применения льготных цен при выкупе указанных в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137 «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» земельных участков являются факт нахождения на земельном участке зданий, строений, сооружений, принадлежащих заявителю на праве собственности, которые ранее были отчуждены в процессе приватизации государственных (муниципальных) предприятий либо возведены на таких земельных участках вместо разрушенных или снесенных и ранее отчужденных из государственной или муниципальной собственности, а также обращение собственника указанного недвижимого имущества с надлежащим заявлением о выкупе земельного участка до 1 июля 2012 г.

В 2012 году объединение (продавец) и общество (покупатель) заключили договоры купли-продажи недвижимого имущества (комплекса зданий и сооружений), которое перешло в частную собственность в результате приватизации государственного предприятия. Комплекс зданий и сооружений располагался на земельном участке, переданном в 2010 году администрацией публично-правового образования (арендодатель) объединению (арендатор) в аренду на 49 лет.

Общество, став собственником объектов недвижимости, 1 июня 2012 г. обратилось в Комитет земельных ресурсов администрации с заявлением о предоставлении ему в собственность за плату земельного участка, на котором данные объекты расположены.

Администрация, рассмотрев заявление общества, в июне 2012 года предоставила обществу в собственность за плату испрашиваемый

земельный участок для эксплуатации промплощадки в составе комплекса зданий и сооружений, здания гаража. При определении указанной платы была применена льготная выкупная цена земельного участка ввиду отчуждения расположенного на участке недвижимого имущества в процессе приватизации государственного предприятия.

В 2017 году администрация обратилась в арбитражный суд с иском о признании недействительным договора купли-продажи указанного земельного участка и взыскании с общества в пользу администрации неосновательного обогащения за пользование указанным земельным участком (в размере арендной платы), процентов за пользование чужими денежными средствами, ссылаясь на постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, согласно которому при подаче заявления о приобретении в собственность земельного участка общество представило поддельный документ – справку БТИ с целью приобретения данного участка по льготной цене.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 36 ЗК РФ, действовавшей до 1 марта 2015 г., исключительное право на приватизацию земельных участков или приобретение права аренды земельных участков имеют граждане и юридические лица – собственники зданий, строений, сооружений, расположенных на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Приватизация таких земельных участков осуществляется в порядке и на условиях, установленных ЗК РФ, а также федеральными законами.

В п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» разъяснено, что, определяя цену земельного участка по договору купли-продажи, заключаемому в соответствии со ст. 36 ЗК РФ, стороны должны руководствоваться Федеральным законом от 25 октября 2001 г. № 137 «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 137-ФЗ), содержащим императивную норму о конкретных условиях определения стоимости земельного участка.

Пунктом 1 ст. 2 Закона № 137-ФЗ в редакции, действовавшей на момент подачи обществом заявления о выкупе, предусмотрено, что в соответствии с данным пунктом до 1 июля 2012 г. осуществляется продажа земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, коммерческим организациям и

индивидуальным предпринимателям, являющимся собственниками расположенных на таких земельных участках зданий, строений, сооружений, если эти здания, строения, сооружения были отчуждены из государственной или муниципальной собственности, а также в случае, если на таких земельных участках возведены или реконструированы здания, строения, сооружения либо если эти здания, строения, сооружения были возведены на таких земельных участках вместо разрушенных или снесенных и ранее отчужденных из государственной или муниципальной собственности зданий, строений, сооружений.

При приобретении указанными лицами таких земельных участков их цена устанавливается субъектами Российской Федерации в пределах двадцати процентов кадастровой стоимости земельного участка, расположенного в городах с численностью населения свыше трех миллионов человек, и двух с половиной процентов кадастровой стоимости земельного участка, расположенного в иной местности.

Спорный участок находится в публично-правовом образовании с населением менее трех миллионов человек.

Аналогичный подход, определяющий субъектный состав лиц, имеющих право на приобретение земельного участка по льготной цене, содержался в постановлении администрации, действовавшем на момент заключения спорного договора купли-продажи.

Таким образом, по смыслу п. 1 ст. 2 Закона № 137-ФЗ определяющими критериями применения льготных цен при выкупе указанных в данном пункте земельных участков являются факт нахождения на земельном участке зданий, строений, сооружений, принадлежащих заявителю на праве собственности, которые ранее были отчуждены в процессе приватизации государственных (муниципальных) предприятий либо возведены на таких земельных участках вместо разрушенных или снесенных и ранее отчужденных из государственной или муниципальной собственности, а также обращение собственника указанного недвижимого имущества с надлежащим заявлением о выкупе земельного участка до 1 июля 2012 г.

При этом право на льготное приобретение земельного участка имеет любой собственник указанных объектов недвижимости независимо от того, приобрел ли он недвижимость при приватизации или в результате последующих сделок (п. 9 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 октября 2016 г.).

Суды, сделав вывод о нарушении земельного законодательства при определении в договоре выкупной цены в размере 2,5% кадастровой стоимости по причине отсутствия документов, подтверждающих отчуждение в процессе приватизации расположенного на участке здания гаража, не учли и в нарушение требований ст. 71, 162, 168 АПК РФ не дали

оценку доводам общества и представленным им в дело доказательствам о том, что на момент заключения указанного договора за обществом было зарегистрировано право собственности на комплекс зданий и сооружений, которые в 1993 году были переданы в частную собственность в процессе приватизации предприятия и которые так же как и указанное здание гаража расположены на спорном земельном участке, сформированном для эксплуатации данного комплекса, поэтому общество в любом случае было вправе приобрести по льготной цене участок, занятый его объектами недвижимости и необходимый для их использования.

Кроме того, по утверждению общества, расположенное наряду с другими объектами недвижимости на спорном земельном участке здание гаража возникло в результате реконструкции вспомогательных приватизированных объектов. В подтверждение данного довода общество представило копию заявления объединения от 2002 года, направленного в уполномоченный муниципальный орган о выдаче разрешения на строительство (реконструкцию) гаража на арендованном земельном участке; копию разрешения на выполнение строительно-монтажных работ от 2003 года по реконструкции гаража на промплощадке завода лекарственных препаратов, выданного Инспекцией государственного архитектурно-строительного надзора Российской Федерации публично-правового образования; технический паспорт здания склада (1999 год) и технический паспорт здания гаража (2011 год), из которых следует, что площадь приватизированного здания склада с вспомогательными пристройками идентична площади реконструированного гаража.

Определение № 306-ЭС18-13221

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

22. При добросовестном исполнении обязательства новому кредитору на должника не могут быть возложены негативные последствия спора цедента и цессионария по поводу недействительности уступки. В этом случае cedent вправе потребовать денежную компенсацию от цессионария, принявшего исполнение от должника.

В рамках дела о банкротстве банка конкурсный управляющий (далее – агентство) обратился в суд с заявлением о признании недействительными двух договоров цессии, заключенных банком с обществом, и банковской операции по списанию денежных средств с расчетного счета указанного общества, открытого в банке, в счет оплаты за уступленное банком требование к торговому дому.

Определением арбитражного суда первой инстанции требования агентства удовлетворены. Суд апелляционной инстанции, рассмотревший спор по правилам, установленным процессуальным законодательством для рассмотрения дела в суде первой инстанции, постановлением отменил определение суда первой инстанции, признал недействительными оспариваемые сделки и банковскую операцию, применил последствия их недействительности в виде восстановления банка в правах кредитора по отношению к торговому дому по договору об открытии кредитной линии, восстановления обязательств Ч. перед банком по обеспечительным сделкам поручительства и залога, восстановления обязательств банка перед обществом по договору расчетного счета, а также обязанности общества возвратить банку подлинные документы, удостоверяющие полученное требование.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции изменено в части применения последствий недействительности сделок и банковской операции: арбитражный суд округа восстановил банк в правах кредитора по договору об открытии кредитной линии, заключенному банком с торговым домом, восстановил права банка по договорам поручительства и залога, заключенным банком и Ч., восстановил обязательства банка перед обществом по расчетному счету, открытому обществом в банке.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа в части применения последствий недействительности сделок и в отмененной части направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Как разъяснено в п. 14 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 октября 2007 г. № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации», в случае признания судом соглашения об уступке требования недействительным (либо при оценке судом данной сделки как ничтожной и применении последствий ее недействительности) по требованию одной из сторон данной сделки исполнение, учиненное добросовестным должником цессионарию до момента признания соглашения недействительным, является надлежащим исполнением. Аналогичные разъяснения содержатся в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки».

В ходе рассмотрения спора торговый дом обращал внимание на то, что после уступки требования новый кредитор предъявил к нему иск о взыскании задолженности по кредитному договору. К участию в этом деле

привлекалось агентство. Соответствующее ходатайство было заявлено торговым домом, который ссылаясь на риск оспаривания в деле о банкротстве банка договоров цессии как сделок с предпочтением (ст. 61³ Закона о банкротстве). Однако в деле о взыскании долга агентство поддержало позицию нового кредитора, считало его притязания к торговому дому обоснованными. Определением арбитражного суда первой инстанции утверждено мировое соглашение между новым кредитором и торговым домом. По мнению торгового дома, зафиксированная в мировом соглашении задолженность им погашена на основании исполнительного листа, выданного новому кредитору и предъявленного им в кредитную организацию, обслуживающую торговый дом.

Впоследствии по заявлению агентства в деле о банкротстве банка были признаны недействительными договоры цессии. При этом торговый дом не извещался судом первой инстанции о начавшемся процессе, что послужило причиной отмены вынесенного этим судом определения по безусловному основанию. В такой ситуации судам надлежало исследовать и оценить поведение торгового дома с точки зрения добросовестности. Неверно определив предмет доказывания, суды не установили соответствующие обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения требования агентства о применении последствий недействительности договоров цессии.

В случае добросовестного исполнения обязательства новому кредитору на торговый дом не могли быть возложены негативные последствия спора цедента и цессионария по поводу недействительности упомянутых договоров, в этом случае банк в лице агентства был вправе потребовать денежную компенсацию от общества – нового кредитора, принявшего исполнение от торгового дома.

Определение № 305-ЭС17-11566(14)

23. Соглашение между должником и кредитором об ограничении или запрете уступки требования по денежному обязательству не лишает силы такую уступку и не может служить основанием для расторжения договора. При этом цедент, совершивший уступку денежного требования в нарушение договорного запрета, не освобождается от ответственности перед должником за свои действия.

Общество обратилось к конкурсному управляющему банка – государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» (далее – Агентство) с заявлением о включении в реестр требований кредиторов задолженности, составляющей остаток средств на банковском счете.

Конкурсный управляющий отказал во включении требований в реестр.

Общество уступило право требования по договору банковского счета компании на основании договора уступки прав требования (цессии), о чем Агентство было уведомлено.

После этого в рамках дела о банкротстве банка компания обратилась с возражениями на действия конкурсного управляющего по невключению требований общества в реестр требований кредиторов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной инстанции и округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В результате заключения обществом и компанией договора уступки прав требования на стороне кредитора произошло сингулярное правопреемство, то есть было заменен кредитор в обязательстве из договора банковского счета по возврату остатка средств. При этом на день заключения соглашения об уступке общество (цедент) уже приступило к защите своих прав на получение остатка денежных средств по счету путем обращения к конкурсному управляющему с заявлением о включении требований в реестр (пп. 1 и 4 ст. 189⁸⁵ Закона о банкротстве).

В силу п. 1 ст. 384 ГК РФ к новому кредитору переходят права в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту уступки. Применительно к рассматриваемому случаю это означает, что к компании как новому кредитору должны были перейти и все правомочия, возникшие в результате инициирования обществом досудебного механизма защиты своего права, поэтому компания заменила общество в отношениях с банком и в этой части тоже.

Из указанного следует, что, вопреки выводам судов, компания как новый кредитор была вправе обратиться с заявлением о возражениях на действия Агентства (п. 5 ст. 189⁸⁵ Закона о банкротстве), выразившиеся в невключении требований первоначального кредитора (общества) в реестр.

Судебная коллегия не может согласиться и с выводами судов в части толкования положений гражданского законодательства о последствиях уступки денежного требования в нарушение договорного запрета.

Договор банковского счета обществом и банком заключен в 2016 году, то есть к отношениям по уступке прав из этого договора применяются положения п. 3 ст. 388 ГК РФ в редакции Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ. Согласно названной норме соглашение между должником и кредитором об ограничении или запрете уступки требования по денежному обязательству не лишает силы такую уступку и

не может служить основанием для расторжения договора. При этом cedent, совершивший уступку денежного требования в нарушение договорного запрета, не освобождается от ответственности перед должником за свои действия.

Учитывая, что банк после отзыва лицензии и введения в отношении него конкурсного производства лишен возможности осуществлять банковскую деятельность, в том числе исполнять поручения клиентов по договору банковского счета, с точки зрения норм гражданского права, требование клиента о включении в реестр, как правило, должно быть квалифицировано как требование о возврате остатка денежных средств на счете в связи с расторжением договора (п. 5 ст. 859 ГК РФ), при этом имевшиеся по соглашению банковского счета запреты и ограничения, касающиеся допустимости уступки прав, сохраняют силу (абзац второй п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 июня 2014 г. № 35 «О последствиях расторжения договора»).

Учитывая изложенное, судебная коллегия пришла к выводу, что спорная уступка прав от общества к компании имела юридическую силу и потому суды должны были рассмотреть вопрос о включении задолженности перед новым кредитором в реестр по существу.

В связи с неправильным применением судами норм материального права суды не устанавливали обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения спора и, соответственно, не давали правовую оценку представленным по обособленному спору доказательствам в подтверждение факта наличия остатка денежных средств на счете и его размера.

Определение № 305-ЭС18-14111

24. Разрешение вопроса о наличии (отсутствии) экономии подрядчика невозможно до установления наличия (отсутствия) недостатков работ и негативных последствий от замены материала и изменения способа выполнения работ подрядчиком.

Общество (генподрядчик) и компания (заказчик) заключили договор подряда на выполнение работ по строительству жилых домов. Обществом дома построены, застройщиком получены разрешения на ввод объектов в эксплуатацию. При этом стоимость фактически выполненных работ по их строительству меньше цены, указанной в сметной документации к договору.

Общество, полагая, что разница между первоначальной твердой ценой договора и стоимостью выполненных подрядчиком работ является экономией подрядчика, обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании экономии, образовавшейся в результате выполнения работ.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение отменено; иск удовлетворен в части.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ст. 710 ГК РФ в случаях, когда фактические расходы подрядчика оказались меньше тех, которые учитывались при определении цены работы, подрядчик сохраняет право на оплату работ по цене, предусмотренной договором подряда, если заказчик не докажет, что полученная подрядчиком экономия повлияла на качество выполненных работ.

По смыслу ст. 710 ГК РФ не может рассматриваться как экономия подрядчика арифметическая разница между ценой договора и стоимостью фактически выполненных работ, образовавшаяся за счет уменьшения объемов работ по сравнению с объемом, предусмотренным договором, использования меньшего, чем предусмотрено договором подряда, количества материалов, использования не предусмотренных договором материалов, замены материалов и оборудования на более дешевые модели.

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении иска, пришел к выводу о том, что в данном случае разница между ценой, указанной в сметной документации к договору, и стоимостью фактически выполненных обществом работ образовалась в результате изменения проектной документации (уменьшения объема работ, объема и стоимости материалов, оборудования), что не может быть признано экономией подрядчика. При этом выводы эксперта, изложенные в заключении (по результатам проведенной при рассмотрении дела в суде первой инстанции судебной экспертизы с целью определения, имела ли место экономия подрядчика при выполнении работ по договору и ее размер), о наличии экономии подрядчика признаны судом ошибочными и отклонены.

Суды апелляционной и кассационной инстанций, отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя иск частично, исходили из наличия экономии подрядчика в размере, составляющем разницу между общей стоимостью работ в соответствии с измененными итоговыми сметами и стоимостью выполненных работ согласно актам по форме КС-2 и КС-3.

При этом судами в нарушение ст. 271, 289 АПК РФ не указаны конкретные обстоятельства и доказательства, подтверждающие как наличие экономии подрядчика в смысле ст. 710 ГК РФ, так и основания ее образования (состав экономии).

Выводы эксперта, изложенные в названном заключении, судами апелляционной и кассационной инстанций также не приняты, однако причины непринятия этих выводов не указаны.

Из положений ст. 710 ГК РФ следует, что подрядчик имеет право на оплату полученной экономии, если она не повлияла на качество выполненных работ.

Между тем в производстве арбитражного суда находится дело по иску компании к обществу об уменьшении цены спорного договора на стоимость выполненных работ ненадлежащего качества и взыскании ее в пользу заказчика, в рамках которого назначена судебная экспертиза для определения вида, объема и стоимости выполненных обществом строительными-монтажными работ ненадлежащего качества.

Таким образом, разрешение вопроса о наличии (отсутствии) экономии подрядчика невозможно до установления наличия (отсутствия) недостатков работ и негативных последствий от замены материала и изменения способа выполнения работ подрядчиком.

Определение № 301-ЭС18-13414

25. Если одним арендодателем было заключено несколько договоров аренды с разными арендаторами по поводу одного имущества в целом, то арендатор, которому не было передано имущество, являющееся объектом договора аренды, вправе требовать от арендодателя, не исполнившего договор аренды, возмещения причиненных убытков и уплаты установленной договором неустойки.

Наличие нескольких сделок аренды в отношении одного и того же имущества не влечет недействительность этих сделок.

Обществом (арендатор) и компанией (арендодатель) заключен договор аренды недвижимого имущества. Регистрация данного договора приостановлена из-за наличия в ЕГРП информации о ранее заключенных и не прекращенных в установленном законом порядке договоров аренды этого имущества с третьими лицами.

Общество, ссылаясь на то, что сделка по предоставлению арендодателем имущества уже переданного им ранее в аренду иному лицу не соответствует требованиям действующего законодательства, обратилось в арбитражный суд с иском о признании договора аренды недействительным.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, заявленное обществом требование удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу п. 3 ст. 611 ГК РФ, если арендодатель не предоставил арендатору сданное внаем имущество в указанный в договоре аренды срок, а в случае, когда в договоре такой срок не указан, – в разумный срок, арендатор вправе истребовать от него это имущество в соответствии со ст. 398 ГК РФ и потребовать возмещения убытков, причиненных задержкой исполнения, либо потребовать расторжения договора и возмещения убытков, причиненных его неисполнением.

По правилам ст. 398 ГК РФ в случае неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь в собственность, в хозяйственное ведение, в оперативное управление или в возмездное пользование кредитор последний вправе требовать отобрания этой вещи у должника и передачи ее кредитором на предусмотренных обязательством условиях. Это право отпадает, если вещь уже передана третьему лицу, имеющему право собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления. Если вещь еще не передана, преимущество имеет тот из кредиторов, в пользу которого обязательство возникло раньше, а если это невозможно установить, – тот, кто раньше предъявил иск.

Вместо требования передать ему вещь, являющуюся предметом обязательства, кредитор вправе потребовать возмещения убытков.

В п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» (далее – постановление № 73) разъяснено, что при разрешении споров из договоров аренды, которые были заключены по поводу одного и того же имущества (за исключением случаев, когда арендаторы пользуются различными частями одной вещи или пользование вещью осуществляется арендаторами попеременно в различные периоды времени), судам необходимо исходить из того, что если объектом нескольких договоров аренды, заключенных с несколькими лицами, является одно и то же имущество в целом, то к отношениям арендаторов и арендодателя подлежат применению положения ст. 398 ГК РФ. Арендатор, которому не было передано имущество, являющееся объектом договора аренды, вправе требовать от арендодателя, не исполнившего договор аренды, возмещения причиненных убытков и уплаты установленной договором неустойки.

Судам также необходимо учитывать, что наличие в ЕГРП записи об аренде недвижимой вещи само по себе не препятствует внесению в реестр записи о другом договоре аренды той же вещи. Такое внесение допустимо, например, если обременение устанавливается на весь объект недвижимости в целом, однако исполнение обязательств по одному из договоров аренды не будет препятствовать исполнению обязательств по

другому договору (например, если арендаторы используют разные части недвижимой вещи).

Таким образом, действующим законодательством предусмотрен специальный способ защиты арендатора, лишенного возможности использовать вещь по причине того, что ранее она была в целом передана другому арендатору, – требовать возмещения убытков и уплаты установленной договором неустойки. Это означает, что наличие нескольких сделок аренды в отношении одного и того же имущества в целом не влечет недействительность этих сделок, такие договоры порождают лишь различные обязательства перед контрагентами.

Следовательно, вывод суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа применительно к ситуациям заключения арендодателем в отношении одной и той же вещи в целом нескольких договоров аренды с разными лицами, что сделка с арендатором, которому вещь не была передана, является недействительной (ничтожной), сделан при неправильном толковании и применении ст. 398, п. 3 ст. 611 ГК РФ и п. 13 постановления № 73.

Кроме того, само по себе наличие в ЕГРП записей об обременении объектов недвижимости арендой по договорам, заключенным компанией и третьими лицами, не означает, что данные договоры действовали на момент заключения оспариваемого договора аренды с обществом, и не подтверждает факт заключения арендодателем нескольких договоров в отношении одной и той же вещи с разными лицами.

Между тем, в нарушение ст. 71 АПК РФ, суды первой и апелляционной инстанций представленные компанией документы о расторжении договоров аренды с третьими лицами не исследовали и не дали им надлежащей оценки.

Определение № 305-ЭС18-12573

26. При расторжении нарушенного арендатором договора аренды и заключении замещающего договора по более низкой цене арендодатель имеет право на возмещение конкретных убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой, предусмотренной замещающим договором.

Предприниматель (арендодатель) и общество (арендатор) заключили договор аренды недвижимого имущества. Из-за нарушений обществом условий данного договора предприниматель досрочно расторг его в одностороннем порядке и передал это имущество в аренду компании по более низкой цене.

Впоследствии предприниматель обратился в суд с иском к обществу о взыскании причиненных ему убытков из-за расторжения договора аренды.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Отказывая в удовлетворении заявленных исковых требований, суды, руководствуясь положениями ст. 15, 393, 393¹, 421 ГК РФ, пришли к выводу, что уменьшение размера арендной платы по вновь заключенным договорам взамен первоначального с обществом не является следствием противоправных действий общества, предпринимателем добровольно включены в договор наименее выгодные для него условия относительно размера арендной платы.

Суды не учли, что ст. 393¹ ГК РФ содержит специальное основание для взыскания убытков. Закон предоставил кредитору право на взыскание убытков в случае, предусмотренном ст. 393¹ ГК РФ, исчисляемых в виде разницы между ценой, установленной в расторгнутом договоре, и ценой замещающей сделки, а также любые другие понесенные им убытки.

Из приведенной нормы права и п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – постановление № 7) следует, что суды при рассмотрении дела должны установить наличие обстоятельств, подтверждающих в том числе: неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора должником, возлагающих на него определенные обязанности; прекращение договора между сторонами явилось следствием нарушения должником условий договора; кредитором заключен аналогичный (замещающий) договор на иных по сравнению с первоначальным договором условиях, ухудшающий его имущественный интерес. При этом добросовестность кредитора и разумность его действий при заключении замещающей сделки предполагается, пока должником не доказано обратное.

Рассмотрение настоящего дела как спора о взыскании убытков, предусмотренных ст. 393¹ ГК РФ, и отказ в его удовлетворении в связи с отсутствием вины общества в причинении убытков не соответствует положениям указанной статьи, необоснованно освобождает общество от неблагоприятных последствий, наступивших у его контрагента после расторжения с ним договора в результате ненадлежащего исполнения им своих обязанностей, усугубившихся впоследствии по причинам, не зависящим от предпринимателя.

Кроме того, суды в обоснование своих выводов также указали на то, что, исходя из представленной в материалы дела аналитической справки,

в 2015 году произошла переориентация рынка недвижимости, в связи с чем цены и ставки аренды значительно снизились. Поскольку изложенные в этой справке сведения опровергнуты не были, а общество предлагало предпринимателю снизить размер арендной платы, суды сочли, что общество при указанных обстоятельствах не может нести риск снижения арендной платы на рынке недвижимости.

Между тем в п. 22 постановления № 7 было разъяснено, что по смыслу ст. 393¹ ГК РФ, пп. 1 и 2 ст. 405 ГК РФ риски изменения цен на сопоставимые товары, работы или услуги возлагаются на сторону, неисполнение или ненадлежащее исполнение договора которой повлекло его досрочное прекращение, например в результате расторжения договора в судебном порядке или одностороннего отказа другой стороны от исполнения обязательства.

Суждение судов о возможности требования возмещения убытков в виде разницы цен только лишь при отрицательной разнице, то есть когда цена заменяющего договора выше цены расторгнутого, не основано на законе. Более того, в случае если по замещающим сделкам предпринимателя цена аренды была бы выше, чем по договорам, заключенным с обществом, у предпринимателя не имелось бы оснований обращаться с иском по данному делу.

Определение № 309-ЭС18-8924

27. Публично-правовое образование обязано возместить лицу убытки, причиненные действиями работников или служащих этого публично-правового образования по подделке доказательств и незаконному изъятию собственности указанного лица, в частности убытки в виде неполученной арендной платы.

Общество на основании договора купли-продажи в 2005 году приобрело здание, на которое зарегистрировало право собственности в установленном порядке.

В 2010 году общество передало это здание в аренду.

Впоследствии вступившим в законную силу решением суда по другому делу по иску уполномоченного органа (далее – департамент) признано право собственности субъекта Российской Федерации на данное здание. Во исполнение решения суда общество и его арендатор выселены из занимаемых помещений.

При пересмотре указанного дела по вновь открывшимся обстоятельствам решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска департамента к обществу отказано.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к департаменту о взыскании упущенной выгоды, образовавшейся в результате выселения названного общества и его арендатора из здания.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда.

Такие случаи, установленные законом, предусмотрены ст. 1068 и 1069 ГК РФ. В силу п. 1 ст. 1068 ГК РФ юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. Согласно ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению.

Предъявление иска по данному делу к департаменту обусловлено совершением его работниками на основании предоставленных полномочий действий по приобретению права собственности публичного образования на спорные помещения. Целью обращения в суд с таким иском явилось присуждение имущества в пользу публичного образования. Представление суду документа с признаками подделки, явившегося основным доказательством по делу, в отсутствие иных правовых оснований послужило основанием для удовлетворения иска о признании права собственности за публичным образованием.

Ранее решением арбитражного суда департаменту было отказано в удовлетворении иска к предыдущему собственнику здания о признании за публичным образованием права собственности на это здание. При последующем обращении в суд с аналогичным требованием к обществу, впоследствии приобретшему имущество на основании договора купли-продажи, представители департамента не указали данной информации, представив сфальсифицированный документ в его обоснование.

Судебный акт явился основанием для государственной регистрации права собственности публичного образования, осуществление которой стало возможным после обращения в его интересах за совершением этого регистрационного действия.

В результате рассмотрения спора по указанному делу в пользу департамента, от имени которого действовали его работники, осуществляющие процессуальные полномочия, в том числе по представлению доказательств в обоснование иска, присуждения имущества в пользу публичного образования, у общества прекратилось возникшее на законных основаниях право собственности.

Фактическое владение обществом своими помещениями прервалось в 2015 году в результате исполнения принятого арбитражным судом решения по иску департамента о выселении из них истца и его арендатора после установления факта подделки доказательства (февраль 2011 года).

В связи с утратой владения общество в течение определенного времени не имело возможности извлекать из своего имущества доходы, что повлекло причинение ему вреда.

Таким образом, установленные по делу обстоятельства свидетельствуют о том, что причинившие вред обществу физические лица осуществляли свои служебные обязанности, действовали в интересах публично-правового образования, обладали соответствующими полномочиями, в связи с чем вред на основании ст. 1064, 1068 ГК РФ подлежит взысканию с департамента.

Определение № 305-ЭС18-14652

Практика применения законодательства о защите конкуренции

28. Наделение хозяйствующего субъекта, созданного в форме бюджетного учреждения, функциями по осуществлению на землях лесного фонда федерального государственного лесного надзора и федерального государственного пожарного надзора в лесах является нарушением ч. 3 ст. 15 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Административный орган обратился в антимонопольный орган с заявлением о нарушении главным управлением лесами субъекта Российской Федерации антимонопольного законодательства, выразившемся в наделении бюджетного учреждения функциями органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации по осуществлению на землях лесного фонда федерального государственного лесного надзора и федерального государственного пожарного надзора в лесах.

Антимонопольный орган отказал в возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства, посчитав, что в действиях главного управления лесами субъекта Российской Федерации отсутствуют признаки нарушения положений ч. 3 ст. 15 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон № 135-ФЗ).

Не согласившись с решением антимонопольного органа, административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано. При этом суды исходили из того, что положениями ч. 2¹ ст. 96 и ч. 2 ст. 97 Лесного кодекса Российской Федерации (далее – ЛК РФ) предусмотрены исключения из установленного ч. 3 ст. 15 Закона № 135-ФЗ запрета на наделение государственного учреждения, в том числе бюджетного, правом осуществления государственных функций.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление административного органа по следующим основаниям.

В силу ч. 2¹ ст. 96, ч. 2 ст. 97 ЛК РФ федеральный государственный лесной надзор (лесная охрана) и федеральный государственный пожарный надзор в лесах могут осуществляться государственными учреждениями, подведомственными органам государственной власти субъектов Российской Федерации, в пределах полномочий указанных органов, определенных в соответствии с ч. 1 ст. 83 ЛК РФ.

При этом следует иметь в виду, что, в соответствии с п. 1 ст. 123²² ГК РФ, государственное учреждение может быть казенным, бюджетным или автономным учреждением.

Казенное учреждение – государственное (муниципальное) учреждение, осуществляющее оказание государственных (муниципальных) услуг, выполнение работ и (или) исполнение государственных (муниципальных) функций в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления, финансовое обеспечение деятельности которого осуществляется за счет средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы (ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации, далее – БК РФ).

Бюджетным учреждением признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий соответственно органов

государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах (п. 1 ст. 9² Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», далее – Закон № 7-ФЗ).

Автономным учреждением признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти, полномочий органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, средств массовой информации, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах в случаях, установленных федеральными законами (в том числе при проведении мероприятий по работе с детьми и молодежью в указанных сферах) (ст. 2 Федерального закона от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях», далее – Закон № 174-ФЗ).

Исходя из системного толкования положений ст. 6 БК РФ, ст. 9² Закона № 7-ФЗ, ст. 2 Закона № 174-ФЗ, п. 6 Методических рекомендаций по определению критериев изменения типа государственных учреждений субъектов Российской Федерации и муниципальных учреждений с учетом сферы их деятельности, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1505-р, для исполнения государственных функций может создаваться только казенное учреждение, за исключением случаев, прямо установленных федеральными законами. Автономное учреждение и бюджетное учреждение создаются публично-правовым образованием для выполнения государственных (муниципальных) работ, оказания государственных (муниципальных) услуг и не вправе исполнять государственные функции, за исключением случаев, прямо установленных федеральными законами.

В настоящее время законодательством Российской Федерации не предусмотрена возможность осуществления бюджетными и автономными учреждениями федерального государственного лесного надзора (лесной охраны) и федерального государственного пожарного надзора в лесах.

Таким образом, вопреки доводам антимонопольного органа и выводам судов, в действиях главного управления лесами субъекта Российской Федерации, наделившего бюджетное учреждение функциями и правами органов государственного контроля и надзора, содержатся признаки нарушения ч. 3 ст. 15 Закона № 135-ФЗ.

Следовательно, выводы судов об отсутствии у антимонопольного органа правовых оснований для возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства по обращению административного

органа являются ошибочными, не соответствующими положениям пп. 1, 2 ч. 2 ст. 39 Закона № 135-ФЗ.

Определение № 309-КГ18-10521

***Практика применения законодательства
о налогах и сборах***

29. При отсутствии в гл. 23 НК РФ норм, определяющих порядок обложения налогом на доходы физических лиц сумм, получаемых физическими лицами, необходимо руководствоваться общим принципом определения дохода исходя из извлеченной гражданином экономической выгоды.

По результатам проверки налоговым органом принято решение о привлечении общества к налоговой ответственности за неуплату и перечисление в бюджет налога на доходы физических лиц. Основанием для принятия указанного решения послужил вывод налогового органа, что при выплате денежных средств физическим лицам-участникам общества в качестве налогового агента было обязано исчислить, удержать и перечислить в бюджет налог на доходы физических лиц. По мнению налогового органа, в данном случае налогообложению подлежала вся сумма выплаченных участникам общества средств.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано. Суды исходили из того, что в гл. 23 НК РФ (в редакции, действующей до вступления в силу Федерального закона от 8 июня 2015 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в главу 23 части второй Налогового кодекса Российской Федерации», далее – Закон № 146-ФЗ) отсутствовали положения, которые бы позволяли уменьшать выплаты, производимые участниками организации при уменьшении уставного капитала, на затраты, связанные с ранее осуществленными вложениями в уставный капитал.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

На основании ст. 209 НК РФ возникновение обязанности по уплате налога на доходы физических лиц, установленного гл. 23 НК РФ, связывается с наличием объекта налогообложения – получением гражданами дохода от соответствующих источников.

Глава 23 НК РФ в редакции, действовавшей в период возникновения спорных правоотношений (до 1 января 2016 г.), не содержала норм, определяющих порядок обложения налогом на доходы физических лиц сумм, получаемых физическими лицами – участниками организации при уменьшении уставного капитала.

Однако это не означает, что все поступившие физическим лицам суммы образуют их доход и подлежат налогообложению. Устанавливая налоговые последствия уплаты денежных средств, необходимо руководствоваться закрепленным ст. 41 НК РФ общим принципом определения дохода исходя из извлеченной гражданином экономической выгоды.

Таким образом, судам следовало дать оценку тому, привели ли произведенные выплаты к образованию экономической выгоды у физических лиц и в каком размере, принимая во внимание природу тех операций, в связи с совершением которых участники хозяйственного общества получили денежные средства.

Как вытекает из взаимосвязанных положений п. 1 ст. 14, п. 1 ст. 15 и п. 1 ст. 20 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», уменьшение уставного капитала общества с ограниченной ответственностью, производимое путем уменьшения номинальной стоимости долей всех участников, является обратной операцией по отношению к оплате долей в уставном капитале, осуществляемой участниками при учреждении хозяйственного общества, то есть по существу выступает частичным возвратом ранее внесенного участником вклада (его стоимости).

Учитывая изложенное, если выплаченные физическому лицу – участнику организации денежные средства не превышают величину произведенного им в соответствующей части вложения, имущественное положение налогоплательщика не улучшается, а приводится в состояние, имевшее место до оплаты доли в уставном капитале, что, по смыслу ст. 41 НК РФ, свидетельствует об отсутствии дохода.

Иной подход приводил бы к взиманию налога с капитала, а не дохода, то есть к подмене установленного ст. 209 НК РФ объекта налогообложения, и, вопреки п. 3 ст. 3 НК РФ, не позволил бы обеспечить экономически обоснованное налогообложение доходов физических лиц, приводя к повторному налогообложению того дохода, за счет которого участниками общества была осуществлена оплата долей в уставном капитале организации при ее учреждении.

Начиная с 1 января 2016 г. в подп. 1 п. 1 и подп. 2 п. 2 ст. 220 НК РФ (в редакции Закона № 146-ФЗ) законодателем прямо закреплен порядок исчисления налога, который предполагает уменьшение суммы денежных средств, полученных при уменьшении номинальной стоимости доли в уставном капитале, на величину расходов, связанных с ее

приобретением. Однако отсутствие в гл. 23 НК РФ до 1 января 2016 г. конкретных правил исчисления налога при получении физическими лицами – участниками хозяйственного общества денежных средств от уменьшения уставного капитала не должно рассматриваться в качестве обстоятельства, позволяющего осуществлять налогообложение данных поступлений вопреки ст. 3, 41 и 209 НК РФ.

На основании изложенного требования общества подлежали удовлетворению.

Определение № 308-КГ18-11090

30. В тех случаях, когда соотношение договорной цены и суммы НДС относительно друг друга прямо не определено в договоре и не может быть установлено по обстоятельствам, предшествующим заключению договора, или иным условиям договора, расчет недоимки по НДС исчисляется по расчетной ставке 18/118.

Решением налогового органа индивидуальный предприниматель привлечен к ответственности за совершение налогового правонарушения, в результате которого предпринимателю начислены недоимка по НДС, пени по налогу, штраф за неуплату налога, предусмотренного п. 1 ст. 122 НК РФ, а также штраф за непредставление в установленный срок налоговых деклараций по НДС, предусмотренный ст. 119 НК РФ.

Основанием для принятия указанного решения послужил вывод налогового органа о получении налогоплательщиком дохода от осуществления предпринимательской деятельности по сдаче объектов недвижимого имущества в аренду.

При определении размера недоимки налоговый орган руководствовался положениями п. 1 ст. 154 и п. 3 ст. 164 НК РФ, исчислив налог по ставке 18 процентов от согласованной предпринимателем и обществом арендной платы, то есть определил налог в дополнение к установленной арендной плате.

Индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что в договорах аренды отсутствовало упоминание о включении налога в согласованную сторонами арендную плату, а платежные поручения на перечисление арендной платы содержали указание об осуществлении расчетов «без НДС». Принимая во внимание, что включение налога в арендную плату не следовало ни из договоров, ни из обстоятельств, предшествующих их заключению, или прочих условий договоров, суды отметили, что в данном случае налог не может

исчисляться по расчетной ставке 18/118, сославшись при этом на разъяснения, данные в п. 17 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 мая 2014 г. № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость» (далее – постановление № 33).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

На основании п. 3 ст. 3 НК РФ необходимо учитывать, что по своей экономико-правовой природе НДС является налогом на потребление товаров (работ, услуг), то есть косвенным налогом, перелагаемым на потребителей.

В силу положений п. 2 ст. 153 и подп. 2 п. 1 ст. 162 НК РФ при совершении налогооблагаемых операций сумма НДС определяется исходя из всех поступлений налогоплательщику, связанных с расчетами по оплате реализованных товаров (работ, услуг). При этом на основании п. 1 ст. 168 НК РФ сумма НДС, исчисленная по соответствующим операциям реализации товаров (работ, услуг), предъявляется продавцом к уплате покупателю.

Таким образом, по общему правилу, НДС является частью цены договора, подлежащей уплате налогоплательщику со стороны покупателей. Уплачиваемое (подлежащее уплате) покупателями встречное предоставление за реализованные им товары (работ, услуги) является экономическим источником для взимания данного налога.

Из этого вытекает, что при реализации товаров (работ, услуг) покупателям НДС не может исчисляться в сумме, которая не соответствовала бы реально сформированной цене и не могла быть полностью предъявлена к уплате покупателями в ее составе, что, по существу, означало бы взимание налога без переложения на потребителя за счет иного экономического источника – собственного имущества хозяйствующего субъекта (продавца).

Пленум Высшего Арбитражного суда Российской Федерации в п. 17 постановления № 33 занял иной подход, отметив, что бремя надлежащего учета сумм НДС при определении окончательного размера указанной в договоре цены, ее выделения в расчетных и первичных учетных документах, счетах-фактурах отдельной строкой лежит только на одной из сторон сделки – на продавце как налогоплательщике.

Соответственно, как вытекает из абзаца второго п. 17 постановления № 33, в тех случаях, когда соотношение договорной цены и суммы НДС относительно друг друга прямо не определено в договоре и не может быть установлено по обстоятельствам, предшествующим заключению договора, или иным условиям договора, то, по общему правилу, сумма налога,

предъявляемая покупателю продавцом, выделяется последним из указанной в договоре цены, для чего определяется расчетным методом (п. 4 ст. 164 НК РФ).

Поэтому в настоящее время возможность увеличения цены сделки и дополнительного взыскания сумм НДС с покупателя в случае неправильного учета налога продавцом при формировании окончательного размера цены договора допускается судебной практикой в случаях, когда такая возможность согласована обеими сторонами договора в соответствии со ст. 421 ГК РФ либо предусмотрена нормативными правовыми актами.

Отсутствие в договорах аренды и иных документах указания на то, что установленная в них плата за пользование имуществом включает в себя сумму НДС, и указание «без НДС» в платежных поручениях в данном случае является следствием того, что при заключении договоров предприниматель не рассматривал себя в качестве плательщика НДС и не предполагал необходимость учета данного налога при определении окончательного размера арендной платы, а не свидетельством согласия сторон договора на возможность увеличения арендной платы в случае возникновения необходимости предъявления налога.

Это означает, что в отношениях предпринимателя и арендатора цена услуг по аренде окончательно сформирована в тех размерах, которые указаны в договорах аренды, вне зависимости от того, признавался бы предприниматель плательщиком НДС на момент заключения договоров либо нет. Заключение договоров аренды налогоплательщиком изначально в статусе предпринимателя не привело бы к установлению большей арендной платы.

В сложившейся ситуации изменение квалификации статуса гражданина может служить основанием для того, чтобы определить его права и обязанности как плательщика НДС способом, согласующимся с действительно сложившимися экономическими условиями деятельности налогоплательщика, – таким образом, как если бы НДС изначально предъявлялся к уплате арендатору в рамках установленных в договорах размерах платы за пользование имуществом, то есть с применением расчетной ставки налога (п. 4 ст. 164 НК РФ и абзац второй п. 17 постановления № 33).

При таких обстоятельствах вывод судов о правомерности исчисления налога предпринимателю по ставке 18 процентов в дополнение к установленной в договорах арендной плате вместо выделения налога из арендной платы с применением расчетной ставки 18/118 не может быть признан обоснованным.

Определение № 306-КГ18-13128

31. Отражение налоговым органом в справках о состоянии расчетов с бюджетом одновременно недоимки и переплаты по одному

и тому же налогу в одинаковых размерах по состоянию на одну дату является свидетельством отсутствия налоговой задолженности перед бюджетом. Отказ в предоставлении государственной услуги в такой ситуации носит формальный и незаконный характер.

Общество обратилось в государственный орган с заявлением о продлении срока действия лицензии на розничную продажу алкогольной продукции, уплатив при этом государственную пошлину.

Государственным органом принято решение об отказе в продлении указанной лицензии в связи с наличием у общества трех рублей недоимки по упрощенной системе налогообложения.

Согласно сведениям из налогового органа у общества одновременно имелась переплата по тому же налогу и на ту же сумму. С учетом данной переплаты общество уплатило налог на три рубля меньше причитавшейся суммы.

В дальнейшем общество повторно обратилось в лицензирующий орган с аналогичным заявлением, и срок действия лицензии был продлен.

В тоже время общество не согласилось с первоначальным отказом государственного органа и обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным отказа в продлении срока действия лицензии, об обязанности государственного органа оказать государственную услугу по продлению срока действия лицензии, оплаченную платежным поручением, так как обществу пришлось повторно уплачивать государственную пошлину в связи с неправомерными действиями лицензирующего органа.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены частично: решение об отказе в продлении срока действия лицензии признано незаконным, в пользу общества взыскана государственная пошлина, в удовлетворении остальной части заявления отказано.

Суд первой инстанции пришел к выводу, что налоговая задолженность перед бюджетом у общества отсутствовала, поскольку не поступившие в бюджет три рубля минимального налога полностью покрывались имевшейся переплатой на такую же сумму.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции в части удовлетворения требований общества и взыскания расходов по государственной пошлине отменено, в удовлетворении требования общества в указанной части отказано, а в остальной части решение оставлено без изменения.

Суды исходили из того, что у министерства отсутствовала обязанность самостоятельно учитывать факт наличия у общества переплаты по налогу в таком же размере, поскольку решение о зачете

недоимки в счет имевшейся переплаты инспекцией не принималось. В обоснование данного вывода суды сослались на то, что, согласно п. 5 ст. 78 НК РФ, для принятия решения о зачете излишне уплаченного налога в счет погашения недоимки налоговому органу дается десятидневный срок со дня обнаружения им факта излишней уплаты налога. Однако в материалах дела отсутствовали доказательства того, что на момент представления информации в государственный орган налоговому органу было известно о допущенной переплате и нарушен указанный срок проведения зачета. При этом общество самостоятельно с заявлением о проведении зачета в налоговый орган не обращалось.

Суд апелляционной инстанции также отметил, что общество как соискатель лицензии несет риск наступления неблагоприятных последствий в виде отказа в продлении срока действия лицензии в ситуации, когда оно не обращалось в налоговый орган с заявлением о выдаче справки о состоянии расчетов по налогам, сборам, пеням и штрафам, что привело к неосведомленности общества об имеющейся у него задолженности при обращении в лицензирующий орган.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции, отметив следующее.

В силу подп. 1 п. 3 ст. 44 НК РФ обязанность по уплате налога прекращается с уплатой налога и на основании подп. 1 п. 3 ст. 45 НК РФ, по общему правилу, считается исполненной с момента предъявления в банк поручения на перечисление денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации на соответствующий счет Федерального казначейства. Сумма налога, не уплаченная в установленный законодательством о налогах и сборах срок, согласно п. 2 ст. 11 НК РФ, образует недоимку.

Из положений НК РФ не следует, что налогоплательщик, уплативший налог за один из предыдущих периодов в излишнем размере, ограничен в возможности производить уплату налога за текущий период с учетом остатка платежей по налогу, накопленного на его лицевом счете. Задолженность перед бюджетом по конкретному виду налога в данном случае, с учетом накопленных сумм, объективно отсутствует.

Вынесение налоговым органом решения о зачете имеющейся переплаты в счет исполнения обязанности по уплате налога за текущий период при этом является лишь способом оформления изменений в состоянии расчетов с бюджетом. Ст. 78 НК РФ не рассматривает такого рода зачет в качестве способа взыскания налоговой задолженности и, соответственно, не придает дате проведения записи о зачете в лицевом счете налогоплательщика значение момента исполнения обязанности по уплате налогов (подп. 4 п. 3 ст. 45 НК РФ).

Положения п. 5 ст. 78 НК РФ, устанавливающие десятидневный срок принятия налоговым органом решения о зачете, ошибочно применены судами апелляционной и кассационной инстанций, поскольку данная норма распространяется на ситуации иного типа – при возникновении у налогоплательщика недоимки по соответствующему налогу и необходимости ее погашения путем обращения взыскания на переплату, образовавшуюся по другим налогам.

Принимая во внимание изложенное, отражение налоговым органом в составленных ею справках о состоянии расчетов с бюджетом одновременно недоимки и переплаты по одному и тому же налогу в одинаковых размерах по состоянию на 1 апреля 2017 г. правомерно сочтено судом первой инстанции в качестве свидетельства отсутствия налоговой задолженности перед бюджетом.

Аналогичный вывод об отсутствии задолженности мог быть сделан и лицензирующим органом, с должностных лиц которого не снимается обязанность правильно устанавливать состояние расчетов с бюджетом по результатам анализа информации, представляемой заявителем и (или) полученной от налоговых органов в порядке межведомственного взаимодействия. Иной подход, по существу, означал бы, что на лицо, обращающееся за предоставлением государственной услуги, возлагается бремя негативных последствий ненадлежащего выполнения своих обязанностей органами государственной власти, что приводило бы к нарушению права на своевременное получение государственной услуги, гарантированного п. 1 ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Определение № 310-КГ18-7101

32. Ограничение на применение освобождения от налогообложения движимого имущества, установленное п. 25 ст. 381 НК РФ, не распространяется на ситуации, когда операции между взаимозависимыми лицами не могли повлечь неблагоприятные налоговые последствия, а именно не способны привести к выводу из-под налогообложения основных средств, принятых на учет до 1 января 2013 г.

Общество представило в налоговый орган уточненный налоговый расчет по авансовому платежу по налогу на имущество организаций за 1 квартал 2015 г., 1 полугодие 2015 г., 9 месяцев 2015 г., налоговую декларацию по налогу на имущество за 2015 г. и налоговый расчет по авансовому платежу по налогу на имущество организаций за 1 квартал 2016 г.

В указанных налоговых расчетах и налоговой декларации налогоплательщиком в отношении ряда объектов основных средств, приобретенных у взаимозависимого лица, заявлено освобождение от налогообложения по налогу на имущество организаций на основании п. 25 ст. 381 НК РФ.

По результатам проверки налоговый орган пришел к выводу, что данная льгота по налогу на имущество организаций заявлена налогоплательщиком необоснованно, в связи с чем вынес решения об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, согласно которому обществу предложено уплатить налог на имущество организаций.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решений налогового органа незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленные требования, указав следующее.

Положения НК РФ, устанавливающие правила взимания отдельных налогов, подлежат истолкованию в системной взаимосвязи с основными началами законодательства о налогах и сборах, закрепленными ст. 3 НК РФ.

Согласно пп. 1–2, п. 3 ст. 3 НК РФ законодательство о налогах и сборах основывается на признании всеобщности и равенства налогообложения, недопустимости дискриминационного налогообложения. Налоги должны иметь экономическое основание и не могут быть произвольными.

Следовательно, несмотря на то, что освобождение движимого имущества от налогообложения само по себе является исключением из принципов всеобщности и равенства налогообложения, условия применения данной налоговой льготы должны толковаться таким образом, чтобы дифференциация прав налогоплательщиков осуществлялась по объективным и разумным критериям, отвечающим цели соответствующих законоположений.

Цель освобождения от налогообложения движимого имущества, принятого к учету после 1 января 2013 г., состояла в поощрении инвестиций в новое оборудование, что при сохранении налогообложения уже введенного в эксплуатацию оборудования позволило бы реализовать стимул к обновлению основных средств без существенных потерь для бюджетов. В свою очередь, установленное с 1 января 2015 г. ограничение возможности применения налоговой льготы в случаях получения имущества от взаимозависимых лиц направлено на предотвращение

уклонения от налогообложения и исключение ситуаций, когда объектом налогообложения не признавалось бы старое оборудование, вновь принятое на учет.

Соответственно, предусмотренное п. 25 ст. 381 НК РФ ограничение на применение освобождения от налогообложения движимого имущества, полученного от взаимозависимых лиц, должно толковаться в контексте вышеуказанных целей введения налоговой льготы и установления ограничений в ее применении.

В силу п. 1 ст. 105¹ НК РФ взаимозависимость означает существование риска оказания влияния на условия и (или) результаты совершаемых сделок.

По смыслу данной нормы взаимозависимость как таковая не является основанием для установления более обременительного налогового режима для налогоплательщиков, входящих в единую группу компаний и имеющих в силу этого длительные экономические и исторически обусловленные хозяйственные отношения с иными участниками группы.

С учетом изложенного предусмотренное п. 25 ст. 381 НК РФ ограничение права на применение налоговой льготы не распространяется на ситуации, когда операции между взаимозависимыми лицами не могли повлечь неблагоприятные налоговые последствия, а именно не способны привести к выводу из-под налогообложения основных средств, принятых на учет до 1 января 2013 г.

Принимая во внимание, что спорное оборудование изначально не могло выступать объектом налогообложения у общества, поскольку не существовало по состоянию на 1 января 2013 г. и не признавалось объектом основных средств у передающей стороны, то освобождение соответствующих объектов от налогообложения не является следствием передачи этого имущества между взаимозависимыми лицами.

При таком положении отказ в предоставлении налоговой льготы, предусмотренной п. 25 ст. 381 НК РФ, привел к произвольной постановке общества, осуществившего инвестиции во вновь создаваемые производственные объекты, в худшее положение по сравнению с иными плательщиками налога и к формированию неравноправных условий деятельности общества в качестве субъекта инвестиционной деятельности, осуществляющего после 1 января 2013 г. вложения в обновление своего производственного оборудования, вопреки целям установления данного налогового изъятия.

При этом в случае приобретения такого же оборудования у иного продавца на тех же условиях право на освобождение от налогообложения не могло бы быть поставлено под сомнение, что свидетельствует о дискриминации и произвольном налогообложении.

Таким образом, истолковав п. 25 ст. 381 НК РФ без учета целей установления освобождения движимого имущества от налогообложения и положений пп. 1–2 ст. 3, п. 1 ст. 105¹ НК РФ, суды допустили существенное нарушение норм материального права.

Определение № 310-КГ18-8658

***Практика применения положений Кодекса
Российской Федерации об административных правонарушениях***

33. Органы, осуществляющие государственный строительный надзор, не вправе рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 6 ст. 19.5 КоАП РФ.

Постановлением административного органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 6 ст. 19.5 КоАП РФ, с назначением наказания в виде штрафа за неисполнение в установленный срок ранее выданного предписания об устранении выявленных административным органом нарушений на объекте капитального строительства.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления административного органа незаконным.

Решением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, обществу в удовлетворении заявленного требования отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила заявленные требования по следующим основаниям.

Согласно положениям ч. 1 ст. 23.56 КоАП РФ органы, осуществляющие государственный строительный надзор, рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 9.4, 9.5, 9.5.1 (в части административных правонарушений, совершенных лицами, осуществляющими строительство, реконструкцию объектов капитального строительства), ч. 3 ст. 9.16, ст. 14.44 КоАП РФ.

Таким образом, положениями ч. 1 ст. 23.56 КоАП РФ рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 6 ст. 19.5 КоАП РФ, не отнесено к полномочиям органов, осуществляющих государственный строительный надзор.

В соответствии с ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ судьи арбитражных судов рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных в том числе ч. 6 ст. 19.5 КоАП РФ, совершенных юридическими лицами, а также индивидуальными предпринимателями.

Учитывая изложенное, у административного органа отсутствовали полномочия на рассмотрение дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 6 ст. 19.5 КоАП РФ, и вынесение оспариваемого постановления о привлечении общества к указанной административной ответственности.

Определение № 305-АД18-14332

***Оспаривание решений и действий (бездействий)
должностного лица службы судебных приставов***

34. Направление судебным приставом запроса оператору связи о предоставлении информации об абоненте в рамках надзора за деятельностью организаций, осуществляющих взыскание просроченной задолженности, является незаконным.

Судебным приставом в адрес оператора связи был направлен запрос о предоставлении информации об абоненте. Основанием для истребования указанной информации послужила проверка доводов жалобы физического лица на нарушение его прав и законных интересов деятельностью общества по возврату просроченной задолженности.

Оператор связи обратился в арбитражный суд с заявлением о признании действий судебного пристава об истребовании информации незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано. Суды исходили из того, что направление запроса о предоставлении информации осуществлено судебным приставом в рамках исполнения своих обязанностей по рассмотрению заявления физического лица о нарушении его прав и законных интересов при осуществлении организацией деятельности по возврату просроченной задолженности. Иное понимание закона не предоставляет контролирующему органу возможности обеспечить надлежащий контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите прав и законных интересов физических лиц, в том числе в рамках Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (далее – Закон № 230-ФЗ) и Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление оператора связи по следующим основаниям.

Из запроса о предоставлении информации усматривается, что сведения для всестороннего изучения доводов поступившей жалобы истребованы судебным приставом у оператора связи в порядке ст. 14 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах (далее – Закон № 118-ФЗ) и ст. 18 Закона № 230-ФЗ.

Вместе с тем судебным приставом и судами не учтено, что положения ст. 14 Закона № 118-ФЗ в рассматриваемом случае неприменимы, поскольку данная норма права относится к реализации полномочий в соответствии с законодательством Российской Федерации об исполнительном производстве и не распространяет свое действие на исполнение федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью включенных в реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, предусмотренного Законом № 230-ФЗ.

Приказом Министерства юстиции России от 30 декабря 2016 г. № 332 утвержден Административный регламент исполнения Федеральной службой судебных приставов государственной функции по осуществлению контроля (надзора) за деятельностью юридических лиц, включенных в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности (далее – Административный регламент).

В соответствии с подп. 1 п. 6 Административного регламента должностные лица ФССП России (территориального органа ФССП России) при исполнении государственной функции имеют право запрашивать и получать от юридических лиц информацию и документы, необходимые для проверки соблюдения ими обязательных требований.

Согласно ч. 9 ст. 7 Закона № 230-ФЗ кредитору или лицу, действующему от его имени и (или) в его интересах, для осуществления непосредственного взаимодействия с должником посредством телефонных переговоров разрешается использовать только абонентские номера, выделенные на основании заключенного кредитором или лицом, действующим от его имени и (или) в его интересах, и оператором связи договора об оказании услуг телефонной связи. При этом запрещается скрывать информацию о номере контактного телефона, с которого осуществляется звонок или направляется сообщение должнику, либо об адресе электронной почты, с которой направляется сообщение, либо об отправителе электронного сообщения.

В силу п. 3 ст. 17 Закона № 230-ФЗ юридическое лицо обязано вести аудиозапись всех случаев непосредственного взаимодействия с

должниками и иными лицами, направленного на возврат просроченной задолженности, предупреждать должника и иных лиц о такой записи в начале взаимодействия, а также обеспечивать хранение на электронных носителях аудиозаписей до истечения не менее трех лет с момента осуществления записи.

Из приведенных нормативных положений следует, что Федеральная служба судебных приставов, являясь органом государственного контроля, при рассмотрении обращения физического лица о нарушении его прав и законных интересов при осуществлении юридическим лицом действий по возврату просроченной задолженности наделена полномочиями на получение сведений, необходимых для выполнения возложенных на нее функций, следовательно, и на направление запросов в кредитные организации, перед которыми у должника сформировалась задолженность, а также объективную возможность на получение информации по запросу, учитывая наличие у таких лиц, установленных Законом № 230-ФЗ, обязанностей и запретов.

При этом сам факт направления судебным приставом запроса надлежащему лицу для получения сведений, необходимых для выполнения возложенных на него функций, не указывает на проведение каких-либо проверок в отношении юридического лица, не свидетельствует о вмешательстве в его деятельность и не освобождает кредитную организацию от обязанности предоставить сведения, запрашиваемые государственным органом в рамках Закона № 230-ФЗ.

Неисполнение и (или) нарушение лицом, включенным в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, требований и ограничений, установленных в отношении указанных лиц законодательством Российской Федерации о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности может быть квалифицировано в качестве административного правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена КоАП РФ, в том числе положениями ст. 14.57 и 19.7 КоАП РФ.

Таким образом, поскольку к компетенции Федеральной службы судебных приставов относится осуществление функций по контролю за деятельностью юридических лиц, возложенных Законом № 230-ФЗ, и оператор связи не осуществляет деятельность, связанную с возвратом просроченной задолженности, направление запроса оператору связи не может быть признано законным и обоснованным.

Определение № 308-КГ18-8447

Процессуальные вопросы

35. Течение срока исковой давности приостанавливается на срок фактического соблюдения претензионного порядка (с момента направления претензии до момента получения отказа в ее удовлетворении). Непоступление ответа на претензию в течение 30 дней (ч. 5 ст. 4 АПК РФ) либо срока, установленного договором, приравнивается к отказу в удовлетворении претензии, поступившему на 30 день либо в последний день срока, установленного договором.

Правило п. 4 ст. 202 ГК РФ о продлении срока исковой давности до шести месяцев касается тех обстоятельств, которые поименованы в п. 1 ст. 202 ГК РФ.

Корпорация обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании неустойки за нарушение сроков выполнения работ по государственному контракту.

Решением суда первой инстанции с общества частично взыскана неустойка, в остальной части иска отказано в связи с пропуском срока исковой давности.

Суд апелляционной инстанции признал иск поданным с соблюдением срока исковой давности, отменив решение суда первой инстанции в части отказа в иске.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 5 ст. 4 АПК РФ гражданско-правовые споры о взыскании денежных средств по требованиям, возникшим из договоров, других сделок, вследствие неосновательного обогащения могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию по истечении 30 календарных дней со дня направления претензии (требования), если иные срок и (или) порядок не установлены законом или договором.

В силу п. 3 ст. 202 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 100-ФЗ), если стороны прибегли к предусмотренной законом процедуре разрешения спора во внесудебном порядке (процедура медиации, посредничество, административная процедура и т.п.), течение срока исковой давности приостанавливается на срок, определенный законом для проведения такой процедуры, а при

отсутствии такого срока – на шесть месяцев со дня начала соответствующей процедуры.

Учитывая, что, в соответствии с переходными положениями (п. 9 ст. 3 Закона № 100-ФЗ), новые сроки исковой давности и правила их исчисления применяются к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 г., п. 3 ст. 202 ГК РФ (в редакции Закона № 100-ФЗ) подлежит применению в рассматриваемом деле, поскольку сроки предъявления требований по контракту не истекли до указанной даты.

Как следует из разъяснений, изложенных в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» (далее – постановление № 43), согласно п. 3 ст. 202 ГК РФ, течение срока исковой давности приостанавливается, если стороны прибегли к несудебной процедуре разрешения спора, обращение к которой предусмотрено законом, в том числе к обязательному претензионному порядку (например, п. 2 ст. 407 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации, ст. 55 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», п. 1 ст. 16¹ Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», п. 1 ст. 12 Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»). Пункт 3 ст. 202 ГК РФ и п. 16 постановления № 43 были истолкованы в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2016 г. по делу № 301-ЭС16-537, которая заключила, что соблюдение сторонами предусмотренного законом претензионного порядка в срок исковой давности не засчитывается, фактически продлевая его на этот период времени.

Из системного толкования п. 3 ст. 202 ГК РФ и ч. 5 ст. 4 АПК РФ следует правило, в соответствии с которым течение срока исковой давности приостанавливается на срок фактического соблюдения претензионного порядка (с момента направления претензии до момента получения отказа в ее удовлетворении), непоступление ответа на претензию в течение 30 дней либо срока, установленного договором, приравнивается к отказу в удовлетворении претензии, поступившему на 30 день либо в последний день срока, установленного договором. Таким образом, если ответ на претензию не поступил в течение 30 дней или срока, установленного договором, или поступил за их пределами, течение срока исковой давности приостанавливается на 30 дней либо на срок, установленный договором для ответа на претензию.

Довод заявителя и вывод суда апелляционной инстанции о том, что течение срока исковой давности было приостановлено на шесть месяцев с момента направления корпорацией досудебной претензии, основаны на неверном толковании положений законодательства Российской Федерации.

Правило п. 4 ст. 202 ГК РФ о продлении срока исковой давности до шести месяцев касается тех обстоятельств, которые поименованы в п. 1 ст. 202 ГК РФ и характеризуются неопределенностью момента их прекращения. Применительно к соблюдению процедуры досудебного урегулирования спора начало и окончание этой процедуры, влияющей на приостановление течения срока, установлены законом. Иной подход приведет к продлению срока исковой давности на полгода по всем спорам, указанным ч. 5 ст. 4 АПК РФ, что противоречит сути института исковой давности, направленного на защиту правовой определенности в положении ответчика.

В то же время, отменяя постановление суда апелляционной инстанции, суд округа неправомерно посчитал, что направление истцом претензии является его процессуальной обязанностью, предусмотренной ч. 5 ст. 4 АПК РФ, и не приостанавливает течение срока исковой давности на основании п. 3 ст. 202 ГК РФ.

Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» обязательный претензионный порядок был введен для большинства гражданско-правовых споров.

С учетом положений ч. 5 ст. 4 АПК РФ до предъявления к ответчику иска о взыскании неустойки по контракту истец обязан направить ему претензию, стороны не вправе отказаться от претензионного порядка, который императивно предписан для них законодателем.

Следовательно, в период соблюдения корпорацией обязательного претензионного порядка течение срока исковой давности по заявленному корпорацией требованию, согласно законодательству Российской Федерации, приостанавливалось.

Суду первой инстанции, в силу п. 3 ст. 202 ГК РФ и ч. 5 ст. 4 АПК РФ, необходимо было исследовать юридически значимые обстоятельства, касающиеся вопросов соблюдения истцом претензионного порядка с целью установления срока, подлежащего исключению из срока исковой давности, что не было сделано.

Определение № 305-ЭС18-8026

36. Принятие судом в деле о банкротстве судебного акта о применении последствий недействительности сделки путем взыскания с другой стороны сделки стоимости вещи не препятствует удовлетворению иска о vindикации вещи к третьему лицу.

Принятый в рамках дела о банкротстве судебный акт о признании сделки недействительной продолжает действовать и в случае прекращения производства по делу о банкротстве.

Конкурсный управляющий компании обратился в арбитражный суд с иском к обществу об истребовании из чужого незаконного владения автомобиля.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Действующее законодательство допускает защиту конкурсной массы как путем предъявления арбитражным управляющим иска о признании недействительной первой сделки об отчуждении имущества должника и применении последствий ее недействительности в виде взыскания стоимости отчужденного имущества с первого приобретателя (ст. 61¹, 61⁶ Закона о банкротстве), так и путем предъявления иска об истребовании этого же имущества из незаконного владения конечного приобретателя (ст. 301, 302 ГК РФ).

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – постановление № 63), если право на вещь, отчужденную должником по сделке, после совершения этой сделки было передано другой стороной сделки иному лицу по следующей сделке (например, по договору купли-продажи), то заявление об оспаривании первой сделки предъявляется по правилам ст. 61⁸ Закона о банкротстве к другой ее стороне. Если первая сделка будет признана недействительной, должник вправе истребовать спорную вещь у ее второго приобретателя только посредством предъявления к нему виндикационного иска вне рамок дела о банкротстве по правилам ст. 301 и 302 ГК РФ. В случае подсудности виндикационного иска тому же суду, который рассматривает дело о банкротстве, оспаривающее сделку лицо вправе, по правилам ст. 130 АПК РФ, соединить в одном заявлении, подаваемом в рамках дела о банкротстве, требования о признании сделки недействительной и о виндикации переданной по ней вещи; также возбужденное вне рамок дела о банкротстве тем же судом дело по иску о виндикации может быть объединено судом с рассмотрением заявления об оспаривании сделки – их объединенное рассмотрение осуществляется в рамках дела о банкротстве.

Принятие судом в деле о банкротстве судебного акта о применении последствий недействительности первой сделки путем взыскания с другой стороны сделки стоимости вещи не препятствует удовлетворению иска о ее виндикации. Однако если к моменту рассмотрения виндикационного иска стоимость вещи будет уже фактически полностью уплачена должнику стороной первой сделки, то суд отказывает в виндикационном иске.

При наличии двух судебных актов (о применении последствий недействительности сделки путем взыскания стоимости вещи и о виндикации вещи у иного лица) судам необходимо учитывать следующее. Если будет исполнен один судебный акт, то исполнительное производство по второму судебному акту оканчивается судебным приставом-исполнителем в порядке ст. 47 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»; если будут исполнены оба судебных акта, то по позднее исполненному осуществляется поворот исполнения в порядке ст. 325 АПК РФ.

Таким образом, постановлением № 63 установлено условие для отказа в удовлетворении виндикационного иска после принятия судом в деле о банкротстве судебного акта о применении последствий недействительности первой сделки путем взыскания с другой стороны сделки стоимости вещи – полная фактическая оплата стороной первой сделки стоимости вещи должнику.

Между тем при рассмотрении дела о банкротстве компании суды признали представленные доказательства (копии векселей, акты приема-передачи) ненадлежащими, не подтверждающими факт оплаты автомобиля по договору купли-продажи автомобиля, в связи с чем пришли к выводам, что фактически состоялось дарение указанного имущества между коммерческими организациями, и признали указанную сделку недействительной по основаниям п. 1 ст. 166, п. 1 ст. 167, ст. 168 и п. 4 ст. 575 ГК РФ.

Следовательно, ошибочными являются выводы судов апелляционной и кассационной инстанций о том, что после прекращения производства по делу о банкротстве компании судебный акт, принятый в рамках прекращенного дела о банкротстве компании, не имеет силы и в этой связи договор купли-продажи автомобиля является действующим.

Кроме того, согласно п. 19 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», если в рамках дела о банкротстве суд рассмотрел заявление об оспаривании сделки по правилам гл. III¹ Закона о банкротстве, заявление о привлечении лица к субсидиарной ответственности в порядке ст. 10 Закона о банкротстве или требование кредитора в порядке ст. 71 или 100 Закона о банкротстве и принял по результатам его рассмотрения определение по существу, то последующее

прекращение производства по делу о банкротстве не препятствует рассмотрению апелляционной или кассационной жалобы на указанное определение, а также заявления о пересмотре в порядке надзора этого определения.

Из системного толкования положений действующего законодательства, с учетом приведенных разъяснений, следует, что принятый в рамках дела о банкротстве судебный акт о признании сделки недействительной распространяет свое действие и в случае прекращения производства по делу о банкротстве. Исключение могут составлять случаи, когда судебный акт после прекращения производства по делу о банкротстве будет пересмотрен по правилам гл. 37 АПК РФ при наличии соответствующих оснований.

Правовые механизмы, ограничивающие возможность истца восстановить владение вещью и одновременно получить денежные средства, составляющие ее стоимость, подлежали бы применению на стадии исполнения вступившего в силу определения арбитражного суда о применении последствий недействительности сделки. Однако, как установлено судами и не оспаривается сторонами, указанный судебный акт не исполнен, денежные средства, подлежащие взысканию с покупателя автомобиля как последствия применения недействительной сделки, не перечислены компании.

Учитывая, что спорный автомобиль по договору купли-продажи был передан покупателем автомобиля обществу, конкурсный управляющий компании, исходя из разъяснений, содержащихся в пп. 32 и 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» вправе предъявить иск о возврате имущества по правилам ст. 301, 302 ГК РФ.

Определение № 305-ЭС18-9344

37. Отсутствие у физического лица статуса индивидуального предпринимателя при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства не является основанием для отказа в принятии к производству арбитражного суда заявления гражданина об оспаривании решения антимонопольного органа, принятого по результатам рассмотрения жалобы на действия организатора торгов.

Решением антимонопольного органа жалоба гражданина на действия организаторов торгов, выразившиеся в создании другому участнику торгов

преимущественных условий в виде продления времени предоставления предложения о цене и, как следствие, нарушении порядка определения победителя аукциона, признана необоснованной.

Гражданин обратился в арбитражный суд с заявлением о признании указанного решения незаконным.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в принятии заявления к производству отказано на основании п. 1 ч. 1 ст. 127¹ АПК РФ. Суды пришли к выводу о неподведомственности спора арбитражному суду ввиду отсутствия у заявителя статуса индивидуального предпринимателя, а также отсутствия федерального закона, предусматривающего участие гражданина без указанного статуса в данном споре.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело в суд первой инстанции для рассмотрения по существу, обратив внимание на следующее.

В силу ст. 2 АПК РФ одной из задач судопроизводства в арбитражных судах является защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность.

Заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в порядке, установленном АПК РФ (ст. 4 АПК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 198 АПК РФ граждане, организации и иные лица вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) органов и должностных лиц, если полагают, что оспариваемый акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону и нарушают их права и законные интересы.

Согласно ст. 27 АПК РФ арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке, а в случаях, предусмотренных АПК РФ и иными федеральными законами, – с участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, образований, не имеющих статуса юридического лица, и граждан, не имеющих статуса

индивидуального предпринимателя. К подведомственности арбитражных судов федеральным законом могут быть отнесены и иные дела.

В силу ч. 1 ст. 52 Закона № 135-ФЗ решение и (или) предписание антимонопольного органа могут быть обжалованы в арбитражный суд в течение трех месяцев со дня принятия решения или выдачи предписания. Дела об обжаловании решения и (или) предписания антимонопольного органа подведомственны арбитражному суду.

Положение ст. 52 Закона № 135-ФЗ, в отличие от редакции, действовавшей до 6 января 2012 г., согласно которой была установлена альтернатива обращения с требованием об обжаловании решений и (или) предписаний в суд или арбитражный суд, не ставит компетенцию суда на рассмотрение спора в зависимость от субъектного состава.

Напротив, по смыслу данной нормы, названные акты антимонопольного органа могут быть обжалованы только в арбитражном суде.

Таким образом, вывод судов о том, что гражданин не обладает статусом индивидуального предпринимателя, не имеет правового значения ввиду отнесения рассмотрения таких споров только к компетенции арбитражного суда.

Определение № 307-КГ18-12769

38. Приказ антимонопольного органа о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства может быть оспорен в арбитражном суде.

Приказом антимонопольного органа в отношении кооператива и общества возбуждено дело о нарушении антимонопольного законодательства по признакам нарушения п. 10 ч. 1 ст. 10 Закона № 135-ФЗ, выразившегося в несоблюдении установленного нормативными правовыми актами порядка ценообразования. Определением антимонопольного органа дело о нарушении антимонопольного законодательства назначено к рассмотрению.

Кооператив обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными указанных приказа и определения антимонопольного органа.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, производство по делу прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ.

Суды руководствовались положениями п. 2 ч. 1 ст. 29, п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, ст. 22, 44 Закона № 135-ФЗ, разъяснениями, изложенными в п. 22 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2006 г. № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству», и исходили из того, что оспоренные кооперативом акты

и действия антимонопольного органа не устанавливают факта нарушения заявителем антимонопольного законодательства и не определяют субъекта ответственности, не содержат обязательных к исполнению властных указаний и предписаний, а оформляют в предусмотренном законом порядке начало процедуры осуществления антимонопольным органом предоставленных законодательством полномочий по проведению процессуальных действий в целях установления и выявления всех обстоятельств по поступившему обращению.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело в суд первой инстанции для рассмотрения по существу, обратив внимание на следующее.

В силу п. 10 ч. 1 ст. 10 Закона № 135-ФЗ запрещены действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта, результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей, в том числе нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка ценообразования.

Реализация предоставленных антимонопольному органу полномочий ограничена необходимостью соблюдения установленных Законом № 135-ФЗ требований, служащих гарантией прав и законных интересов проверяемого лица, поскольку нарушением антимонопольного законодательства являются не любые действия хозяйствующего субъекта, а только те, которые совершены субъектом, занимающим доминирующее положение на товарном рынке, направлены на сохранение или укрепление своего положения на соответствующем товарном рынке с использованием запрещенных методов, наносящих ущерб конкурентам и (или) иным лицам.

В связи с этим при возбуждении дела по признакам нарушения п. 10 ч. 1 ст. 10 Закона № 135-ФЗ антимонопольным органом должны быть установлены как факт доминирования хозяйствующего субъекта на товарном рынке, так и признаки совершения им действий (бездействия), результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц.

В обоснование заявленных требований кооператив сослался на то, что, исходя из положений ст. 3 Закона № 135-ФЗ, определяющих сферу применения данного закона, антимонопольный орган возбудил в отношении кооператива дело по признакам нарушения ст. 10 указанного закона в отсутствие на то оснований, поскольку заявитель является

хозяйствующим субъектом, на который действие указанной нормы права не распространяется.

Прекращая производство по делу, суды необоснованно уклонились от проверки факта наличия (отсутствия) у антимонопольного органа оснований для возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства с учетом приведенных доводов кооператива.

При этом судами не учтено, что приказ о возбуждении дела, в силу ст. 44 Закона № 135-ФЗ, является документом, завершающим стадию рассмотрения заявления (материалов), и не относится к документам, принятым в процессе рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства.

Кроме того, данный приказ принят уполномоченным государственным органом в отношении конкретного хозяйствующего субъекта и содержит властное распоряжение, заключающееся в проведении проверки финансово-хозяйственной деятельности кооператива как хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение, на предмет установления нарушения п. 10 ч. 1 ст. 10 Закона № 135-ФЗ. Принятие такого документа затрагивает права и законные интересы заявителя.

В силу ст. 2 АПК РФ одной из задач судопроизводства в арбитражных судах является защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность.

Заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в порядке ст. 4 АПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 198 АПК РФ граждане, организации и иные лица вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) органов и должностных лиц, если полагают, что оспариваемый акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону и нарушают их права и законные интересы.

Следовательно, издание приказа о проведении проверки в отношении хозяйствующего субъекта является предметом судебного контроля, поскольку иной вывод противоречит вышеназванным положениям Конституции Российской Федерации и процессуальному законодательству и не обеспечит восстановление нарушенных прав лица, обратившегося за судебной защитой.

При таких обстоятельствах основания для прекращения производства по делу, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, отсутствовали.

Определение № 309-КГ18-12516

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

39. Создание вооруженной группы для совершения только одного нападения, которое ее участниками тщательно планировалось, квалифицировано по ст. 209 УК РФ.

Установлено, что в декабре 2015 года Х. принял решение о создании устойчивой вооруженной группы в целях нападения на граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью, перевозивших крупные денежные средства на автобусе из г. Уфы в г. Москву. Начиная с декабря 2015 года Х. занимался подбором участников банды, в которую вошел и осужденный Г. Перед совершением нападения участники организованной группы, в том числе и Г., выезжали на место, где планировалось совершить преступление, обсуждались детали нападения, определялись дата и время его совершения, численный состав организованной группы, вид оружия и предметов, необходимых для совершения преступления.

Согласно разработанному плану и распределенным ролям, 2 августа 2016 г. Г., вооруженный травматическим пистолетом, в составе банды принял участие в нападении на предпринимателей и завладении денежными средствами на общую сумму в размере 10 469 000 руб.

Указанные действия Г. квалифицированы судом по ч. 2 ст. 209 УК РФ и пп. «а», «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ.

В апелляционной жалобе осужденный Г. выражал несогласие с приговором, полагая, что в его действиях нет состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 209 УК РФ, так как отсутствовал признак устойчивости, поскольку группа существовала только один день.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в этой части оставила приговор без изменения по следующим основаниям.

По смыслу закона под бандой следует понимать организованную устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации. Банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки нападения.

Судом первой инстанции установлено, что устойчивая организованная группа была создана и функционировала к июлю 2016 года, когда ее руководителем было принято решение о вооружении группы, о чем Г. и другие осужденные были поставлены в известность и дали на это согласие.

По смыслу закона признак устойчивости определяется не только временем деятельности устойчивой организованной группы, но и такими признаками, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий.

Указанные обстоятельства подробно исследовались в ходе судебного заседания и нашли свое подтверждение. Участники банды тщательно, на протяжении нескольких месяцев планировали совершение преступления, для чего неоднократно выезжали на предполагаемое место преступления, несколько раз откладывали день совершения преступления для более тщательной подготовки.

При совершении преступления каждый из участников банды выполнял свою определенную заранее функцию. Объект преступного посягательства был ранее намечен. Действия осужденных были конкретны и последовательны – для подавления воли потерпевших применялось оружие, потерпевшие связывались и удерживались, к ним применялось насилие, опасное для здоровья и им высказывались угрозы применения опасного для жизни насилия.

Таким образом, исходя из установленных фактических обстоятельств, суд правильно квалифицировал действия Г. по ч. 2 ст. 209 УК РФ как бандитизм, то есть участие в устойчивой вооруженной группе (банде), и по пп. «а», «б» ч.4 ст. 162 УК РФ как разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для здоровья, организованной группой, с угрозой применения насилия, опасного для жизни, с применением оружия, в особо крупном размере.

Определение № 9-АПУ18-17

Процессуальные вопросы

40. Продление срока содержания обвиняемого под стражей может иметь место только при подтверждении достаточными данными наличия предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований для дальнейшего применения этой меры пресечения.

При этом обстоятельства, на основании которых лицо было заключено под стражу, не всегда являются достаточными для продления срока содержания его под стражей.

Постановлением Славгородского городского суда Алтайского края от 25 декабря 2017 г. В., обвиняемому органами предварительного расследования в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 161 и п. «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ, продлен срок содержания под стражей до 5 месяцев, то есть до 28 февраля 2018 г.

В апелляционном порядке обжалуемое постановление не пересматривалось. Постановлением президиума Алтайского краевого суда от 31 июля 2018 г. указанное постановление оставлено без изменения.

В кассационной жалобе адвокат в интересах обвиняемого В., оспаривая законность постановлений судов первой и кассационной инстанций, указывал, что суд первой инстанции формально отнесся к рассмотрению ходатайства следователя о продлении обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, устранился от исследования обоснованности приведенных в ходатайстве доводов и без надлежащей проверки продлил срок содержания под стражей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление от 25 декабря 2017 г. и постановление президиума от 31 июля 2018 г. по следующим основаниям.

Согласно положениям ч. 1 ст. 110 УПК РФ мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные ст. 97, 99 УПК РФ.

По смыслу закона продление срока содержания обвиняемого под стражей может иметь место только при подтверждении достаточными данными предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований для дальнейшего применения этой меры пресечения. При продлении срока содержания под стражей на любой стадии производства по уголовному делу судам необходимо проверять наличие на момент рассмотрения данного вопроса, предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований, которые должны подтверждаться достоверными сведениями и доказательствами, а также учитывать как указанные в ст. 99 УПК РФ, так и другие обстоятельства, обосновывающие продление срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

Сами по себе обстоятельства, на основании которых лицо было заключено под стражу, не всегда являются достаточными для продления срока содержания его под стражей. По истечении времени эти обстоятельства перестают быть достаточными для продления срока действия данной меры пресечения в связи с чем, при решении вопроса о продлении этой меры пресечения суду надлежит устанавливать конкретные обстоятельства, свидетельствующие о необходимости дальнейшего содержания обвиняемого под стражей, для чего при рассмотрении соответствующего ходатайства, необходимо исследовать иные значимые обстоятельства.

Однако положения закона при продлении В. срока содержания под стражей судом в полной мере соблюдены не были.

Соглашаясь с изложенными в ходатайстве следователя доводами о том, что окончить предварительное следствие по уголовному делу в отношении В. в срок до 30 декабря 2017 г. невозможно в связи с

необходимостью проведения ряда следственных действий, которые не проведены по объективным причинам, суд, принимая во внимание тяжесть инкриминируемого В. преступления, данные о личности обвиняемого, который имеет непогашенную судимость, сделал вывод, что, находясь на свободе, тот может скрыться от органов предварительного расследования и суда.

Между тем судом не в полном объеме исследованы данные о личности обвиняемого, в постановлении не отражено семейное положение обвиняемого, который, как следует из материала, имеет на иждивении двоих малолетних детей. Отсутствуют в постановлении суда первой инстанции и мотивы, свидетельствующие о невозможности применения в отношении обвиняемого иной, более мягкой, меры пресечения, чем заключение под стражу.

Вопреки положениям действующего законодательства суд, принимая решение о продлении срока содержания В. под стражей, ограничился лишь перечислением оснований, указанных в соответствующем ходатайстве, которые ранее уже учитывались судом как при избрании в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу, так и при последующем продлении ему срока содержания под стражей до 3 месяцев, не выяснив при этом, сохранилась ли вероятность совершения В. действий, перечисленных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, и подтверждается ли это представленными материалами, не указав конкретные мотивы, обосновывающие необходимость продления обвиняемому срока содержания под стражей.

Определение № 51-УД18-16

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

41. Исключение из региональной адресной программы по переселению граждан из аварийного жилищного фонда одного жилого помещения в многоквартирном доме, включенном в указанную программу, действующим законодательством не предусмотрено и свидетельствует о нарушении прав граждан, являющихся собственниками данного помещения и имеющих право выбора способа обеспечения своих жилищных прав.

Постановлением правительства Вологодской области от 29 апреля 2013 г. № 484 утверждена областная адресная программа № 7 «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда в муниципальных образованиях Вологодской области с учетом необходимости развития малоэтажного жилищного строительства на 2013–2015 годы»

(в действующей редакции – областная адресная программа № 7 «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда в муниципальных образованиях Вологодской области на 2013–2017 годы») (далее – областная адресная программа № 7).

Приложением № 1 к названной адресной программе является перечень аварийных многоквартирных домов, согласно первоначальной редакции которого в данный перечень был включен многоквартирный дом, имеющий 35 жителей, планируемых к переселению. Также в этом перечне указано, что количество единиц расселяемых жилых помещений составляет 17.

12 февраля 2018 г. правительством Вологодской области принято постановление № 127 «О внесении изменений в постановление правительства области от 29 апреля 2013 года № 484» (далее – Постановление № 127), согласно которому названный выше многоквартирный дом, ранее включенный в перечень, имеет 37 жителей, планируемых к переселению, а количество единиц расселяемых жилых помещений составляет 16.

Б., являющаяся собственником доли в праве собственности на квартиру № 2 в названном многоквартирном доме, обратилась в суд с административным иском о признании Постановления № 127 недействующим в части исключения из областной адресной программы квартиры № 2.

В обоснование заявленных требований указала на противоречие оспариваемого правового регулирования Федеральному закону от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» и Жилищному кодексу Российской Федерации.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанное решение суда первой инстанции и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Правовые и организационные основы предоставления финансовой поддержки субъектам Российской Федерации на переселение граждан из аварийного жилищного фонда путем создания некоммерческой организации, осуществляющей функции по предоставлению такой финансовой поддержки, устанавливает Федеральный закон «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», согласно ч. 1 ст. 3 которого в целях данного федерального закона создается государственная корпорация – Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства.

Под переселением граждан из аварийного жилищного фонда в п. 3 ст. 2 данного федерального закона понимается принятие решений и

проведение мероприятий в соответствии со ст. 32 и 86, чч. 2 и 3 ст. 88 ЖК РФ.

Под предоставлением финансовой поддержки за счет средств Фонда в п. 4 ст. 2 данного федерального закона понимается, среди прочего, предоставление Фондом целевых средств бюджетам субъектов Российской Федерации на безвозвратной и безвозмездной основе на переселение граждан из аварийного жилищного фонда на условиях, предусмотренных этим же федеральным законом.

По общему правилу, жилищные права собственника жилого помещения в доме, признанном в установленном порядке аварийным и подлежащим сносу, обеспечиваются в порядке, предусмотренном ст. 32 ЖК РФ, то есть в случае, когда собственники жилых помещений в таком доме в предоставленный им срок не осуществили его снос или реконструкцию, органом местного самоуправления принимается решение об изъятии земельного участка, на котором расположен указанный аварийный дом, для муниципальных нужд и, соответственно, об изъятии каждого жилого помещения в данном доме путем выкупа.

Другое жилое помещение взамен изымаемого в таком случае может быть предоставлено собственнику только при наличии соответствующего соглашения, достигнутого с органом местного самоуправления, и только с зачетом его стоимости в выкупную цену (ч. 8 ст. 32 ЖК РФ).

Вместе с тем, если жилой дом, признанный аварийным и подлежащим сносу, включен в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, то собственник жилого помещения в таком доме в силу п. 3 ст. 2, ст. 16 Федерального закона «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» имеет право на предоставление другого, равнозначного, жилого помещения либо его выкуп.

При этом собственник жилого помещения имеет право выбора любого из названных способов обеспечения его жилищных прав.

Таким образом, включение жилых помещений в региональную адресную программу переселения граждан из аварийного жилищного фонда расценивается в качестве обстоятельства, расширяющего объем жилищных прав собственников помещений при переселении их из аварийного жилищного фонда по сравнению с положениями ч. 8 ст. 32 ЖК РФ, а исключение жилого помещения из указанной программы, осуществленное с нарушением положений ст. 16 Федерального закона «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», может привести к нарушению прав граждан, являющихся собственниками данного помещения.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 16 Федерального закона «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» региональная адресная программа по переселению граждан из аварийного жилищного

фонда должна содержать, в частности, перечень многоквартирных домов, признанных до определенной даты в установленном порядке аварийными и подлежащими сносу или реконструкции в связи с физическим износом в процессе их эксплуатации.

Частью 2¹ ст. 16 названного закона установлены требования к размерам этапов региональных адресных программ. Размер этапа 2017 года и (или) последующего года региональной адресной программы по переселению граждан из аварийного жилищного фонда должен быть равен остатку аварийного жилищного фонда. При этом под остатком аварийного жилищного фонда, расположенного на территории субъекта Российской Федерации, понимается общая площадь аварийного жилищного фонда, не включенного в этапы прошлых лет региональной адресной программы по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, в том числе региональной адресной программы по переселению граждан из аварийного жилищного фонда с учетом необходимости развития малоэтажного жилищного строительства.

Под размером этапов понимается общая площадь аварийного жилищного фонда, переселение граждан из которого предусмотрено этапом региональной программы.

В силу ч. 2 ст. 16 Федерального закона «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» внесение в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда изменений, которые приводят к нарушению требований, установленных чч. 2 и 2¹ названной статьи, не допускается.

В материалах административного дела имелись доказательства, свидетельствующие о том, что на основании заявки Вологодской области Фондом содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства было принято решение о предоставлении финансовой поддержки на реализацию этапа областной адресной программы 2016–2017 годов, при этом этапом 2016 года этой программы, на реализацию которого запрашивалась финансовая поддержка, было предусмотрено переселение граждан из многоквартирного дома, в котором административному истцу принадлежит доля в праве общей долевой собственности на квартиру № 2, имеющего 17 жилых помещений, планируемых к переселению.

Постановлением № 127 в областную адресную программу внесены изменения, согласно которым количество единиц расселяемых жилых помещений уменьшено до 16 за счет исключения из этой программы квартиры № 2, находящейся в указанном выше многоквартирном доме.

Вместе с тем, исключение из региональной адресной программы по переселению граждан из аварийного жилищного фонда одного жилого помещения в многоквартирном доме, включенном в указанную программу, действующим законодательством не предусмотрено и свидетельствует о нарушении прав граждан, являющихся собственниками данного

помещения и имеющих право выбора способа обеспечения своих жилищных прав.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о противоречии оспариваемого правового регулирования нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, и наличии правовых для удовлетворения административного искового заявления.

Определение № 2-АПГ18-19

42. Правовое регулирование, согласно которому право на пенсию за выслугу лет муниципальным служащим поставлено в зависимость от стажа муниципальной службы непосредственно в органах местного самоуправления конкретного муниципального образования, противоречит действующему законодательству.

Решением Собрания депутатов Обливского района Ростовской области от 18 октября 2011 г. № 93 утверждено Положение «О государственной пенсии за выслугу лет лицам, замещавшим муниципальные должности и должности муниципальной службы муниципального образования «Обливский район» (далее – Положение), в соответствии с п. 1.2 ч. 1 ст. 1 которого право на государственную пенсию за выслугу лет в соответствии с названным решением имеют лица, замещавшие на 15 января 1998 г. и (или) позднее должности муниципальной службы при наличии стажа муниципальной службы не менее 15 лет, в том числе имеющие стаж работы непосредственно в органах местного самоуправления Обливского района не менее 10 лет, при увольнении с муниципальной службы по основаниям: а) ликвидация органов местного самоуправления муниципального образования «Обливский район»; б) сокращение штата или численности муниципальных служащих в органах местного самоуправления муниципального образования «Обливский район»; в) увольнение с должностей, утверждаемых в установленном федеральным и областным законодательством порядке для непосредственного обеспечения исполнения полномочий лиц, замещающих муниципальные должности, в связи с прекращением этими лицами своих полномочий; г) достижение предельного возраста, установленного законом для замещения должности муниципальной службы муниципального образования «Обливский район»; д) обнаружившееся несоответствие замещаемой должности муниципальной службы муниципального образования «Обливский район» вследствие состояния здоровья, препятствующего продолжению муниципальной службы; е) увольнение по собственному желанию; ж) перевод муниципального служащего муниципального образования

«Обливский район» в другую организацию или переход на выборную должность. Право на пенсию за выслугу лет имеют лица, если на момент освобождения от должности они имели право на страховую пенсию по старости (инвалидности) и непосредственно перед увольнением замещали должности муниципальной службы не менее 12 полных месяцев.

И. обратился в суд с административным иском о признании п. 1.2 ч. 1 ст. 1 названного Положения недействующим в той мере, в какой указанная норма устанавливает требование в том числе к наличию стажа работы непосредственно в органах местного самоуправления Обливского района не менее 10 лет, а также предусматривает условие о замещении непосредственно перед увольнением должности муниципальной службы не менее 12 полных месяцев.

В обоснование заявленных требований И. указал, что оспариваемое правовое регулирование ограничивает предусмотренное федеральным законом право муниципального служащего на пенсионное обеспечение за выслугу лет.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанное решение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении административного искового заявления о признании недействующим абзаца первого п. 1.2 ч. 1 ст. 1 Положения. В данной части принято новое решение, которым указанная норма признана недействующей в той мере, в какой она устанавливает требование в том числе к наличию стажа работы непосредственно в органах местного самоуправления Обливского района не менее 10 лет. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

При этом Судебная коллегия исходила из следующего.

Из содержания абзаца первого п. 1.2 ч. 1 ст. 1 оспариваемого Положения следует, что предоставление права на государственную пенсию за выслугу лет лицам, замещавшим должности муниципальной службы, поставлено в зависимость от определенного стажа муниципальной службы непосредственно в органах местного самоуправления Обливского района Ростовской области, поэтому при наличии у муниципальных служащих стажа муниципальной службы в органах местного самоуправления другого муниципального образования, как это имеет место быть в случае по этому административному делу, но при отсутствии у данных муниципальных служащих стажа муниципальной службы непосредственно в органах местного самоуправления Обливского района Ростовской области не менее 10 лет, данные муниципальные служащие не имеют права на государственную пенсию за выслугу лет.

Вместе с тем такое условие предоставления права на пенсию за выслугу лет муниципальным служащим, согласно которому предоставление этого права поставлено в зависимость от стажа муниципальной службы непосредственно в органах местного самоуправления определенного муниципального образования, противоречит нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, и ограничивает права и свободы граждан.

Так, единство основных требований к муниципальной службе, а также правовая и социальная защищенность муниципальных служащих, в силу пп. 7 и 8 ст. 4 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», являются основными принципами муниципальной службы. Положениями ст. 5 этого же федерального закона и положениями ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» установлена взаимосвязь государственной гражданской службы Российской Федерации и муниципальной службы.

Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации специфика государственной и муниципальной службы в Российской Федерации предопределяет особый правовой статус государственных и муниципальных служащих, обусловленный содержанием профессиональной служебной деятельности, характером выполняемых функций, предъявляемыми квалификационными требованиями, а также ограничениями, связанными с прохождением государственной и муниципальной службы.

Осуществляя специальное правовое регулирование пенсионного обеспечения государственных и муниципальных служащих, в том числе вводя для них дополнительные гарантии в сфере пенсионных отношений, федеральный законодатель исходил из того, что единство публичной природы государственной гражданской службы и муниципальной службы, обусловленное объективной схожестью условий и порядка их прохождения, предполагает и общность основных принципов и условий государственного пенсионного обеспечения государственных гражданских служащих и муниципальных служащих (п. 6 ст. 7 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и п. 6 ст. 5 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации»).

Согласно п. 4 ст. 7 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» условия предоставления права на пенсию государственным гражданским служащим субъектов Российской Федерации и муниципальным служащим за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации и средств местных бюджетов определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и актами органов

местного самоуправления. При этом государственные гражданские служащие субъектов Российской Федерации, муниципальные служащие имеют право на пенсию за выслугу лет, устанавливаемую к страховой пенсии по старости (инвалидности), назначенной в соответствии с Федеральным законом «О страховых пенсиях» либо досрочно назначенной в соответствии с Законом Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», при наличии стажа государственной гражданской службы, стажа муниципальной службы, минимальная продолжительность которых для назначения пенсии за выслугу лет в соответствующем году определяется согласно приложению 2 к названному федеральному закону.

Из приведенных положений п. 4 ст. 7 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» не следует, что стаж гражданской службы и стаж муниципальной службы, необходимый для назначения пенсии за выслугу лет, должен быть приобретен исключительно в органах государственной власти или органах местного самоуправления определенного субъекта Российской Федерации или определенного муниципального образования, поскольку федеральный законодатель такого условия для предоставления права на пенсию за выслугу лет не устанавливает.

Не установлены такие условия и законодательством субъекта Российской Федерации, что следует из положений Областного закона Ростовской области от 29 февраля 2000 г. № 62-ЗС «О ежемесячной доплате к пенсии отдельным категориям граждан», Областного закона Ростовской области от 26 июля 2005 г. № 344-ЗС «О государственной гражданской службе Ростовской области», Областного закона Ростовской области от 9 октября 2007 г. № 786-ЗС «О муниципальной службе в Ростовской области» и Областного закона Ростовской области от 15 февраля 2008 г. № 872-ЗС «О государственной пенсии за выслугу лет лицам, замещавшим государственные должности Ростовской области и должности государственной гражданской службы Ростовской области».

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что само по себе право муниципального служащего на получение дополнительного пенсионного обеспечения в виде пенсии за выслугу лет производно от его предшествующей трудовой деятельности на должностях муниципальной службы, предполагающей выполнение определенных, значимых для общества обязанностей, поэтому для приобретения права на пенсию за выслугу лет данная деятельность может осуществляться муниципальным служащим на должностях муниципальной службы, замещаемых на всей территории Российской Федерации, а не только отдельных ее субъектов.

43. При разрешении вопроса о принятии административного искового заявления к производству суда не может быть дана оценка действиям и полномочиям административных ответчиков, а также не может быть сделан вывод об отсутствии нарушений оспариваемыми действиями прав, свобод и законных интересов административных истцов, поскольку указанные обстоятельства подлежат установлению при рассмотрении и разрешении административного дела по существу.

Определением судьи районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, на основании п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ отказано в принятии административного искового заявления Н. и других к СК России, прокуратуре Ростовской области, главе администрации г. Ростова-на-Дону и другим лицам об оспаривании действий (бездействия), возложении обязанности предоставить материалы проверок, контрольных и надзорных производств и устранить допущенные нарушения.

При этом судья исходил из того, что оспариваемым бездействием органов государственной власти и органов местного самоуправления права, свободы и законные интересы административных истцов непосредственно не нарушаются либо иным образом не затрагиваются, а также сделал вывод о том, что административные истцы, оспаривая бездействие перечисленных в административном исковом заявлении лиц, фактически обратились в защиту интересов неопределенного круга лиц – жителей г. Ростова-на-Дону, не имея на то соответствующих полномочий.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила материал по данному административному исковому заявлению в суд первой инстанции для решения вопроса о его принятии к производству суда, указав следующее.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ судья отказывает в принятии административного искового заявления в случае, если из административного искового заявления об оспаривании решения или действия (бездействия) не следует, что этими решением или действием (бездействием) нарушаются либо иным образом затрагиваются права, свободы и законные интересы административного истца.

По смыслу приведенной нормы, не подлежат рассмотрению в суде требования о признании незаконными решений, действий (бездействия), принятых по вопросам, не касающимся административных истцов.

Между тем, требования административных истцов мотивированы тем, что их письменные коллективные обращения в адрес Администрации Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации о незаконном бездействии администрации г. Ростова-на-Дону, направлены

административным ответчикам для проведения соответствующих проверок и принятия мер в соответствии с их полномочиями.

Однако, в нарушение требований Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», их обращения не рассмотрены, меры, направленные на восстановление и защиту их нарушенных прав, свобод и законных интересов не приняты.

Таким образом, административные истцы обратились в суд в защиту собственных интересов.

Кроме того, при разрешении вопроса о принятии административного искового заявления к производству суда не может быть дана оценка действиям и полномочиям административных ответчиков, а также сделан вывод об отсутствии нарушений оспариваемыми действиями прав, свобод и законных интересов административных истцов, поскольку указанные обстоятельства подлежат установлению при рассмотрении и разрешении административного дела по существу.

В этой связи у судьи суда первой инстанции отсутствовали правовые основания для отказа в принятии административного искового заявления.

Определение № 41-КГ 18-53

44. Судья вправе отказать в принятии административного искового заявления на основании п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ только в случае, если оспариваемый нормативный правовой акт очевидно и бесспорно не затрагивает права, свободы и законные интересы административного истца.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в суд с административным иском заявлением о признании недействующим п. 1 приказа комитета лесного хозяйства Московской области от 10 апреля 2017 г. № 27П-413 «О начале пожароопасного сезона 2017», согласно которому начало пожароопасного сезона на территории лесного фонда в границах Московской области установлено с 10 апреля 2017 г.

В обоснование заявленных требований административный истец указал, что был привлечен к административной ответственности за нарушение правил пожарной безопасности в лесах. Вступившим в законную силу решением суда постановление о привлечении общества к административной ответственности признано законным со ссылкой на п. 1 названного приказа. В этой связи общество просило суд признать п. 1 данного приказа недействующим, поскольку он издан неуполномоченным органом, в ненадлежащей форме и не был опубликован в установленном порядке.

Определением судьи суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в принятии административного искового заявления отказано на основании п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ.

При этом судья исходил из того, что оспариваемый приказ по своему содержанию не является нормативным правовым актом, не содержит рассчитанных на неоднократное применение правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, в том числе и для административного истца. По мнению судьи суда первой инстанции, оспариваемый приказ регулирует работу структурных подразделений Комитета лесного хозяйства Московской области и его отделов, носит индивидуально-распорядительный характер и не затрагивает права, свободы и законные интересы административного истца.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила материал по данному административному исковому заявлению в суд первой инстанции для рассмотрения со стадии принятия административного искового заявления к производству суда, по следующим основаниям.

Пунктом 490 Правил противопожарного режима в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2012 г. № 390, предусмотрено, что перечень населенных пунктов, подверженных угрозе лесных пожаров, и начало пожароопасного сезона устанавливается нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации исходя из природно-климатических особенностей, связанных со сходом снежного покрова в лесах.

Согласно Положению о комитете лесного хозяйства Московской области, утвержденному постановлением Правительства Московской области от 26 июня 2012 г. № 863/22, (далее – Положение) комитет лесного хозяйства Московской области является центральным исполнительным органом государственной власти Московской области специальной компетенции, проводящим государственную политику и осуществляющим межотраслевое управление, координацию, а также функциональное регулирование деятельности в области лесных отношений.

Пунктом 12.1.7 Положения предусмотрено, что к полномочиям Комитета лесного хозяйства Московской области относится организация использования лесов, их охраны (в том числе осуществления мер пожарной безопасности и тушения лесных пожаров, за исключением выполнения взрывных работ в целях локализации и ликвидации лесных пожаров и осуществления мероприятий по искусственному вызыванию осадков в целях тушения лесных пожаров), защиты (за исключением лесозащитного районирования и государственного лесопатологического

мониторинга), воспроизводства (за исключением лесосеменного районирования, формирования федерального фонда семян лесных растений и государственного мониторинга воспроизводства лесов) на землях лесного фонда и обеспечение охраны, защиты, воспроизводства лесов (в том числе создание и эксплуатация лесных дорог, предназначенных для использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов) на указанных землях.

Из содержания оспариваемого в части приказа следует, он был издан Комитетом лесного хозяйства Московской области в целях реализации своих полномочий, предусмотренных п. 12.1.7 названного Положения, и во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2012 г. № 390 «О противопожарном режиме».

Пункт 1 данного приказа устанавливает начало пожароопасного сезона на территории лесного фонда в границах Московской области – 10 апреля 2017 г. Таким образом, указанный приказ распространяет свое действие на неопределенный круг лиц, в связи с чем не имеется оснований полагать, что оспариваемый приказ не является нормативным правовым актом.

Приказ был опубликован на официальном сайте Комитета лесного хозяйства Московской области.

В силу п. 1 ч. 2 ст. 1 КАС РФ суды в порядке, предусмотренном данным кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части.

Согласно ч. 1 ст. 208 КАС РФ с административным иском заявлением о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части вправе обратиться лица, в отношении которых применен этот акт, а также лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом, если они полагают, что этим актом нарушены или нарушаются их права, свободы и законные интересы.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ судья отказывает в принятии административного искового заявления в случае, если из административного искового заявления об оспаривании нормативного правового акта не следует, что этим актом нарушаются либо иным образом затрагиваются права, свободы и законные интересы административного истца.

Из правового анализа приведенных положений закона следует, что судья вправе отказать в принятии административного искового заявления на основании п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ только в случае, если оспариваемый

нормативный правовой акт очевидно и бесспорно не затрагивает права, свободы и законные интересы административного истца.

Между тем, при обращении в суд общество ссылалось на то, что оспариваемый приказ послужил основанием для привлечения его к административной ответственности за нарушение правил пожарной безопасности в лесах.

При таких обстоятельствах у судьи областного суда отсутствовали предусмотренные законом основания для отказа в принятии административного искового заявления.

Определение № 4-КГ18-79

45. Установление факта наличия у лица, имеющего статус вынужденного переселенца, или членов его семьи, в том числе не имеющих такого статуса, в пользовании жилого помещения по договору социального найма является препятствием для продления срока действия статуса вынужденного переселенца.

З. обратилась в суд с административным исковым заявлением об оспаривании решения уполномоченного органа об отказе в продлении срока действия статуса вынужденного переселенца, ссылаясь на то, что до настоящего времени не обеспечена жильем на территории Российской Федерации, тогда как жилое помещение по месту ее регистрации является непригодным для проживания.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено.

При этом суд исходил из того, что с момента предоставления статуса вынужденного переселенца до настоящего времени административному истцу не оказана государственная поддержка в обустройстве на новом месте жительства. Наличие постоянной регистрации в жилом помещении, нанимателем которого является бабушка административного истца, не свидетельствует об отсутствии обстоятельств, препятствующих в обустройстве на новом месте жительства в Российской Федерации, поскольку данное жилье признано непригодным для проживания.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Судом установлено, что в 2000 году З. вместе с матерью и братом приобрела статус вынужденного переселенца. Уполномоченным органом неоднократно принимались решения о продлении срока действия этого статуса.

В 2018 году уполномоченным органом З. признана утратившей статус вынужденного переселенца, в том числе в связи с отсутствием правовых оснований для продления срока действия этого статуса, поскольку у административного истца имеется в пользовании по договору социального найма жилое помещение. Кроме того, у ее матери в собственности имеется жилое помещение, а супруг является нанимателем жилого помещения по договору социального найма.

Статус вынужденных переселенцев, экономические, социальные и правовые гарантии защиты их прав и законных интересов на территории Российской Федерации являются предметом регулирования Закона Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» (далее – Закон о вынужденных переселенцах), согласно положениям которого вынужденным переселенцем признается гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершённого в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка, такой статус первоначально предоставляется на пять лет (п. 1 ст. 1, п. 4 ст. 5).

В п. 5 ст. 5 Закона о вынужденных переселенцах установлено, что срок действия статуса вынужденного переселенца продлевается территориальным органом федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, на каждый последующий год по заявлению вынужденного переселенца при наличии одновременно следующих оснований: вынужденный переселенец и (или) члены его семьи, в том числе не имеющие статуса вынужденного переселенца, не являются нанимателями жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилого помещения на территории Российской Федерации; неполучение вынужденным переселенцем и (или) членами его семьи, в том числе не имеющими статуса вынужденного переселенца, денежной компенсации за утраченное жилье, долговременной беспроцентной возвратной ссуды на строительство (приобретение) жилья до 1 января 2003 г., безвозмездной субсидии на строительство (приобретение) жилья до 16 октября 2010 г., социальной выплаты на приобретение (строительство, восстановление) жилого помещения, а также неполучение вынужденным переселенцем и членами семьи вынужденного переселенца, в том числе не имеющими статуса вынужденного переселенца, в установленном законодательством Российской Федерации порядке от

органа государственной власти или органа местного самоуправления бюджетных средств на строительство (приобретение) жилого помещения, непредоставление им в установленном порядке от органа государственной власти или органа местного самоуправления земельного участка для строительства жилого дома (подпункты 1–7).

Исходя из содержания приведенного законоположения, установление факта наличия у вынужденного переселенца или членов его семьи, в том числе не имеющих такого статуса, в пользовании жилого помещения по договору социального найма является препятствием для продления статуса вынужденного переселенца.

Жилищный кодекс Российской Федерации устанавливает равные права нанимателя жилого помещения по договору социального найма в государственном и муниципальном жилищном фонде, в том числе право пользования этим помещением, и членов его семьи, в том числе и бывших членов семьи, продолжающих проживать в занимаемом жилом помещении (чч. 2 и 4 ст. 69).

В этой связи суд, установив, что З. имеет регистрацию по месту жительства в жилом помещении, предоставленном ее бабушке органами местного самоуправления по договору социального найма, сделал ошибочный вывод о незаконности решения об отказе в продлении статуса вынужденного переселенца.

То обстоятельство, что квартира, в которой зарегистрирована З., по своим техническим характеристикам признана непригодной для проживания, не свидетельствует о незаконности оспариваемого решения об отказе в продлении статуса вынужденного переселенца, поскольку вступившим в законную силу решением суда на орган местного самоуправления возложена обязанность предоставить на условиях договора социального найма бабушке административного истца на семью, в состав которой включена и З., благоустроенное жилое помещение.

В этой связи правовых оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось.

Определение № 75-КГ18-7

46. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации не обладает правами и не несет обязанности юридического лица, в связи с чем с такого должностного лица судебным приставом-исполнителем не может быть взыскан исполнительский сбор в размере, установленном для должника-организации.

Постановлением судебного пристава-исполнителя с высшего должностного лица субъекта Российской Федерации взыскан исполнительский сбор в размере 50 000 руб.

Не согласившись с таким решением, указанное должностное лицо оспорило его в суде, ссылаясь в том числе на то что, исполнительский сбор незаконно взыскан в размере, установленном для должника-организации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано. При этом суд указал, что взыскание с административного истца исполнительского сбора в размере, установленном для юридических лиц, является законным и обоснованным, поскольку высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации возглавляет высший исполнительный орган государственной власти этого субъекта.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Судом установлено, что административный истец является должником по исполнительному производству, предметом которого является возложение обязанности совершить определенные действия.

Согласно ч. 3 ст. 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» исполнительский сбор устанавливается в размере семи процентов от подлежащей взысканию суммы или стоимости взыскиваемого имущества, но не менее одной тысячи рублей с должника-гражданина или должника – индивидуального предпринимателя и десяти тысяч рублей с должника-организации. В случае неисполнения исполнительного документа неимущественного характера исполнительский сбор с должника-гражданина или должника – индивидуального предпринимателя устанавливается в размере пяти тысяч рублей, с должника-организации – пятидесяти тысяч рублей.

Согласно положениям закона субъекта Российской Федерации правительство этого субъекта является высшим исполнительным органом государственной власти, а высшее должностное лицо этого субъекта является председателем его правительства, которое обладает правами юридического лица и имеет гербовую печать.

Таким образом, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации не обладает правами и не несет обязанности юридического лица, в связи с чем вывод суда о правомерности взыскания с административного истца исполнительского сбора, в размере, установленном для должника-организации, нельзя признать законным.

**СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ
ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ**

Кассационная инстанция

По административным делам

47. Реализация административным истцом при установленных обстоятельствах права на жилье посредством приобретения по предоставленной ему жилищной субсидии жилого помещения по избранному постоянному месту жительства исключает обеспечение его служебным жилым помещением по месту военной службы.

Решением Хабаровского гарнизонного военного суда от 4 декабря 2017 г., оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 1 марта 2018 г., удовлетворено административное исковое заявление П., в котором он просил признать незаконным решение начальника федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Хабаровскому краю» (далее – Управление финансового обеспечения) об отказе в выплате ему ежемесячной денежной компенсации за наем жилого помещения с 1 июля 2017 г. в связи с предоставлением в июне 2017 г. субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (далее – жилищная субсидия) и обязать начальника названного управления компенсировать ему расходы, связанные с наймом жилого помещения за период с 19 августа по 1 декабря 2017 г.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные акты отменила в связи с существенными нарушениями судами норм материального права и приняла по делу новое решение об отказе П. в удовлетворении административного искового заявления, приведя в обоснование следующие доводы.

Как установлено судом, П., подлежащий на весь период военной службы обеспечению служебным жилым помещением, проходит военную службу в воинской части, дислоцированной в г. Хабаровске.

Решением начальника федерального государственного казенного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Востокрегионжилье») от 24 июня 2015 г. административный истец признан нуждающимся в жилых помещениях, предоставляемых для постоянного проживания, в форме жилищной субсидии.

Решением начальника ФГКУ «Востокрегионжилье» от 17 октября 2016 г. П. был включен в список на предоставление служебных жилых помещений по месту прохождения военной службы, в связи с отсутствием которых ему на основании представленных по команде рапорта и договора найма жилого помещения финансовым органом производилась выплата ежемесячной денежной компенсации за наем жилого помещения.

Решением ФГКУ «Востокрегионжилье» от 8 июня 2017 г. П. предоставлена жилищная субсидия, на которую он приобрел жилой дом в г. Краснодаре.

Решением ФГКУ «Востокрегионжилье» от 16 июня 2017 г. административный истец снят с учета нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых для постоянного проживания, в связи с предоставлением жилищной субсидии, а с 18 августа 2017 г. ему прекращена выплата ежемесячной денежной компенсации за наем жилого помещения.

Полагая, что он имеет право на выплату названной компенсации ввиду необеспеченности по месту военной службы служебным жилым помещением, П. обратился к начальнику Управления финансового обеспечения с заявлением о возобновлении выплаты компенсации, однако получил отказ в связи с отсутствием оснований после предоставления ему жилищной субсидии.

Удовлетворяя административное исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что прекращение П. выплаты денежной компенсации за наем жилого помещения могло иметь место лишь в том случае, если бы он приобрел жилье в порядке реализации жилищной субсидии по месту военной службы. Поскольку административным истцом приобретен жилой дом не по месту военной службы, он вправе претендовать на денежную компенсацию за наем жилого помещения.

Соглашаясь с выводами гарнизонного военного суда, суд апелляционной инстанции дополнительно указал в определении, что П. до 1 декабря 2017 г. не исключался из списка на предоставление служебных жилых помещений по месту прохождения военной службы.

Однако такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

Право военнослужащих на жилище установлено Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – Закон о статусе военнослужащих), согласно п. 1 ст. 15 которого государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленных указанным федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

Согласно абзацу двенадцатому п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих военнослужащим – гражданам, обеспечиваемым на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями и признанным нуждающимися в жилых помещениях, по достижении общей продолжительности военной службы 20 лет и более, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, предоставляются жилищная субсидия или жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом по избранному постоянному месту жительства и в соответствии с нормами предоставления площади жилого помещения, предусмотренными ст. 15¹ Закона о статусе военнослужащих.

Содержание названных норм закона указывает на то, что жилищная субсидия является одной из форм реализации права военнослужащего на жилище, а ее предоставление – исполнением государством своих обязательств по жилищному обеспечению военнослужащего.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для дела.

В соответствии с ч. 2 ст. 99 и ч. 1 ст. 104 ЖК РФ специализированные жилые помещения, к которым относятся служебные жилые помещения, предоставляются по установленным Жилищным кодексом Российской Федерации основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте.

Согласно п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих военнослужащим и совместно проживающим с ними членам их семей предоставляются не позднее трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, в населенных пунктах, в которых располагаются воинские части, а при отсутствии возможности предоставить служебные жилые помещения в указанных населенных пунктах – в других близлежащих населенных пунктах.

При этом в силу п. 3 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих военнослужащие и члены их семей до получения жилых помещений регистрируются по месту жительства, в том числе по их просьбе по адресам воинских частей. В случае отсутствия указанных жилых помещений воинские части арендуют жилые помещения для обеспечения военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей или

по желанию военнослужащих ежемесячно выплачивают им денежную компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений в порядке и размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации.

В соответствии с названными предписаниями закона постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 утверждено Положение о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей, согласно п. 2 которого выплата денежной компенсации прекращается с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором военнослужащий утратил основания для получения денежной компенсации, предусмотренные Законом о статусе военнослужащих (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2015 г. № 989).

Кроме того, согласно п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 выплата денежной компенсации военнослужащим и членам их семей, а также членам семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы, осуществляется ежемесячно за счет и в пределах средств, предусматриваемых на указанные цели в федеральном бюджете Министерству обороны Российской Федерации или иному федеральному органу исполнительной власти (федеральному государственному органу), в котором законом предусмотрена военная служба.

Во исполнение названного постановления приказом Министра обороны Российской Федерации от 27 мая 2016 г. № 303 утверждена Инструкция об организации в Вооруженных Силах Российской Федерации выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений, в соответствии с п. 8 которой выплата денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений прекращается с первого числа месяца, следующего за месяцем, в котором военнослужащие или члены семей погибших (умерших) военнослужащих утратили основания для получения денежной компенсации, в том числе по причине предоставления им субсидии для приобретения или строительства жилого помещения.

Из изложенного следует, что денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений выплачивается военнослужащим в случае их необеспеченности жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте, а ее выплата прекращается после утраты права на ее получение.

При таких данных П. после получения 8 июня 2017 г. жилищной субсидии с 1 июля 2017 г. утратил право на получение денежной компенсации за наем жилого помещения.

То обстоятельство, что административный истец в порядке реализации жилищной субсидии приобрел жилое помещение не по месту военной службы, а также то, что до 1 декабря 2017 г. он не исключался из

списка на предоставление служебных жилых помещений по месту прохождения военной службы, на законность принятого жилищным органом решения не влияет.

Согласно п. 9 ст. 2 Закона о статусе военнослужащих военнослужащие, граждане, уволенные с военной службы, и члены их семей, имеющие право на социальные гарантии и компенсации в соответствии с названным федеральным законом, пользуются социальными гарантиями и компенсациями, установленными для граждан федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Если указанные лица одновременно имеют право на получение одной и той же социальной гарантии и компенсации по нескольким основаниям, то им предоставляются по их выбору социальная гарантия и компенсация по одному основанию, за исключением случаев, особо предусмотренных федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В суде установлено, что П., как подлежащий обеспечению на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями, по достижении общей продолжительности военной службы 20 лет приобрел право на получение жилищной субсидии. В то же время по месту военной службы он был признан нуждающимся в служебном жилом помещении. То есть военнослужащий при установленных обстоятельствах имел право на получение одной и той же социальной гарантии в форме жилищного обеспечения по двум основаниям: приобретение жилья за счет реализации предоставленной ему жилищной субсидии и получение служебного жилого помещения.

Согласно ч. 2 ст. 1 ЖК РФ граждане по своему усмотрению и в своих интересах осуществляют принадлежащие им жилищные права, в том числе распоряжаются ими.

При таких данных реализация П. права на жилье посредством приобретения по предоставленной ему жилищной субсидии жилого помещения в г. Краснодаре, вопреки выводу судов, исключала обеспечение его служебным жилым помещением по месту военной службы в г. Хабаровске.

Таким образом, решение начальника Управления финансового обеспечения об отказе в выплате административному истцу ежемесячной денежной компенсации за наем жилого помещения после предоставления жилищной субсидии является законным.

Определение № 208-КГ18-19

48. Невыяснение судом принадлежности жилого помещения, в котором военнослужащий проживал в качестве члена семьи

нанимателя этого помещения, к государственному жилищному фонду повлекло отмену судебного акта.

Решением Калужского гарнизонного военного суда от 11 января 2018 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 29 марта 2018 г., удовлетворено административное исковое заявление С., в котором он просил признать незаконным решение Центральной жилищной комиссии ФСО России (далее – жилищная комиссия) от 23 ноября 2017 г. об отказе в принятии его на учет нуждающихся в жилых помещениях.

Суд признал незаконным названное решение жилищной комиссии от 23 ноября 2017 г. и возложил на жилищную комиссию обязанность по принятию в установленном порядке административного истца на жилищный учет.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные акты отменила и направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд в ином составе судей, указав, что судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

В суде установлено, что С. в 1993 году по месту работы в г. Калуге была предоставлена квартира на состав семьи из трех человек (административный истец, супруга и сын), из которой он в 1997 году выехал в другое место жительства в связи с расторжением брака и оставлением жилого помещения бывшей супруге.

17 мая 1996 г. С. поступил на военную службу по контракту в воинскую часть, дислоцированную в г. Калуге, а 14 июля 2017 г. обратился с заявлением о принятии его на жилищный учет по месту прохождения военной службы с составом семьи из одного человека. В рапорте от 27 сентября 2017 г. административный истец просил предоставить ему субсидию для приобретения или строительства жилого помещения (далее – жилищная субсидия) в порядке, установленном постановлением Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2014 г. № 76.

Решением жилищной комиссии от 23 ноября 2017 г. административному истцу было отказано в принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях на основании подп. 1 п. 1 ст. 51 ЖК РФ, то есть в связи с непредставлением документов, обязанность по представлению которых возложена на заявителя.

Признавая отказ незаконным и удовлетворяя заявление, суды исходили из того, что жилым помещением в порядке, установленным Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – Закон о статусе военнослужащих), С. в период

военной службы не обеспечивался, а пятилетний срок с момента умышленного ухудшения им в 1997 году жилищных условий истек.

Между тем такой вывод сделан судами в отсутствие в деле данных о форме собственности жилищного фонда, за счет которого административному истцу была предоставлена квартира в 1993 году, тогда как выяснение данного обстоятельства имеет существенное значение для дела.

Право военнослужащих на жилище установлено п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих, согласно которому государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в порядке и на условиях, установленных названным федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета, то есть из государственного жилищного фонда.

Согласно абзацу тринадцатому п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих военнослужащие признаются федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, нуждающимися в жилых помещениях по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 51 ЖК РФ нуждающимися в жилых помещениях признаются в том числе граждане, являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения и обеспеченные общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Из материалов дела следует, что в 1993 году административному истцу была предоставлена квартира как молодому специалисту по месту работы в г. Калуге в управлении юстиции Калужской области.

В соответствии со ст. 6 ЖК РСФСР, действовавшего до 1 марта 2005 г., к государственному жилищному фонду относились жилые помещения, находившиеся в ведении местных Советов народных депутатов (жилищный фонд местных Советов) и в ведении министерств, государственных комитетов и ведомств (ведомственный жилищный фонд).

При таких данных в случае отнесения жилого помещения, которым был обеспечен административный истец, к государственному жилищному фонду предоставление С. жилого помещения в порядке, установленном Законом о статусе военнослужащих, может привести к сверхнормативному обеспечению его жильем за счет государства.

Следовательно, выяснение принадлежности названного жилого помещения к государственному либо ведомственному жилищному фонду являлось обязательным для суда.

Однако обстоятельства, связанные с получением административным истцом квартиры и отнесением ее к государственному жилищному фонду, в судебных заседаниях первой и апелляционной инстанций не выяснялись.

Отсутствуют в материалах дела и документальные данные об общей площади предоставленного административному истцу в 1993 году жилого помещения, тогда как это обстоятельство имеет значение для решения вопроса о признании за ним права на жилищную субсидию и расчета ее размера в порядке, установленном постановлением Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2014 г. № 76.

Что касается истечения пятилетнего срока с момента умышленного ухудшения административным истцом жилищных условий, то в случае отнесения занимаемого им до 1997 года жилого помещения к государственному жилищному фонду это обстоятельство не является основанием для его повторного обеспечения жилым помещением за счет федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, поскольку в этом случае обеспечение военнослужащего жилым помещением по договору социального найма осуществляется в общем порядке согласно нормам ЖК РФ с учетом ранее полученного от государства жилого помещения, что следует из разъяснений, содержащихся в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих».

Определение № 201-КГ18-35

По гражданским делам

49. Частная жалоба, представление прокурора на определение суда первой инстанции об удовлетворении или об отказе в удовлетворении заявления, представления о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам рассматриваются с извещением лиц, участвующих в деле.

Вступившим в законную силу решением Одинцовского гарнизонного военного суда от 29 мая 2017 г. частично удовлетворено исковое заявление командира воинской части о привлечении З. к материальной ответственности. В пользу воинской части с ответчика взыскано 700 000 руб., в удовлетворении исковых требований в большем размере отказано.

Определением Одинцовского гарнизонного военного суда от 13 декабря 2017 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 1 февраля 2018 г., З. отказано в удовлетворении заявления о пересмотре названного решения

Одинцовского гарнизонного военного суда от 29 мая 2017 г. по вновь открывшимся обстоятельствам.

В кассационной жалобе З. просил отменить судебные постановления и разрешить вопрос по существу, указав в обоснование в том числе на допущенное судом апелляционной инстанции существенное нарушение норм процессуального права, выразившееся в рассмотрении дела без его участия, на которое он не мог прибыть ввиду нахождения на стационарном лечении.

Рассмотрев материалы гражданского дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение Московского окружного военного суда от 1 февраля 2018 г. по заявлению З. о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, который при рассмотрении дела допустил существенное нарушение норм процессуального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что 12 января 2018 г. З. и его представителю судом апелляционной инстанции направлены уведомления о рассмотрении 1 февраля 2018 г. частной жалобы на определение Одинцовского гарнизонного военного суда от 13 декабря 2017 г.

27 и 28 января 2018 г. уведомления возвращены в суд в связи с истечением сроков хранения.

Согласно телефонограмме от 31 января 2018 г. З. в 10 часов был извещен о судебном заседании суда апелляционной инстанции.

В этот же день им направлена телеграмма в окружной военный суд, в которой он сообщил о невозможности своего участия в судебном заседании по причине нахождения с 5 января 2018 г. на стационарном лечении в госпитале и ходатайствовал об отложении заседания на более поздний срок. Телеграмма поступила в окружной военный суд 31 января 2018 г.

Как усматривается из протокола судебного заседания от 1 февраля 2018 г., председательствующий по делу объявил о том, что лица, участвующие в деле, в соответствии с ч. 2 ст. 333 ГПК РФ не извещались о времени и месте судебного заседания.

Между тем в соответствии с ч. 3 ст. 333 ГПК РФ без извещения лиц, участвующих в деле, рассматриваются частная жалоба, представление прокурора на определение суда первой инстанции, за исключением определений в том числе об удовлетворении или об отказе в удовлетворении заявления, представления о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Следовательно, рассмотрению в окружном военном суде частной жалобы З. на определение гарнизонного военного суда об отказе в удовлетворении его заявления о пересмотре решения Одинцовского

гарнизонного военного суда от 29 мая 2017 г. по вновь открывшимся обстоятельствам должно было предшествовать извещение лиц, участвующих в деле.

Согласно ч. 1 ст. 327 ГПК РФ суд апелляционной инстанции рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных гл. 39 ГПК РФ.

При этом, как следует из ч. 2 ст. 167 ГПК РФ, если лица, участвующие в деле, извещены о времени и месте судебного заседания, суд откладывает разбирательство дела в случае признания причин их неявки уважительными.

Таким образом, содержание ч. 2 ст. 167, ч. 1 ст. 327 и ч. 3 ст. 333 ГПК РФ в их взаимосвязи указывает на то, что извещение лиц, участвующих в деле, о судебном заседании суда апелляционной инстанции предопределяет необходимость выяснения уважительности причин в случае их неприбытия, а при наличии таких причин – отложения рассмотрения частной жалобы.

Часть 2 ст. 333 ГПК РФ, вопреки указанию суда апелляционной инстанции, не устанавливает порядок извещения лиц, участвующих в деле, при рассмотрении частной жалобы, представления, а определяет правила извещения сторон о поданных частных жалобах, представлениях и устанавливает срок для представления возражений на них.

Представленными 3. документами подтверждается, что он находился на стационарном лечении с 5 января по 9 февраля 2018 г., что исключало его явку в судебное заседание 1 февраля 2018 г.

О невозможности участия в судебном заседании по причине нахождения на стационарном лечении и просьбе перенести заседание на более поздний срок 3. заявил в окружной военный суд заблаговременно.

При таких данных у суда апелляционной инстанции имелись все основания признать причину неявки 3. в суд уважительной и в соответствии с ч. 2 ст. 167 ГПК РФ отложить разбирательство дела.

Определение № 201-КГ18-43

Апелляционная инстанция

По уголовным делам

50. Поскольку на момент обнаружения признаков преступления, возбуждения уголовного дела и начала производства следственных действий с участием обвиняемого тот достиг совершеннолетнего возраста, основания для привлечения к участию в деле законного представителя отсутствовали.

По приговору Московского окружного военного суда от 14 сентября 2018 г. Д., 9 апреля 1998 г. рождения, осужден по ч. 1 ст. 205² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) за действия, совершенные 3 февраля 2016 г., с применением ч. 2 ст. 88 УК РФ к штрафу в размере 40 000 руб.

В апелляционной жалобе Д. помимо прочего указал, что в ходе предварительного следствия следователь необоснованно отказал в допуске в качестве законного представителя его матери, в связи с чем являются недопустимыми протоколы следственных действий и иные документы, составленные в отсутствие законного представителя.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор оставила без изменения, указав, что решения следователя, надлежаще мотивированные в соответствующих постановлениях, не противоречат требованиям уголовно-процессуального закона, поскольку на момент начала производства следственных действий с участием Д. тот достиг совершеннолетнего возраста, ввиду чего основания для осуществления функций законного представителя отсутствовали.

Какие-либо исключительные обстоятельства, связанные с характером содеянного Д. и данными о его личности, которые свидетельствовали бы о необходимости участия в деле законного представителя, из дела не усматриваются. При этом интересы Д. на основании заключенного соглашения осуществлял адвокат З.

Исходя из изложенного получение перечисленных Д. в жалобе доказательств в отсутствие законного представителя не может явиться основанием для признания их недопустимыми.

Апелляционное определение № 201-АПУ18-46

5. Необоснованный отказ суда в удовлетворении ходатайства лица, совершившего в состоянии невменяемости запрещенные уголовным законом деяния, об обеспечении его личного участия в судебном разбирательстве по уголовному делу повлек отмену судебного решения.

По постановлению Уральского окружного военного суда от 25 июля 2018 г. Ч. признан лицом, совершившим в состоянии невменяемости запрещенные уголовным законом деяния, в связи с чем на основании ст. 21 УК РФ он освобожден от уголовной ответственности и ему назначена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей

психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа с интенсивным наблюдением.

В апелляционной жалобе Ч. просил отменить постановление и возвратить уголовное дело прокурору ввиду нарушения его права на защиту, выразившегося в лишении его возможности лично ознакомиться с материалами дела перед направлением его в суд и в отказе в удовлетворении его ходатайства об участии в судебном разбирательстве по вопросу о применении принудительной меры медицинского характера.

Судебная коллегия по делам военнослужащих постановление отменила и возвратила уголовное дело военному прокурору Центрального военного округа, указав в обоснование следующее.

Согласно ч. 1 ст. 441 УПК РФ рассмотрение уголовного дела о применении принудительной меры медицинского характера производится в общем порядке с изъятиями, предусмотренными гл. 51 УПК РФ. Лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, должно быть предоставлено право лично участвовать в судебном заседании, если его психическое состояние позволяет ему участвовать в судебном заседании. При этом учитываются заключение экспертов, участвующих в производстве судебно-психиатрической экспертизы, и при необходимости медицинское заключение психиатрического стационара.

Как следует из разъяснений, данных в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, должно быть предоставлено право лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные ст. 46 и 47 УПК РФ процессуальные права, если его психическое состояние позволяет ему осуществлять такие права. При этом учитываются заключение экспертов, участвовавших в производстве судебно-психиатрической экспертизы, и при необходимости медицинское заключение психиатрического стационара. Указанные медицинские документы не имеют для суда заранее установленной силы и подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами.

Как усматривается из материалов дела, Ч., находящийся в медицинской организации – филиале Свердловской областной клинической психиатрической больницы, будучи уведомленным о дате, месте и времени рассмотрения его дела окружным военным судом, заблаговременно обратился с ходатайством о предоставлении ему возможности лично ознакомиться с материалами дела, что не было сделано на предыдущих стадиях производства, и о непосредственном его участии в судебном заседании.

В удовлетворении ходатайства судом было отказано. При этом суд, как это указано в постановлении, принял во внимание наличие в материалах дела данных о невозможности участия Ч. по своему психическому состоянию в судебном заседании.

Однако вывод суда о невозможности личного участия Ч. в судебных заседаниях сделан без достаточных оснований.

Согласно заключению психолого-психиатрической экспертизы от 22 февраля 2018 г. Ч. страдал в период, относящийся к инкриминируемым ему деяниям, и на момент составления данного заключения психическим расстройством, лишаящим его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, а на момент составления заключения тот был лишен возможности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, а также не способен правильно понимать характер и значение своего процессуального положения и самостоятельно осуществлять свои процессуальные права и выполнять процессуальные обязанности.

В соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона судебной проверке подлежит каждое из представленных сторонами доказательств, а согласно ч. 2 ст. 17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

С учетом этих требований суду следовало проверить невозможность личного участия Ч. в судебном разбирательстве путем его вызова в судебное заседание и исследования всех данных о состоянии его психического здоровья на момент рассмотрения дела, и лишь непосредственно убедившись в том, что по своему психическому состоянию он не может участвовать в рассмотрении дела, суд мог принять решение о проведении судебного разбирательства в его отсутствие.

Такой вывод согласуется с правовыми позициями, изложенными в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2007 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева», в котором указано, что согласно Международному пакту о гражданских и политических правах каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника (пп. «d» п. 3 ст. 14). Право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия,

закреплено также Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (подп. «с» п. 3 ст. 6).

Конкретизируя приведенные положения международно-правовых актов применительно к лицам, страдающим психическими расстройствами, Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (приняты 17 декабря 1991 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 46/119) предусматривают право любого психически больного лица на осуществление всех признанных международными нормами гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и прямо указывают на недопустимость какой-либо дискриминации, т.е. установления в связи с психическим заболеванием лица таких отличий, исключений или предпочтений, следствием которых являются отрицание или ограничение равенства в реализации прав (пп. 4 и 5 принципа 1); в отношении же лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния, если предполагается или установлено, что они страдают психическим заболеванием, общие принципы защиты подлежат применению в полном объеме с такими минимальными, необходимыми в данных обстоятельствах изменениями и исключениями, которые не будут наносить ущерб их правам (принцип 20); при этом государства обязаны обеспечивать наличие соответствующих механизмов для соблюдения данной Резолюции, в том числе в части разрешения жалоб (принцип 22).

В ряде других документов – рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 818(1977) «О положении психически больных», рекомендациях Комитета Министров Совета Европы № R(83)2 «Относительно правовой защиты лиц, страдающих психическим расстройством, которые были госпитализированы в принудительном порядке», № R(99)4 «О принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых», Rec(2004)10 «Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством» – государствам – членам Совета Европы предложено установить, чтобы судебные решения не принимались только на основании медицинских заключений, а пациенту с психическим заболеванием, как и любому другому лицу, было обеспечено право быть выслушанным и чтобы в случаях предполагаемого правонарушения в течение всего разбирательства присутствовал адвокат; лица с психическими расстройствами должны иметь возможность осуществлять все свои гражданские и политические права, а любые их ограничения допускаются строго в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и не могут основываться на одном лишь факте наличия у лица психического заболевания.

С названными положениями международных актов соотносятся предписания Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее

оказании», согласно ч. 1 ст. 5 которого лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией Российской Федерации и федеральными законами; ограничение же прав и свобод граждан, связанное с психическим расстройством, допустимо лишь в случаях, предусмотренных законами Российской Федерации, как это следует из ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Оспариваемое постановление также не соответствует практике Европейского Суда по правам человека, который в постановлении от 20 октября 2005 г. по делу «Романов против России» признал, что присутствие заявителя в судебном заседании является необходимым условием для того, чтобы судья лично мог убедиться в его психическом состоянии и принять справедливое решение; рассмотрение дела судом первой и кассационной инстанций в отсутствие заявителя (вопреки его желанию), которое ничем не может быть компенсировано, допустимо лишь при наличии особых обстоятельств, например, если имеют место какие-либо признаки агрессивного поведения или если физическое и психическое состояние не позволяет ему предстать перед судом.

Таких обстоятельств из материалов дела не усматривается.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судом первой инстанции допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, выразившееся в необоснованном отказе в удовлетворении ходатайств Ч. об обеспечении его личного участия в судебном разбирательстве по уголовному делу, являющееся в соответствии со ст. 389¹⁷ УПК РФ основанием для отмены судебного решения.

Кроме того, из материалов дела следует, что на досудебной стадии производства было допущено иное существенное нарушение прав Ч., предусмотренных ст. 46 УПК РФ, поскольку ему не была предоставлена возможность ознакомиться с делом и заявить соответствующие ходатайства в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ, подлежащие разрешению на указанной стадии производства.

При этом ни в ст. 46 УПК РФ, ни в нормах гл. 51 УПК РФ, регламентирующих порядок производства по применению принудительных мер медицинского характера, не содержится положений, допускающих лишение лица, в отношении которого ставится вопрос о применении указанных мер, права на ознакомление с материалами дела, в том числе с помощью адвоката и (или) законного представителя, и на заявление ходатайств на соответствующей стадии процесса.

Что касается заключения эксперта, проводившего психолого-психиатрическую экспертизу от 22 февраля 2018 г., о том, что Ч. лишен возможности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, а также не способен правильно

понимать характер и значение своего процессуального положения и самостоятельно осуществлять свои процессуальные права и выполнять процессуальные обязанности, то оно не свидетельствует об объективной невозможности реализации Ч. гарантированных законом прав и не является основанием для их ограничения.

Лишение Ч. установленного законом права на ознакомление с материалами дела на досудебной стадии и на заявление после этого соответствующих ходатайств препятствует постановлению судом решения, отвечающего принципу законности и справедливости, поскольку Ч. без законных оснований был ограничен в возможности определить свою позицию по вопросам, указанным в постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера.

Нарушение прав Ч. не может быть устранено при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, что является основанием для направления его прокурору для принятия соответствующего решения в пределах его компетенции.

Апелляционное определение № 204-АПУ18-2

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

51. Систематические грубые нарушения норм материального и процессуального права при рассмотрении уголовных и гражданских дел, допущенные судьей, порочат честь и достоинство судьи, способствуют формированию в гражданском обществе негативного отношения к деятельности судов, свидетельствуют о его несоответствии занимаемой должности.

Дисциплинарная коллегия отказала в удовлетворении жалобы Г. на решение квалификационной коллегии судей Ставропольского края от 20 апреля 2018 г. о досрочном прекращении его полномочий судьи Георгиевского городского суда Ставропольского края за совершение дисциплинарного проступка.

В решении Коллегия указала следующее.

Дисциплинарный проступок Г. выразился в систематическом грубом нарушении норм материального и процессуального права при рассмотрении ряда уголовных и гражданских дел, что повлекло ущемление прав и законных интересов лиц, участвующих в деле, умаляющее авторитет судебной власти.

Так, в судебном заседании установлено, что на момент проверки, проведенной Ставропольским краевым судом на основании приказа председателя краевого суда, судьей Г. не приняты предусмотренные

законом меры к изготовлению судебных постановлений, направлению их копий участвующим в делах лицам, а также к сдаче в канцелярию суда 42 гражданских и административных дел, в суде отсутствовало 14 дел, из которых 11 дел в течение дня были возвращены в суд бывшим секретарем судебного заседания, а 3 дела, которые значились рассмотренными, так и не были представлены Г. без каких-либо объяснений. В 25 гражданских делах определения о принятии дел к производству и о подготовке к судебному разбирательству не были подписаны судьей, определения о назначении судебного заседания, протоколы судебных заседаний отсутствовали либо не были подписаны судьей.

Кроме того, не приняты меры для своевременного размещения текстов вступивших в законную силу судебных актов на сайте суда в сети Интернет. На момент проверки не были размещены на сайте суда 320 вынесенных Г. судебных актов.

Уголовное дело в отношении П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» части 3 статьи 131 УК РФ направлено в суд кассационной инстанции спустя 5 месяцев после его рассмотрения, приговор был отменен, как незаконный, уголовное дело возвращено в городской суд. В отношении судьи Г. вынесено частное определение, в котором указано, что он грубо нарушил права осужденного и государственного обвинителя на обжалование приговора.

Коллегия в решении также указала, что систематические нарушения, допущенные судьей Г., порочат честь и достоинство судьи, способствуют формированию в гражданском обществе негативного отношения к деятельности судов и тем самым порочат авторитет судебной власти, свидетельствуют о несоответствии его занимаемой должности. Коллегия признала невозможным продолжение осуществления судьей Г. своих полномочий.

Дело №ДК 18-40

52. Судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи.

Отказывая в удовлетворении жалобы судьи М. на решение квалификационной коллегии судей Волгоградской области от 31 августа 2018 г. о досрочном прекращении ее полномочий судьи Центрального районного суда г. Волгограда за совершение дисциплинарного проступка, Дисциплинарная коллегия в решении указала следующее.

В судебном заседании установлено, что судья М., выслушав 27 ноября 2017 г. последнее слово подсудимых, по находившемуся у нее в

производстве уголовному делу, удалилась в совещательную комнату для постановления приговора до 11 часов 4 декабря 2017 г. На следующий день 28 ноября 2017 г. без уважительной причины на работу не вышла, совершив прогул. Кроме того, в этот же день около 16 часов М., управляя автомобилем «Тойота Лэнд Крузер» в состоянии алкогольного опьянения, совершила дорожно-транспортное происшествие, в результате которого столкнулись и получили повреждения пять автомобилей.

Факт прогула М. 28 ноября 2017 г. подтверждается показаниями свидетелей, записями камер видеонаблюдения, охватывающих вход и помещение суда.

Таким образом, М. нарушила положения ст. 298 УПК РФ, согласно которой судья, удалившись в совещательную комнату не должен покидать ее и вправе сделать перерыв для отдыха в течение рабочего дня и по его окончании.

Согласно справке о результатах химико-токсикологического исследования от 29 ноября 2017 г. в крови М. обнаружен этанол в количестве 1,1 промиле, что соответствует легкому алкогольному опьянению и превышает порог, с которого наступает административная ответственность по ст. 12.8 КоАП РФ за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения.

Совершение М. дорожно-транспортного происшествия установлено и отражено в постановлении о прекращении административного производства по ст. 12.24 КоАП РФ ввиду отсутствия у участников последствий в виде вреда здоровью как основного признака административного правонарушения.

Учитывая обстоятельства дисциплинарного проступка, выразившегося в сознательном грубом игнорировании совершившей прогул М. требований уголовно-процессуального закона и подзаконных актов, Дисциплинарная коллегия согласилась с решением квалификационной коллегии судей о том, что данный случай является исключительным, поскольку отрицательно повлиял на репутацию судьи и авторитет судебной власти, по своему характеру является несовместимым с высоким званием судьи.

Дело № ДК18-66

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

(Ответы на вопросы, связанные с применением Закона о банкротстве, утверждены Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 марта 2019 г.)

ВОПРОС 1. Как следует поступить судье арбитражного суда в том случае, если к заявлению уполномоченного органа о признании организации-должника банкротом не приложены документы, обосновывающие наличие у нее имущества, за счет которого могут быть покрыты расходы по делу о банкротстве, либо вероятность обнаружения такого имущества в процедурах банкротства?

ОТВЕТ. При рассмотрении вопроса о возможности принятия к производству заявления уполномоченного органа о признании организации банкротом, в том числе обладающей признаками недействующего юридического лица (п. 1 ст. 21¹ Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»), отсутствующего должника (п. 1 ст. 227, ст. 230 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)), судам следует учитывать сохраняющие силу разъяснения, содержащиеся в п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве» (далее – постановление № 91).

В случае когда к заявлению уполномоченного органа о признании организации банкротом не приложены доказательства, подтверждающие наличие у нее имущества, за счет которого могут быть покрыты расходы по делу о банкротстве, или вероятность обнаружения такого имущества, заявление на основании ст. 44 Закона о банкротстве подлежит оставлению без движения с последующим возвращением (при непредставлении соответствующих доказательств в установленный судом срок).

В качестве документов, свидетельствующих об отсутствии средств, достаточных для возмещения расходов на проведение процедур банкротства, судами, в частности, могут приниматься во внимание:

акты судебного пристава-исполнителя о невозможности взыскания по основаниям, предусмотренным пп. 3 и 4 ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»;

справки налогового органа об отсутствии у него сведений об имуществе должника, полученных в порядке межведомственного информационного взаимодействия в соответствии со ст. 85 Налогового кодекса Российской Федерации от органов, осуществляющих

государственный кадастровый учет и государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, органов, осуществляющих регистрацию транспортных средств, и т.п.;

выписки по операциям на счетах, по вкладам (депозитам) организаций в банках, справки о переводах электронных денежных средств, указывающие на отсутствие остатка по счетам и несовершение по ним операций в течение длительного времени;

сведения о непредставлении организацией бухгалтерской и (или) налоговой отчетности.

В ситуации, когда названные документы об отсутствии у должника имущества или их часть имеются в поступивших в суд материалах и уполномоченным органом не представлены какие-либо иные доказательства, обосновывающие обратное, в том числе возможность фактического поступления в конкурсную массу денежных средств вследствие привлечения контролирующих лиц к ответственности, суд выносит определение о возвращении заявления о признании должника банкротом, указав в мотивировочной части обстоятельство, послужившее основанием для возвращения, – отсутствие средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве. Если указанное обстоятельство обнаружится после принятия к производству заявления уполномоченного органа о признании должника банкротом, суд выносит определение о прекращении производства по делу на основании абзаца восьмого п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве (с учетом разъяснений, приведенных в п. 14 постановления № 91), указав в мотивировочной части на отсутствие средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве.

Судам следует учитывать, что после возвращения заявления уполномоченного органа о признании должника банкротом или прекращения производства по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, уполномоченный орган вправе обратиться в суд в общеисковом порядке с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности или о возмещении ими убытков (ст. 61¹⁴ и 61²⁰ Закона о банкротстве). Такое исковое заявление подлежит разрешению судом в соответствии с положениями гл. III² Закона о банкротстве, в том числе в соответствии с закрепленными в этой главе презумпциями.

ВОПРОС 2. Каковы последствия возвращения уполномоченному органу заявления о признании организации-должника банкротом (прекращения производства по делу о банкротстве, возбужденному по

заявлению уполномоченного органа) в связи с отсутствием средств, необходимых на покрытие расходов по делу о банкротстве?

ОТВЕТ. Согласно подп. 4³ п. 1 ст. 59 Налогового кодекса Российской Федерации принятие судом в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, определения о возвращении заявления уполномоченного органа о признании организации-должника банкротом или о прекращении производства по делу о банкротстве, возбужденному по заявлению уполномоченного органа, является самостоятельным основанием для признания недоимки, задолженности по пеням и штрафам безнадежными к взысканию. Для списания задолженности по указанному основанию не требуется устанавливать каких-либо дополнительных обстоятельств.

Судам следует учитывать, что такое списание задолженности, по смыслу разъяснений, данных в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», само по себе не препятствует последующей подаче уполномоченным органом в общеисковом порядке заявления о привлечении лица, контролирующего должника, к ответственности по списанным обязательствам и не может служить единственным основанием для исключения списанной задолженности из общего размера ответственности контролирующего лица.

Кроме того, если после возвращения уполномоченному органу заявления о признании организации-должника банкротом (прекращения производства по делу о банкротстве, возбужденному по заявлению уполномоченного органа) в связи с отсутствием средств, необходимых на покрытие расходов по делу о банкротстве, будут выявлены имущество должника, скрываемое им, или иные обстоятельства, указывающие на возможность поступления имущества в собственность должника (например, посредством фактического получения имущества через процедуру оспаривания сделок), которые не были и не могли быть достоверно известны уполномоченному органу, по его заявлению определение о возвращении заявления (о прекращении производства по делу) может быть пересмотрено применительно к положениям п. 1 ч. 2 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. В случае пересмотра определения суд, устанавливая общий объем обязательств должника перед бюджетом, проверяет, были ли налоговым органом восстановлены в соответствии с законодательством Российской Федерации суммы, списанные ранее на основании отмененного судебного акта.